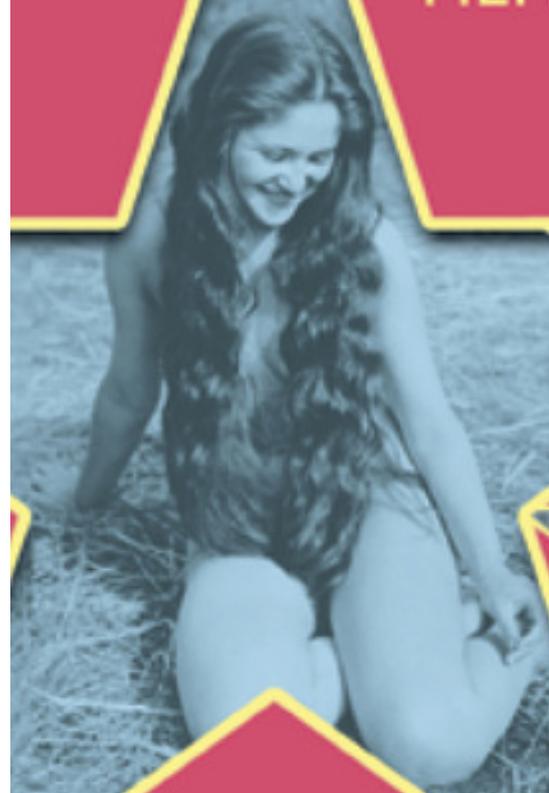

В И Т А Л И Й
В У Л Ь Ф

С Е Р А Ф И М А
Ч Е Б О Т А Р Ь

*Воспитательные
женщины*

НЕПОДВЛАСТНЫЕ
ВРЕМЕНИ

НЕПОДВЛАСТНЫЕ
ВРЕМЕНИ

Виталий Вульф

**Восхитительные женщины.
Неподвластные времени**

«Яуза»

2017

УДК 929
ББК 63.3(0)-8

Вульф В. Я.

Восхитительные женщины. Неподвластные времени /
В. Я. Вульф — «Яуза», 2017

ISBN 978-5-699-93209-2

Восхитительные женщины, покоровшие миллионы сердец. «Звезды», которым поклоняется весь мир. «Музы», вдохновлявшие гениев. «Железные леди», способные вести за собой целые народы. Легендарные красавицы, о которых грезил каждый мужчина. «Иконы стиля» и властительницы дум. От Елизаветы Тюдор до Эвиты Перон, от Маты Хари до Эсте Лаудер, от Елены Блаватской до Айседоры Дункан, от Сары Бернар до Риты Хейворт – в этой книге собраны биографии незабываемых женщин, над которыми оказалось не властно само время! Это – прощальный дар знаменитого телеведущего, чья программа «Серебряный шар» стала целой эпохой в истории отечественного ТВ.

УДК 929
ББК 63.3(0)-8

ISBN 978-5-699-93209-2

© Вульф В. Я., 2017
© Яуза, 2017

Содержание

Власть предержавшие	6
Елизавета Английская	6
Королева Виктория	26
Жозефина Богарне	44
Елизавета Алексеевна	65
Мария Александровна	91
Голда Меир	114
Эвита Перон	133
Звезды эпохи	150
Сара Бернар	150
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Виталий Вульф, Серафима Чеботарь

Восхитительные женщины.

Неподвластные времени

© Вульф В., 2017

© Чеботарь С., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Власть предрержащие

Елизавета Английская
Елизавета Тюдор¹
Добрая королева Бесс

¹ Елизавета I Тюдор с веером, портрет неизвестного, 1585 г.

Королев в истории было много, но Елизавета Великая была одна. Правительница, не пожелавшая разделить бремя власти ни с одним мужчиной. Королева, принявшая страну, разоренную войнами и мятежами, и оставившая Англию сильнейшей мировой державой. Женщина, которой судьбой было отказано в любви, но которая, тем не менее, стала любима и благословяема миллионами...

В последнее время исследователи склонны считать, что образ королевы Елизаветы – Доброй королевы Бесс, Королевы-девственницы, Хранительницы Англии – был намеренно искажен поколениями английских историков, вылепивших из нее образ совершенной правительницы и идеал всех монарших добродетелей, дабы усовестить ее наследников – королей из династии Стюартов, правителей весьма слабых, предпочитавших думать не о благе страны, а о собственных удовольствиях. Позднее королева Елизавета стала символом национального величия – ведь именно при ней Англия сместила с ведущих позиций в мировой политике прежнего лидера Испанию, при ней произошел небывалый расцвет искусства и литературы: недаром Уильяма Шекспира, Кристофера Марло, Бена Джонсона и других называют «елизаветинцами». Лишенная недостатков, сильная и прозорливая правительница, великая королева Елизавета Тюдор стала, пожалуй, одним из главных мифов английской историографии.

И в то же время существует другой миф, развиваемый в первую очередь в литературе: Елизавета предстает вовсе не той «железной леди», которой ее рисуют историографы, а скорее женщиной, со всеми свойственными ее полу – по мнению писателей – проблемами и слабостями. Она то предстает жестокой завистницей, отправившей свою родственницу, королеву Марию Стюарт, на плаху только потому, что та была красивее и моложе, то изображается легкомысленной кокеткой, коллекционирующей разбитые мужские сердца, сделавшей флирт единственным способом общения с собственными придворными. Одни описывают ее страсть к нарядам, другие вспоминают про связь престарелой королевы и молодого красавца Эссекса.

Бесспорно, ее жизнь, полная самых драматических событий, неожиданных поворотов, неожиданных несчастий и непредсказуемых взлетов, не могла не привлечь к себе внимания историков, писателей и поэтов. Однако не стоит забывать, что на самом деле все было гораздо проще и в то же время гораздо сложнее, чем могут описать гениальные романы или подробнейшие научные монографии.

Принцесса Елизавета, дочь английского короля Генриха Восьмого и его второй жены Анны Болейн, родилась седьмого сентября 1533 года в королевском дворце в Гринвиче. Однако ее рождение, вопреки ожиданиям, не вызвало бурной радости родителей: король хотел сына, и появление на свет еще одной дочери вместо долгожданного наследника его совершенно не обрадовало. В свое время он развелся со своей первой женой, Екатериной Арагонской, дочерью испанского короля и сестрой императора Священной Римской империи, из-за того, что она не дала королю наследников мужского пола – родившийся в 1522 году единственный сын Генрих не прожил и двух месяцев, и из всех многочисленных беременностей королевы в живых остался лишь один ребенок – дочь Мария. Получить развод

даже для короля оказалось непросто: для этого Генриху пришлось порвать с католической церковью, основав англиканство, главой которого был он сам. В конце концов брак с Екатериной был аннулирован: Екатерина на момент свадьбы с Генрихом была вдовой его старшего брата Артура, и хотя папа римский выдал официальное разрешение на брак, английский король все же – спустя двадцать лет – решил, что он не имел права жениться на столь близкой родственнице. Принцесса Мария автоматически стала незаконнорожденной.

Анна Болейн, мать Елизаветы I. Портрет кисти Вацлава Холлара.

В январе 1533 года Генрих втайне женился на своей давней возлюбленной Анне Болейн, которая на тот момент была беременна. По одной из легенд, придворный астролог предсказал Генриху, что первый ребенок от Анны станет великим правителем. Увы, к жестокому разочарованию короля, на свет появилась дочь – Елизавета, получившая свое имя в честь матери Генриха. Астролога приказали казнить; больше у Анны детей не было.

Невероятно разочарованный таким поворотом судьбы Генрих охладил к Анне, которую прежде страстно любил. Он стал заглядываться на ее фрейлину Джейн Сеймур, которая была полной противоположностью Анне: королева была страстной брюнеткой, любящей развлечения и наряды, ревливой и капризной, а Джейн – неизменно доброжелательной, тихой, спокойной, скромной и белокурой. Когда Елизавете было три года, после весьма предвзятого

судебного следствия Анна Болейн была казнена по обвинению в государственной измене. Ее брак с королем был аннулирован, и Елизавета – как и ее сестра – тоже оказалась в положении незаконнорожденной.

На ее положение это мало повлияло: она по-прежнему жила в отведенном для нее дворце Хэтфилд-хаус в компании немногочисленных слуг. Хотя она и не имела официального статуса принцессы, ее образованием занимались лучшие учителя, приглашенные из Кембриджа: английская принцесса, хоть и не признанная официально, все же была завидным товаром на европейском брачном рынке, и ей полагалось достойное образование. С детства Елизавета проявляла большие способности и еще большее усердие в изучении различных наук. К десяти годам она прекрасно говорила на французском, итальянском, греческом и латыни, знала философию, историю и литературу. Книги оставались ее верными спутниками на протяжении всей жизни. Кроме этого, принцесса прекрасно умела танцевать, музицировать, ездить верхом и рукодельничать.

Между тем в королевском дворце происходила одна драма за другой. Джейн Сеймур, ставшая третьей женой Генриха, родила ему долгожданного сына, названного Эдуардом, но сама скончалась через несколько дней. После ее смерти Генрих женился еще трижды: сначала на Анне Клевской, с которой развелся через несколько месяцев, а затем на кузине Анны Болейн Кэтрин Говард, которая разделила судьбу своей родственницы – она была казнена за измену. Историки считают, что казнь Кэтрин – молодой, жизнерадостной, доброй и очень красивой женщины – стала настоящим ударом для юной Елизаветы, успевшей привязаться к молодой мачехе.

Последней супругой Генриха стала в 1543 году Катерина Парр, успевшая к этому времени уже дважды овдоветь. Рассказывали, что она была влюблена в лорда-адмирала Томаса Сеймура – брата Джейн Сеймур, получившего благодаря родству весьма неплохое положение при дворе. Однако когда король стал проявлять недвусмысленный интерес к Катерине, она не посмела ему отказать. Леди Екатерина стала прекрасной супругой для Генриха, заботливой, нежной, понимающей, и любящей мачехой для всех троих королевских детей: она настояла на том, чтобы принцесс принимали при дворе, и сама заботилась об их воспитании и образовании.

Король Генрих Восьмой скончался 28 января 1547 года. Согласно его завещанию, дочери были признаны наследницами престола вслед за своим братом Эдуардом, отныне королем Эдуардом Шестым. Таким образом, они были официально признаны отцом. Через несколько месяцев Катерина Парр вышла замуж за Томаса Сеймура и переехала в его поместье в Челси. Вместе с любимой мачехой поселилась и Елизавета.

Генрих VIII, отец Елизаветы I. Портрет кисти Ганса Гобейна младшего, 1539–1540 г.

Многие историки пишут, что Сеймур, авантюрист и честолюбец, имел виды на юную принцессу: одни считают, что Елизавета была влюблена в него, другие полагают, что он, наоборот, домогался ее, да так грубо, что у девушки навсегда остался ужас перед сексуаль-

ными отношениями. Недаром она и в письмах к мачехе, и в беседах с другом детства Робертом Дадли еще тогда утверждала, что она не собирается ни выходить замуж, ни иметь детей. Но даже если Сеймур был и ни при чем, причин для такого решения у Елизаветы было предостаточно: ее мать и мачеха вышли замуж – и были казнены, еще одна мачеха умерла при родах. От родов скончалась и Катерина Парр – все это совершенно не вселяло в Елизавету надежду на счастливую жизнь под супружеским кровом.

Всего через несколько месяцев после смерти жены Томас Сеймур был арестован по обвинению в подготовке государственного переворота и вскоре казнен. В частности, ему инкриминировали намерение жениться на Елизавете и свергнуть с престола Эдуарда. На Елизавету, которая уже давно не жила в доме Сеймура, тоже пало подозрение в причастности, но она смогла доказать свою невиновность.

В 1551 году юный король Эдуард пригласил Елизавету ко двору: брат и сестра всегда с любовью относились друг к другу, и она была рада составить ему компанию, хотя и тосковала по вольной жизни вдали от двора с его интригами. Однако царствование Эдуарда было недолгим: в июле 1553 года он скончался от туберкулеза.

Интригами его родственников Сеймуров на престол была обманым путем возведена леди Джейн Грей – правнучка короля Генриха Седьмого. Но скоро англичане воспротивились столь явному нарушению закона: леди Джейн, оставшаяся в истории как «королева на девять дней», была низложена, и на английский престол, при полной поддержке народа, взошла Мария Тюдор. Елизавета была рядом с сестрой.

Ярая католичка, Мария Первая стала железной рукой уничтожать любые побег протестантизма, в том числе притесняя и сторонников основанной ее отцом англиканской церкви. Репрессии и казни еретиков были столь многочисленны, что в историю Мария вошла с прозвищем Кровавая. Постепенно в стране росло недовольство ее религиозной политикой, а когда стало известно, что Мария собирается выйти замуж за испанского инфанта Филиппа, ревностного католика, от былой любви народа не осталось и следа. Елизавета, воспитанная в протестантском духе и верная англиканской церкви, естественно рассматривалась как единственная надежда на восстановление протестантского учения.

Поначалу отношения между сестрами были вполне равными; однако Елизавета не хотела переходить в католицизм, как на том настаивала Мария. Это можно понять: по мнению католической церкви, брак Генриха с ее матерью был незаконным, и следовательно Елизавета была незаконнорожденной.

Юная принцесса старалась, как могла, ладить со своей венценосной сестрой – однако той слишком многие говорили, что Елизавета очень опасна. Мария долго не верила: Елизавета казалась ей легкомысленной, не способной вмешаться в большую политику. Но разгоревшееся в начале 1554 года антипапистское восстание под предводительством Томаса Уайатта настолько напугало Марию, что она повелела заключить Елизавету в Тауэр. Несколько недель принцесса провела там, гадая о своей дальнейшей судьбе. Там же, в Тауэре, находился тогда и Роберт Дадли, друг детства Елизаветы: некоторые считают, что молодые люди виделись во время нечастых прогулок, и общая судьба стала началом их любви.

Портрет Филиппа II с чётками, Алонсо Санчес Коэльо, 1573 г.

После недолгого разбирательства Томаса Уайатта казнили: перед смертью он поклялся, что Елизавета ничего не знала о заговоре. Хотя многие придворные настаивали на том, что Елизавету следует оставить в Тауэре, ее все же освободили: скоро предстояло бракосочетание Марии с Филиппом Испанским, будущим королем Испании, и королева перед этим событием решила проявить великодушие. Однако Елизавете не было позволено остаться при дворе: ее сослали в Вудсток под строгий надзор, и лишь через год разрешили вернуться в столь любимый ею Хэтфилд.

В апреле 1555 года Елизавету снова призвали ко двору: Мария была на последнем сроке беременности, и присутствие ее сестры было необходимо: если Мария умрет при родах, Елизавета унаследует престол. Однако беременность оказалась ложной: с тех пор положение Елизаветы стало относительно устойчивым – на ее праве наследования настаивал даже Филипп Испанский. Рассказывают, что он весьма благоволил к свояченице: девушка была молода, красива, обаятельна и здорова, в то время как Мария, на одиннадцать лет старше Филиппа, не отличалась ни красотой, ни здоровьем. Филипп строил планы замужества Елизаветы, а едва овдовев, и сам предложил ей руку и сердце.

Мария скончалась 17 ноября 1558 года. Хронисты сообщают, что Елизавета, узнав о смерти сестры, сказала: «Так решил Господь. Чудны дела его в наших глазах».

Елизавета стала королевой в двадцать пять лет – впрочем, выглядела она гораздо моложе: в то время как многие ее сверстницы, изнуренные постоянными беременностями, преждевременно старели, незамужняя Елизавета, чьими любимыми развлечениями были танцы и охота, заметно выделялась свежестью и здоровьем. Она короновалась 15 января 1559 года в Вестминстерском аббатстве – собор окружали восторженные толпы, видевшие в Елизавете спасительницу страны.

Елизавета наградила всех, кто был рядом с нею в последние годы: в частности, Роберт Дадли получил место конюшего, а Томас Пэрри, много лет заведовавший казной Елизаветы, стал казначеем двора. Государственным секретарем Елизавета назначила Уильяма Сесила, который начинал свою карьеру еще при Эдуарде: выбор был на удивление удачен: Сесил, обладавший бесспорным талантом дипломата и государственного деятеля, верой и правдой служил королеве до самой своей смерти – почти сорок лет. Именно его мудрости, прозорливости и преданности обязана Елизавета многими своими достижениями.

Страна досталась Елизавете в плачевном состоянии: казна пуста, религиозные распри разъедали Англию изнутри, а постоянные войны – снаружи. При Марии Англия стала почти придатком Испании, и теперь надо было не только наладить разрушенную экономику страны, но и укрепить престиж Англии на мировой арене. Время показало, что со всем этим Елизавета – с помощью своих советников – блестяще справилась.

Первым делом молодая королева решила религиозную проблему: она не стала преследовать или как-то ограничивать права католиков, но, тем не менее, снова ввела англиканство как государственную религию. Историки до сих пор спорят, насколько искренней и глубокой была вера Елизаветы, однако все сходятся на том, что она была весьма прагматичной даже в вопросах веры.

Мария Тюдор (Мария Кровавая или Кровавая Мэри, англ. Bloody Mary), 1554 г

С первых дней царствования самым главным вопросом было замужество королевы: парламент даже официально просил ее как можно скорее избрать себе супруга, дабы обеспечить наследника. В разное время руки Елизаветы домогались Филипп Испанский и эрцгерцог Карл Габсбург, шведский кронпринц Эрик, герцог Анжуйский и даже русский царь Иван Грозный. Хотя Елизавета не раз говорила, что она не собирается выходить замуж, она, тем не менее, не давала сватавшимся монархам решительного отказа: ее своеобразный флирт с ними был немаловажной частью внешней политики Англии.

Однако придворные поговаривали, что истинной причиной переборчивости Елизаветы был тот факт, что она была уже давно влюблена – в того самого Роберта Дадли, который делил с нею заключение в Тауэре: отец Роберта, герцог Нортумберленд, был главой заговора, приведшего на трон Джейн Грей, бывшую замужем за братом Роберта – Гилфордом Дадли. Гилфорд и его отец были казнены, однако стараниями Филиппа Испанского брата Гилфорда были освобождены – вместо Тауэра они оказались на войне с Францией. Позже Дадли, молодой красавец и щеголь, лишь на несколько месяцев старше Елизаветы, был одним из тех, кто скрашивал одиночество принцессы в Хэтфилд-хаусе, а теперь, когда она стала королевой, он получил не только место конюшего, но и орден Подвязки и должность смотрителя королевской резиденции в Виндзоре, не считая множества роскошных подарков.

Елизавета так любила проводить время с Дадли, что совершенно забывала об осторожности: она сажала его рядом с собой, разговаривала, ездила вдвоем на прогулки, в беседах с другими неизменно превозносила его достоинства. По Лондону поползли слухи, что Дадли нередко проводит ночи в королевской опочивальне и что королева даже родила от него сына – однако сама Елизавета была искренне удивлена подобными сплетнями: она круглые сутки была окружена фрейлинами, и может дать клятву, что у нее никогда не было с Дадли ничего предосудительного. Королеве приходилось беречь свою честь: любое пятно на ее репутации могло поставить под удар и ее будущее как королевы, и всю страну.

Между тем слухи продолжали множиться: утверждали, что Дадли собирается жениться на королеве, и его не остановит даже тот факт, что у него уже была жена: несколько лет назад Дадли женился – по всей видимости, по страстной любви – на юной Эми Робсарт, и хотя Эми никогда так и не была представлена ко двору, скрывать факт своей женитьбы Роберт не мог.

Однако 8 сентября 1560 года Эми Робсарт нашли мертвой: она лежала у подножия лестницы со сломанной шеей. Сразу же стали говорить о том, что Дадли убил свою жену, чтобы иметь возможность вступить в брак с королевой. Елизавета немедленно отдала его от себя и повелела тщательно расследовать обстоятельства гибели Эми Робсарт: хотя расследование показало, что смерть Эми произошла в результате несчастного случая – Эми была давно больна (современные исследователи говорят о раке), и в частности страдала головокружениями и хрупкостью костей, – это не остановило сплетников, обвиняющих Дадли в гибели жены. Из-за этой трагической истории королева отдала от себя бывшего фаворита и даже отказалась подписывать грамоту на вроде бы обещанный ему титул графа. Однако через два года, когда Елизавета заболела оспой, она назвала Роберта Дадли в качестве лорда-протектора королевства, хотя по статусу эта должность должна была достаться другому. Титул графа Лестера Дадли получил лишь в 1564 году; фаворитом Елизаветы он оставался еще почти три десятка лет.

Роберт Дадли, 1-й граф Лестер

Перенесенная оспа лишь слегка испортила кожу на лице Елизаветы, прежде безупречно гладкую и белую. Но хотя оспины пришлось прятать под толстым слоем грима, льстецы продолжали наперебой уверять королеву в том, что она прекраснейшая из женщин, а придворные джентльмены поголовно были демонстративно влюблены в свою королеву.

Говорят, Елизавета умело этим пользовалась: чтобы сэкономить деньги, которых всегда не хватало, она с удовольствием перекладывала часть расходов на своих приближенных, которые из любезности оплачивали ее платья, украшения и лошадей. Вместе со своим дво-

ром Елизавета много путешествовала, и не только потому, что любила ездить по стране, – останавливаясь в жилищах состоятельных вельмож, она сильно сэкономила на расходах.

Елизавета, женщина молодая и слишком много испытавшая, любила развлечения: балы, охоту, разнообразные игры – карты, шахматы, бильярд, театр и музыку. Много времени королева уделяла верховой езде, прогулкам и чтению. Хотя может показаться, что блеск ее двора должен был стоить огромных денег, на деле она тратила намного меньше, чем ее предшественники и наследники: с одной стороны, она была вынуждена экономить – казна была пуста, зато долги огромны, а с другой, – прагматизм и бережливость всегда были в ее характере. Даже роскошные платья, в которых она предстает на своих портретах, нередко переделывались, экономя таким образом немалые деньги.

Несмотря на постоянный флирт, замуж Елизавета так и не вышла. Почему – на этот вопрос историки до сих пор не могут дать однозначного ответа. Одни считают, что она не хотела делить власть с посторонним человеком – ведь если она выйдет замуж, главой семьи и государства станет ее супруг. Другие полагают, что Елизавета имела какой-то анатомический изъян, не позволявший ей стать достойной женой: либо она знала о своем бесплодии, либо вообще по каким-то причинам не могла вступить в интимные отношения – возможно, в этом были виноваты и психическая травма, нанесенная Томасом Сеймуром, и обстоятельства ее детства. Кроме того, Елизавете было категорически невыгодно иметь наследника: пока она остается единственной претенденткой на престол, она может не опасаться возможных переворотов, но стоит ей обзавестись ребенком или хотя бы супругом – и никто не мог дать гарантии, что кто-нибудь не захочет сменить монарха.

Со временем при английском дворе развился настоящий культ королевы-девственницы: Елизавету сравнивали с Девой Марией и языческими богинями, поэты воспевали ее в образах Глорианы и Королевы фей, портреты королевы наполнялись символами ее девственности: она изображалась, например, с решетом, или лилией. Даже столь любимый Елизаветой жемчуг, который она носила в изобилии, тоже ведь был символом чистоты и непорочности. Известно, что Елизавета в ответ на уговоры выйти замуж говорила, что с нее будет довольно, если на ее могиле напишут, что она «жила и умерла девственницей». А одному из придворных она сказала, что «лучше быть незамужней нищенкой, чем замужней королевой».

Наиболее вероятной наследницей английской короны была небезызвестная Мария Стюарт, шотландская королева: она была внучкой Маргариты Тюдор, старшей сестры Генриха Восьмого, и хотя линия Стюартов не была упомянута в завещании Генриха Восьмого, фактически была не последней в очереди наследников. К тому же ее права – как истинной католички, представительницы католического рода, – поддерживал Рим. Корону Шотландии она унаследовала, когда ей было всего несколько дней от роду, и страной от ее имени управляла королева-мать Мария де Гиз. Еще в раннем детстве Марию предполагалось выдать замуж за английского принца Эдуарда, однако в возрасте пяти лет она была просватана за Франциска, сына французского короля, и с тех пор воспитывалась при французском дворе. Советники убеждали ее в том, что именно у нее наиболее веское право на английскую корону – Мария даже включила английский герб в свой личный, и титуловалась как королева французская, шотландская, английская и ирландская. После внезапной смерти ее супруга, тогда короля Франциска Второго, она вернулась в Шотландию. На руку овдовевшей королевы немедленно нашлось множество претендентов – сама Елизавета предлагала ей в мужа Роберта Дадли, получившего графский титул именно по этому поводу. Однако Мария вышла за молодого, смазливового и весьма недалекого Генри Дарили, ставшего отцом ее сына – будущего короля Якова. Однако супруги не ладили; всего через полгода Дарили погиб при загадочных обстоятельствах, и Мария считалась одной из вероятнейших его убийц – особенно учитывая тот факт, что уже через три месяца она вышла замуж за лорда Ботвелла. Все

эти события вызвали восстание в стране, в результате которого 24 июля 1567 года Мария Стюарт отреклась от престола в пользу своего сына. Она сбежала в Англию, где попросила убежища у Елизаветы.

Елизавета не была готова ни восстанавливать Марию на престоле, ни оказывать ей какую-либо помощь: Мария по-прежнему считала именно себя законной королевой Англии. Так что у Елизаветы было достаточно причин не любить Марию, помимо простой женской ревности, о которой так любят говорить писатели. По совету лорда Сесила, Марию поселили в замке Карлейл (откуда ее позднее перевели в Шеффилд, где она провела почти восемнадцать лет), давали весьма щедрое содержание, но не допускали ко двору, да и вообще никуда не выпускали.

Между тем появление Марии в Англии спровоцировало целую серию католических заговоров. Поначалу Елизавета не верила в причастность к ним Марии – или не хотела верить – но в конце концов (не без участия провокаторов) были получены неопровержимые доказательства того, что Мария замышляла убить Елизавету. Хотя английской королеве категорически не хотелось подписывать смертный приговор Марии – это было бы слишком зловещим прецедентом, – ей все же пришлось. Восьмого февраля 1587 года Мария была казнена.

Эта казнь обострила отношения Англии с Испанией, и без того весьма натянутые. Елизавета много сделала для развития английского флота: именно при ней Англия стала великой морской державой. Но раньше моря всецело принадлежали Испании – испанские корабли регулярно курсировали в Новый Свет и обратно, привозя в Испанию тонны золота и других ценных грузов. Английские пираты – знаменитые братья Хоукинсы, прославленный Френсис Дрейк и другие – регулярно грабили испанские корабли: Елизавета не только знала об этом, но и имела с этого неплохой доход. Официально «пиратских войн» словно и не существовало, однако на самом деле они изрядно трепали нервы испанской короне. Постепенно Англия завоевывала авторитет на море и даже утверждалась в Новом Свете, ранее безраздельно принадлежавшем Испании: в 1587 году была основана первая английская колония, получившая в честь Елизаветы имя Вирджиния – «девственная». В ответ испанцы поддерживали католические волнения в Ирландии и вынашивали планы нападения на Англию. Однако им не суждено было сбыться – как известно, подготовленная для битвы Великая армада была разбросана штормом, а ее остатки добил в Гравелинском сражении Френсис Дрейк. За это Дрейк был произведен королевой в рыцари.

Гравюра Елизаветы I, Криспена де Пасса, опубликована в 1603 году

Елизавета I, «Портрет Дитчли», ок. 1592 г. Маркус Гираэрт Младший

Говорят, Френсис Дрейк весьма заинтересовал пожилую королеву, и между ними даже началось что-то вроде романа – весьма, правда, непродолжительного. Королева оставалась верна своему Дадли – их долгой связи не помешала даже тайная женитьба Дадли в 1578 году на Летиции Ноллис, родственнице и фрейлине королевы, весьма похожей на Елизавету внешне: поначалу королева разгневалась, однако потом простила Дадли. Летиции же пришлось еще долго находиться вдали от двора, скрываясь от королевского гнева. Дадли скончался от лихорадки в сентябре 1588 года. За четыре дня до смерти он написал Елизавете письмо, справляясь о её здоровье – «самом дорогом для него». Уже после смерти Елиза-

веты это послание было обнаружено среди ее бумаг с ее собственноручной пометкой: «Его последнее письмо».

Стареющая королева оставалась все той же кокеткой, которой была в юности, – с поправкой на власть и возраст. Если раньше она принимала лесть, теперь она ее требовала, если раньше она соперничала с придворными красавицами – теперь во фрейлины набирали лишь некрасивых дам, и платья им разрешалось носить только простые белые или серебристые – в то время как сама Елизавета ходила в богато разукрашенных нарядах всех цветов радуги. Ее прежняя бережливость переросла в скупость, а осторожность – в бездействие. Тем не менее королева сохраняла ясный и острый ум, работоспособность и прежние привычки. Вместо умершего Роберта Дадли королева стала отличать его пасынка, сына Летиции Ноллис от первого брака, Роберта Девере, графа Эссекса, женатого, кстати, на вдове знаменитого поэта Филиппа Сидни. Молодой красавец – а ему было всего 23 года, когда королеве уже исполнилось 55 лет, – был представлен ко двору еще Дадли, и Елизавета почти сразу обратила на него внимание. Храбрый и в то же время весьма романтичный юноша совершал подвиги во имя своей королевы и осыпал ее изысканными комплиментами. Уже скоро она вела себя с ним так же вольно, как когда-то с любимым Дадли – однако Эссекс вовсе не был столь терпелив, как его отчим. После нескольких лет в положении королевского фаворита начал зарываться: он стал несдержан, требователен и к тому же позволял себе повышать голос на королеву. Он совершал одну ошибку за другой: сначала чуть не упустил испанский флот, против которого должен был выступить, а летом 1599 года – несмотря на огромную армию – не смог подавить восстание в Ирландии, да к тому же бросил войско без разрешения. Разгневанная Елизавета отдала любимца под суд, отлучила от двора и лишила многих привилегий. Несмотря на покаянные письма, Елизавета не простила Эссекса.

Тогда он оказался во главе заговора, намеревавшегося захватить Лондон и свергнуть Елизавету. Однако все кончилось фарсом: обещанного оружия не было, мятежники разбежались, а Эссекс, вернувшийся в собственный дом, был арестован и предстал перед судом. Эссекс признал себя виновным в измене: он назвался «самым большим, самым подлым и самым неблагодарным предателем из всех, когда-либо живших на земле». Ему отрубили голову 25 февраля 1601 года.

Френсис Дрейк, картина Маркуса Жерара младшего, 1590 г. или старше

Роберт Девере, 2-й граф Эссекс

По одной из легенд, королева была готова простить его – она лишь ожидала, что Эссекс пришлет ей перстень, который она когда-то даровала ему в знак любви. Однако перстень перехватили, и Эссекс был казнен.

Королева очень тяжело перенесла и предательство Эссекса, и его казнь. Она так и не оправилась от этой потери: ее здоровье резко ухудшилось, и к тому же у нее начались при-

ступы душевного расстройствa, во время которых они лишь плакала и звала Эссекса. Она понимала, что ее дни сочтены – в упрек придворным, почти переставшим считаться с нею, она повторяла: «Мертва, но еще не погребена!» В своей последней речи, которую она произнесла перед парламентом в октябре 1601 года, она сказала: «На том месте, что я сейчас занимаю, никогда не появится тот, кто более предан стране и ее гражданам, чем я, кто с такой же готовностью отдаст жизнь за ее безопасность и процветание. Жизнь и царствование имеют для меня цену только до тех пор, пока я служу благу народа».

В последние годы положение страны резко ухудшилось: череда неурожаев подорвала экономику, военные расходы опустошили казну, налоги выросли, и вместе с ними росло недовольство старой королевой. В последние месяцы она уже едва держалась на ногах – однако отказывалась лечь, уверенная, что именно в постели ее настигнет смерть. Она скончалась рано утром 24 апреля, успев перед смертью назвать имя своего наследника – Якова Стюарта, короля Шотландии, сына Марии Стюарт.

Гроб с телом королевы проплыл на освещенной факелами барже до Уайтхолла, а 28 апреля доставлен в Вестминстерское аббатство. По словам летописца Джона Стоу, «Вестминстер был переполнен: множество людей на улицах, в домах, окнах, на крышах и даже на водосточных трубах, которые пришли, чтобы увидеть погребение, и когда они увидели ее изваяние, лежащее на крышке гроба, они испустили такой вздох, и стон, и плач, которого никогда не было раньше в памяти человека».

Королева Виктория *Бабушка Европы*

Ее имя стало символом целой эпохи — викторианского века, который до сих пор рассматривается в английской истории как время счастливой стабильности и процветания. За шестьдесят четыре года своего царствования — самый длинный срок правления за всю историю европейских монархий — королева Виктория и сама стала живой эмблемой своего времени и своих принципов: честности, успеха, порядочности и величия.

Во времена королевы Виктории Великобритания достигла невиданного расцвета, зенита своего могущества. При ней границы империи расширились, а роль Великобритании в мировой политике стала главенствующей. Но главной заслугой королевы Виктории все же считают то, что она подняла престиж английской королевской семьи на небывалую высоту, стряхнув со своей короны всю грязь, налипшую за последние два столетия.

Виктории не повезло с родственниками. Немецкая по происхождению Ганноверская династия прославилась своими многочисленными пороками — чревоугодием, распутством, мотовством, а дед Виктории Георг III и вовсе закончил свои дни в безумии. Из его тринадцати доживших до совершеннолетия детей практически все отличались либо хронической глупостью, либо распутством, либо транжирством, а то и всем букетом пороков разом, а из шести десятков внуков короля Георга лишь пятая часть были законнорожденными. У его старшего сына, принца-регента и будущего короля Георга IV, была единственная дочь, скончавшаяся при родах в декабре 1817 года, и на этот момент ни у одного из шести его братьев не было законных детей. Чтобы спасти вымирающую династию, три еще не женатых принца — Вильгельм, герцог Кларенс (будущий король Вильгельм IV), Эдвард Кентский и Адольф, герцог Кембриджский, срочно обзавелись супругами.

Эдвард Кентский женился на Виктории Саксен-Кобургской, вдове принца Лейнингенского. У нее уже было двое детей, так что Эдвард мог быть спокоен относительно ее способности родить ему будущего наследника английского престола. Их единственная дочь родилась 25 мая 1819 года в Кенсингтонском дворце — родители специально приехали в Лондон из Баварии, дабы ни у кого впоследствии не возникло сомнений в истинно английском происхождении их ребенка.

Девочке хотели дать длинное имя, почтив таким образом почти всех родственников: Джорджина (в честь принца-регента) Виктория (в честь матери) Александрина (в честь русского императора Александра I, с которым после победы над Наполеоном Англия поддерживала дружеские отношения) Шарлотта Августа (в честь сестер отца). Однако регент, который по традиции был крестным отцом и руководителем церемонии, не позволил назвать ребенка Джорджиной — и разрешил лишь два имени: Александрина и Виктория, с тем условием, чтобы «имя матери шло после имени императора». Первые несколько лет жизни девочку звали уменьшительным именем Дрина.

Уильям Бичи. Эдвард, герцог Кентский

Уже через два года, когда умерла последняя из законных дочерей герцога Кларенса, стало ясно, что Александрине Виктории предстоит унаследовать трон. Увы, ее отец не дожил до этого момента – он умер, когда Виктории было всего восемь месяцев, оставив жене в наследство одни долги.

Детство будущей королевы было совсем не королевским: в доме царила строжайшая экономия, так что у девочки не было игрушек, пища была очень простая, а новое платье она получала лишь тогда, когда полностью износится старое, – даже став королевой, Виктория была уверена, что все дамы, без конца меняющие туалеты, безнравственные мотовки. Рассказывают, что когда Виктория совершила свой первый визит во Францию, ее наряды были куплены у лавочника в Кале, в то время как французская императрица Евгения щеголяла в туалетах от Чарльза Ворта – англичанина, перебравшегося в Париж из-за недостатка клиентов.

Воспитанием Виктории занималась мать, герцогиня Кентская, и ее секретарь и фаворит сэр Джон Конрой. Выработанная ими система получила название «кенсингтонской»: согласно ей юная принцесса должна была круглосуточно находиться под полным контролем. Она спала в комнате матери, ей запрещалось общаться с посторонними, бездельничать, читать романы и развлекаться. Лишняя конфета или ложка супа были непозволительной роскошью, а вся жизнь текла по строжайшему, не подлежащему изменению распорядку. Большую часть времени занимали уроки: языки – Виктория занималась латынью, греческим, немецким, французским и итальянским, арифметика, история, география, музыка, рисование, танцы, верховая езда.

Герцогиня и Конрой делали все возможное, чтобы обеспечить свое безграничное влияние на будущую королеву, и в результате Виктория росла очень одинокой, зависимой от чужого мнения и оторванной от реального мира. Кроме матери и Конроя, Виктория общалась лишь с дядей – бельгийским королем Леопольдом, заменившим ей отца, – и с немкой-гувернанткой Луизой Лецен, дамой весьма строгой и суровой, но сумевшей вызвать искреннюю любовь принцессы. Лецен приучала Викторию к сдержанности чувств и верности долгу, самодисциплине и добросовестности – то есть привила ей все те качества, которые потом обеспечили Виктории успех ее правления. О том, что ей предстоит стать королевой, Виктория узнала лишь в 12 лет – и по легенде, сказала лишь: «Я буду корошей».

Она унаследовала трон после смерти своего дяди, Вильгельма VI, 20 июня 1837 года, когда ей было всего восемнадцать лет. В этот день она записала в дневнике, что неопытность в государственных делах не помешает ей проявлять твердость в принятии решений.

Великобритания уже давно нуждалась в твердой руке – три последних короля в силу душевного нездоровья, слабого характера или преклонного возраста не могли в должной мере управлять страной, и состояние монархии было весьма шатким. Даже коронация была организована из рук вон плохо: никто не знал, что ему делать, все перепуталось, а кольцо – символ королевской власти – оказалось слишком маленьким для будущей королевы, так что архиепископ Кентерберийский едва смог натянуть его на палец Виктории. Юная королева лишь спрашивала: «Умоляю, скажите мне, что я должна делать?»

Однако уже скоро всем стало ясно, что королева прекрасно знает, что ей нужно делать. «Я очень молода, но если не во всех, то во многих делах я отнюдь не могу считать себя несведущей», – написала она своему дяде в первые дни правления. Первым делом она избавилась от надоевшей опеки матери и Конроя, которого давно возненавидела. Она вполне справедливо считала, что отныне она отвечает не только за себя, но и за всю страну, и вмешательство посторонних в государственные дела – пусть даже это ее ближайшие родственники, просто недопустимо.

Герцогиня Кентская с дочерью, 1834 г.

Генри Уильям Пикерсгилл. Сэр Джон Конрой

Виктория не была ни великим политиком, ни сильной личностью. Ее способности и образование были весьма средними, но зато она прекрасно умела находить людей, которые наилучшим образом могли помочь ей в управлении государством, чьи советы были полезными, а верность Англии – несомненной. Ее собственные качества – сдержанность эмоций, прагматизм, высокие моральные принципы и преданность интересам государства, служили образцом для всех британцев. К своей стране Виктория относилась как к дому, где она была

рачительной хозяйкой, а к подданным – как к семье, для которой она стала любящей матерью. Частые поездки по стране не только позволили хорошо узнать жизнь своих подданных, но и обеспечили ей популярность в народе, а ее безупречный образ жизни и личное обаяние сделали королеву любимицей страны.

Ее новым наставником в государственных делах стал премьер-министр страны лорд Уильям Мельбурн, который не только помог юной королеве освоиться на троне, но и стал ее ближайшим другом. В английской литературе их отношения нередко характеризуются как «романтическая дружба», и почти никто не сомневается, что лорд Мельбурн был первой любовью молодой королевы. Его влияние на Викторину было почти безраздельным – до тех пор, пока она не встретила своего будущего мужа, принца Альберта Саксен-Кобург-Готского.

Брак королевы – дело первостепенной важности для всей страны, и сама Виктория понимала это лучше всех. Правда, в первые годы своего правления она не слишком старалась найти себе спутника жизни – избавившись от надоевшей опеки матери, она спешила наслаждаться всеми теми удовольствиями, которых была лишена в детстве, и не торопилась связывать себя семейными узами. Однако ко двору нередко приезжали иностранные принцы, и Виктория не отказывала себе в удовольствии пофлиртовать с ними. Не будучи явной красавицей, Виктория все же была необыкновенно мила, а ее царственные манеры, спокойствие, достоинство и огромное обаяние делали ее весьма привлекательной женщиной. Этому не мешала даже ее всегдашняя склонность к полноте – правда, в молодости Викторине удавалось весьма успешно с нею справляться, – и невысокий рост. «Мы, однако, довольно не высоки для королевы», – с иронией писала она в дневнике.

В 1839 году Виктория влюбилась в наследника русского престола Александра Николаевича, будущего императора Александра II, который был в Лондоне на торжествах в честь двадцатилетия королевы, – статный красавец в белоснежном мундире прекрасно танцевал и вообще показал себя настоящим джентльменом. Правда, из этого ничего не вышло. Сам цесаревич записал в дневнике, что королева «очень мала ростом, талия нехороша, лицом же дурна, но мило разговаривает», его отец в ответ на сообщение о нежных чувствах королевы отрезал: «Россия нуждается в будущем царе, а не в муже английской королевы», а лорд Мельбурн сказал Викторине, что «о русских лучше забыть».

По мнению короля Леопольда, лучшей партией для Викторины был бы его племянник (и двоюродный брат Викторине) принц Альберт Саксен-Кобург-Готский: по его мнению, они были связаны самой судьбой – даже на свет их принимала одна и та же повитуха. Леопольд уже давно вынашивал план поженить их и даже устроил в 1836 году визит Альберта и его брата Эрнеста в Лондон. Правда, тогда Альберт Викторине совершенно не понравился: он был слишком худым, очень застенчивым и весьма занудным. В письмах к дяде Виктория называла его «инвалидом» и «деликатным желудком». Он тоже был не в восторге от Викторины, которая была слишком пухлой, и к тому же очень стеснялась в обществе своих кузенов. Леопольду стоило немалого труда уговорить Альберта снова навестить свою кузину – тот согласился лишь для того, чтобы дядя навсегда отказался от своих планов. Виктория, в свою очередь, тоже заявила, что «не имеет особого желания встречаться с Альбертом, поскольку вся эта тема (замужества) вообще ей противна».

Однако в октябре 1839 года Альберт снова прибыл в Лондон. Виктория встретила его на ступенях своего дворца – и, по собственному признанию, тут же влюбилась. За прошедшие годы Альберт превратился в очень красивого мужчину, раскованного, обаятельного и полного талантов: он прекрасно разбирался в технике, ездил верхом, знал и любил музыку, искусство и историю, обладал энциклопедическими знаниями по всем вопросам. В дневнике Виктория записала: «Встреча с Альбертом всколыхнула мои чувства. Как он красив! Его губы завораживают, у него такие симпатичные усики и бакенбарды!»

Виктория была уверена, что он будет ей прекрасным мужем, но она не могла дождаться, пока Альберт сам решится сделать ей предложение. На балу она протянула ему розу, и Альберт, не найдя, куда деть цветок, проколол перочинным ножом дырку во фраке напротив сердца и воткнул туда розу. Виктория восприняла это как знак его чувств к ней – и на следующий же день сама сделала ему предложение: «Спустя несколько минут я сказала, – записала в дневнике королева, – что он, должно быть, догадывается, зачем я его позвала – и что я была бы очень счастлива, если бы он уступил этому моему желанию (жениться на мне)». Альберт ответил: «Я недостойн Вас... Я буду счастлив провести рядом с Вами всю жизнь!»

Венчание Виктории и Альберта состоялось 10 февраля 1840 года. Виктория была в белом атласном платье, сшитом – из патриотических соображений – только из английских тканей, с венком из флердоранжа на голове. С тех самых пор свадебные платья, которые ранее могли быть практически любого цвета, надолго стали исключительно белыми.

Несмотря на все плохие ожидания и пророчества недоброжелателей, брак Виктории и Альберта был идеальным – никаких измен, скандалов или даже слухов. Виктория всю жизнь страстно и преданно любила Альберта – в отличие от ее подданных, считавших, что он женился на королеве исключительно из корыстных побуждений. К тому же его немецкое происхождение, характер и воспитание делали его не самым привлекательным для англичан, уставших за двести лет от немецких правителей и их дурных привычек. Виктории пришлось выдержать целую войну с парламентом, который, как она считала, не ценил Альберта по достоинству, и все же титула принца-консорта (то есть супруга) ему пришлось ждать семнадцать лет – парламент подписал соответствующий акт лишь в 1857 году. Другую войну, хотя и гораздо более мирную, ей пришлось выдержать с самим Альбертом. Поначалу она решительно отказывалась впускать его в свои дела – лишь недавно обретшая независимость, Виктория панически боялась снова попасть под чье-то влияние. Хотя в первый же день супружеской жизни в кабинете королевы был поставлен письменный стол для Альберта, его реальные обязанности прекрасно определялись известной фразой самой Виктории: «Я читаю и подписываю бумаги, а Альберт их промокает». Но постепенно он смог добиться не только любви, но и уважения своей супруги, которая стала прислушиваться к его мнению, а затем и советоваться с ним по всем вопросам. Мнение Альберта стало для нее решающим, под его влиянием она довольно быстро превратилась из легкомысленной, легко поддающейся влиянию девушки в серьезную, рассудительную, весьма прагматичную правительницу, которая не только имела власть, но и могла правильно ее использовать. Именно Альберт привил королеве любовь к техническим новинкам, особенно к езде по железным дорогам, что подтолкнуло развитие технического прогресса в стране, ему же Великобритания обязана развитием рыночных отношений: «Делать деньги нужно из всего», – учил он супругу. По его задумке и под его руководством в 1851 году в Лондоне прошла первая Всемирная выставка машин, промышленных товаров и предметов искусства, где были представлены экспонаты со всего мира. Для выставки был построен знаменитый Хрустальный дворец – когда скептики заявили, что здание слишком ненадежно, принц Альберт первым прогулялся по его галереям, и в дальнейшем он и королева неоднократно посещали выставку. На деньги, полученные от выставки, был построен Южный Кенсингтонский музей, впоследствии переименованный в музей Виктории и Альберта.

Коронация Виктории. По картине Ф.К. Винтерхальтера

Свадебная фотография Виктории и Альберта

Виктория прекрасно понимала, чем Альберту пришлось пожертвовать, когда он дал согласие на ней жениться: отныне все его значение в глазах публики сводилось к роли производителя – он был обязан дать королеве детей, быть ей надежным тылом и ни в коем случае не вмешиваться в управление государством. С первым делом Альберт справился блестяще: уже через девять месяцев после свадьбы королева родила первенца – дочь Викторию Аделаиду, а еще через год – наследника престола Альберта Эдуарда (будущего короля Эдуарда VII). Затем были Алиса (родилась в 1843 году), Альфред (1844), Елена (1846), Луиза (1848), Артур (1850), Леопольд (1853) и Беатрис (1857). Королева была уверена, что ее истинное

предназначение состоит в рождении и воспитании детей, и всю жизнь осуждала женщин, которые пытаются увильнуть от исполнения этого «высшего для женщины» долга. Альберт занимался не только воспитанием детей – в его сферу интересов входили различные культурные учреждения, больницы и приюты, он покровительствовал развитию искусств, приглашал ко двору лучших писателей, художников и изобретателей Англии – чтобы, по его собственному выражению, оживить придворный «пейзаж в серых тонах».

Франц Ксавье Винтерхальтер. Королева Виктория, 1843 г.

Виктория и Альберт в сопровождении своих детей постоянно показывались на публике, являя собой лучший пример «настоящей семьи». Их образ жизни (по крайней мере тот, каким его изображала пресса) стал образцом для всех подданных. С легкой руки принца Альберта, привезшего из родной Германии обычай праздновать Рождество в кругу семьи

– с елкой, индейкой и обязательными подарками для прислуги – такое обыкновение распространилось по всей Англии, а затем и в английских колониях. Виктория любила Ирландию и часто там бывала – и ее любимый городок Килларни превратился в процветающий курорт. По примеру королевы, которая обзавелась загородным домом – сначала помещьем Осборн на острове Уайт, а затем замком Бальморал в Шотландии, состоятельные англичане тоже стали покупать себе сельские коттеджи, где, подобно принцу Альберту, собственноручно копались в земле. Королева Виктория использовала во время родов принца Леопольда хлороформ – и на анестезию во время родов перестали смотреть как на нарушение библейской заповеди. В 1845 году, когда в Ирландии случился крупный неурожай картофеля – основной сельскохозяйственной культуры острова – Виктория пожертвовала 5000 фунтов в помощь голодающим, и даже самые ярые ненавистники католиков последовали ее примеру. Даже традиции прославленного английского чаепития были установлены королевой Викторией, посвятившей им трактат *Tea Moralities*. Моральные принципы, привычки и личное мнение королевы были для простых подданных руководством к действию, хотя иногда это и принимало странные формы. Виктория очень любила морские купания, но когда она была беременной, ей стало тяжело заходить в воду, и ее закатывали в волны на кресле – и скоро английские пляжи заполнились курьезно знаменитыми «пляжными кабинками»: небольшими будками на колесах, куда женщина заходила, переодевалась, а затем кабинка заезжала в воду. Известно, что Виктория не принимала при дворе разведенных женщин и вдов, которые вторично вышли замуж, – говорят, чтобы не видеть свою мать, которая не желала мириться с потерей влияния на дочь. По соображениям этикета Виктория и Альберт на людях обращались друг к другу официально – и публичное проявление чувств даже между супругами стало считаться неприличным, а муж и жена звали друг друга «миссис такая-то» и «мистер такой-то».

Франц Ксавье Винтерхальтер. Портрет королевы Виктории и принца Альберта с детьми

Идеальная семья Виктории и Альберта не только подняла на недосягаемую прежде высоту престиж английской королевской семьи, но и повысила в общественном сознании статус личной, частной жизни: из формального института, где супругов связывали скорее деловые отношения, чем чувства, семья превратилась в ту самую ячейку общества, обладающую первостепенным для государства значением, где любовь ценилась и приветствовалась (правда, сексуальную сторону брака было принято не только скрывать, но даже отрицать). Хотя сама королева была явно не чужда плотских радостей: когда измученной постоянными родами Виктории врачи деликатно посоветовали единственное на тот момент действенное средство контрацепции – воздержание, она отказалась: «Может быть, это и вредно, но зато как приятно!»

Конечно, и в королевской семье случались ссоры: Виктория была эмоциональной и независимой натурой, к тому же постоянное нервное напряжение и частые беременности сильно портили ее характер. Она нередко срывалась на супруга, который всеми силами старался достойно переносить вспышки ее недовольства: он молча давал ей выговориться, а затем спокойно излагал свою точку зрения. Их самая крупная ссора случилась, когда заболела их первая дочь, Виктория: оба родителя имели свое мнение по вопросу лечения ребенка, и после долгих криков Виктория хлопнула дверью, а Альберт написал ей письмо: если с девочкой что-нибудь случится, именно Виктория будет виновата в ее смерти. Именно тогда Виктория признала авторитет мужа и стала ценить его мнение. Через двадцать лет их семейной жизни она уже не могла себе представить жизни без Альберта.

В 1860 году королевская чета задумалась о подходящей партии для наследника престола. Наибольшие симпатии Виктории вызвала Александра, дочь датского короля: красивая, обаятельная, нежная и весьма умная девушка была настоящим сокровищем – даже русский император Александр II подумывал женить на ней своего старшего сына. Узнав об этом, Виктория немедленно организовала встречу Александры и принца Уэльского, а затем и их помолвку. Русский император довольствовался младшей сестрой Александры – Дагмарой, ставшей со временем императрицей Марией Федоровной.

В это время при дворе стало известно о связи Альберта-Эдуарда с актрисой Нелли Клифден, особой весьма вольного поведения. Альберт был в шоке: он всегда считал, что у настоящего джентльмена может быть только одна женщина – его жена, и связь старшего сына с дамой, которая имела репутацию содержанки, да еще накануне свадьбы, была воспринята им как чудовищное преступление. Нервный срыв подкосил здоровье принца-консорта, к тому же он простудился и не нашел времени как следует лечиться. В декабре 1861 года принц Альберт скончался.

Виктория была безутешна. Со дня его смерти и до конца жизни она всегда носила траур – лишь через десять лет сменив черный вдовий чепец на белые кружева. «Моя жизнь как жизнь счастливого человека окончилась. Мир померк для меня», – писала она своему дяде Леопольду. Убитая горем вдова практически удалилась от мира, запершись в своих покоях, где все должно было оставаться, как при жизни Альберта: в его кабинете ставили живые цветы, заводили часы, на постель приносили его пижаму. И в государственных делах Виктория следовала заветам Альберта: «Я твердо решила, что все его пожелания, планы, мысли будут для меня руководством к действию», – писала она дяде. Она продолжала править твердой рукой, и важнейшим делом ее было увековечивание памяти ее «драгоценного и несравненного» Альберта: она написала мемуары о нем, в его честь были построены мемориал в Гайд-парке и Альберт-Холл в Кенсингтоне, установлены памятники в различных городах, переименованы улицы.

Принц Альберт, конец 1850-х гг.

Несколько лет королева практически не появлялась на публике – в конце концов это привело к тому, что англичане, ранее обожавшие свою королеву, и искренне сочувствующие ей в ее горе, стали критиковать Викторию за пренебрежение своими основными обязанностями – представлять свою страну перед миром и Господом: она не появлялась в парламенте, не встречалась с народом, даже на свадьбах своих детей она сидела в боковой комнате, неза-

метная гостям. «За что мы платим королеве, если она не работает и не выполняет свои функции», – вопрошали газеты. К тому же стали распространяться слухи о неподобающем расположении, которое Виктория оказывает своему слуге, шотландцу Джону Брауну, который когда-то был конюхом Альберта, а теперь стал ее личным и любимым слугой. Об их отношениях говорят всякое: оттого, что Браун был медиумом, который устраивал для Виктории спиритические сеансы связи с умершим мужем, до того, что у них была интимная связь. Говорили, что Виктория решила, будто дух Альберта вселился в Брауна, а один священник перед смертью утверждал, что он даже тайно обвенчал королеву и ее слугу. Подробности уже никто никогда не узнает. Известно лишь, что Виктория очень дорожила Брауном – по сути он стал ее единственным другом, верным, преданным и бескорыстным, который дважды спасал Виктории жизнь: когда однажды карета королевы перевернулась и во время покушения 1872 года, когда Артур О'Коннор бросился к карете королевы, размахивая пистолетом (как оказалось впоследствии, незаряженным) – Браун сбил его на землю прежде, чем королева успела заметить оружие и испугаться. Когда он умер в 1883 году, Виктория искренне его оплакивала, повелела поставить его статую в Бальморале и даже посвятила ему книгу воспоминаний. Место любимого слуги рядом с королевой занял индеец Абдулла, который говорил ей витиеватые комплименты, учил ее говорить на хинди, и со временем стал ее личным советником по индийским вопросам.

Виктория стала снова появляться на публике лишь в 1871 году: после того, как ее старший сын и наследник успешно перенес тяжелый тиф, по всей стране прошли благодарственные торжества, в один миг вернувшие королевской семье былую популярность, а Виктории – искреннюю любовь подданных.

Эдвин Ленсдир. Королева Виктория в Осборне, 1866 г. Поводья лошади держит Джон Браун, на скамейке сидят принцессы Хелена и Луиза

Она правила еще тридцать лет, и каждый день был до отказа заполнен делами. Через руки королевы проходили тысячи бумаг, и каждую она просматривала, прежде чем подпи-

сать или отклонить, – Виктория всегда считала своим долгом вникать во все мелочи, и ни одно решение не принималось без ее участия. Под ее руководством Англия добилась невероятных успехов в индустриальном развитии, торговле, финансах, морском транспорте, ее власть распространилась на четверть суши, и в образовавшемся «английском мире» Виктория занимала центральное место. В 1876 году она – по инициативе лорда Дизраэли – получила от парламента титул Императрицы Индии, которым она безмерно гордилась. Ее империя стала для всего мира символом стабильности, процветания и успеха, а сама королева – хранительницей традиций, образцом порядочности и примером великого монарха. Она заботилась о стране – и страна процветала. Она была верна своим принципам, которые со временем переросли в привычки, а привычки королевы стали традициями, которым Великобритания во многом верна до сих пор. Через своих детей Виктория породнилась со всеми правящими домами Европы – ее потомки сидели на тронах Германии и России, Испании, Румынии и Греции. Недаром Викторию называли «бабушкой всей Европы». Всего у нее и Альберта было сорок внуков.

Пятидесятилетний юбилей правления королевы Виктории был отмечен с большой помпой: на торжественный банкет были приглашены 50 европейских королей и принцев, а народные гуляния наглядно показали все растущую любовь подданных к своей государыне. Еще более пышно праздновали шестидесятилетний, «алмазный» юбилей: на празднование были приглашены управляющие всех британских колоний с семьями, а в торжественной процессии приняли участие военные отряды от каждой колонии, включая солдат, присланных индийскими принцами. Никого уже не интересовало, что Виктория имела все меньше власти, все меньше сил. Она плохо видела, не могла ходить, почти все время болела. Она тяжело перенесла смерть своего сына Альфреда и двух внуков, очень близко к сердцу принимала все неприятности в личной жизни своих детей. Будто стараясь удержать слишком быстро ускользающую жизнь, Виктория противилась любым переменам в своей жизни – будь то смерть старых слуг, новинки техники или вопросы этикета. Хотя все парламентские документы давно печатались на пишущей машинке, специально для королевы их переписывали от руки. Поезд королевы всегда ездил с той же скоростью, что и при принце Альберте, а дворец по-прежнему освещали свечами вместо распространившегося газа. Но она до последнего дня продолжала заниматься делами государства, которому отдала почти всю свою жизнь. Последней публичной церемонией, в которой приняла участие Виктория, была закладка нового здания будущего музея Виктории и Альберта в 1899 году.

Королева Виктория, 1882 г. На стене – портрет принца Альберта работы Ф. Винтерхальтера

У. Брант писал в своих записках: «Из того, что я слышал о королеве в последние годы ее жизни, явствует, что она была довольно банальной почтенной старой дамой и напоминала многих наших вдов с ограниченными взглядами, без всякого понимания искусства и

литературы, любила деньги, обладала некоторым умением разбираться в делах и некоторыми политическими способностями, но легко поддавалась лести и любила ее... Впрочем, публика стала видеть в конце концов в этой старой даме нечто вроде фетиша или идола». Так что нет ничего удивительного в том, что когда королева Виктория скончалась 22 января 1901 года, ее подданные были в шоке: по выражению поэта Роберта Бриджса, «казалось, что колонна, державшая небосвод, обрушилась» – ведь практически все англичане не знали другого монарха.

Согласно завещанию, в гроб к королеве положили слепок руки принца Альберта и его халат, а по другую руку – портрет Джона Брауна и прядь его волос. Она была одета в белое платье – именно в нем она собиралась вновь встретиться со своим «милым ангелом» Альбертом. Ее похоронили рядом с ним в мавзолее Фрогмор в Виндзорском замке. Вместе с нею англичане похоронили девятнадцатый век – век спокойствия, стабильности и викторианских ценностей.

Жозефина Богарне
Любовь императора

Это имя, нежное и страстное, полное скрытой неги и явного очарования, могло принадлежать только ей одной — прекрасной женщине, верной спутнице одного из величайших людей своего времени. Все знают о ней — но как мало знают ее! Одни писали, что она была красива, другие вспоминали ее неправильные черты лица и плохие зубы. Одним она запомнилась непомерными долгами и шлейфом любовных авантур, другим — силой духа, твердостью характера, стойкостью и немалым женским умом. Она словно прожила две совершенно разные жизни, сменив внешность, манеры, даже имя... И если Жозефину, супругу Наполеона, ждали небывалые взлеты и стремительные падения, то в первой ее жизни, когда ее звали Мари-Роз-Жозефа Таше, не было ничего радостного, зато хватало печалей...

Женщина, которой суждено было прославиться на весь мир своим истинно французским обаянием и парижским шармом, родилась 23 июня 1763 года в городке Труаз-Иле на острове Мартиника — далекой вест-индской колонии, откуда до Парижа было гораздо дальше, чем до ярких южных звезд. Когда Мари-Роз было семь лет, гадалка нагадала ей: «Ты выйдешь замуж за сверхчеловека и взойдешь на трон». Но это предсказание вызвало только смех....

Ее отец, Жозеф-Гаспар Таше де ла Пажери, в молодости служил пажом при дворе матери короля Людовика XVI Марии-Жозефы Саксонской, и воспоминания об этом золотом времени были единственной радостью и главным развлечением во время его службы в Вест-Индии. Жизнь в Труаз-Иле была скучная, однообразная и невыносимо провинциальная — Мари-Роз понимала это с детства, и с ранних лет ее мечтой было вырваться с надоевшей Мартиники в Париж, навстречу своей судьбе. Девушка без связей, без красоты, без состояния, она могла надеяться только на чудо. И чудо произошло.

Сестра ее отца, Эдми-Дезире Таше, когда-то сумела очаровать самого губернатора Мартиники маркиза Франсуа де Богарне, и после его отставки сбежала с ним в Париж. Мадам Дезире была женщина умная и любящая свою семью: ей пришла в голову блестящая идея — как только ее племянница войдет в возраст, ее надо выдать замуж за сына маркиза, Александра Богарне. Эта мысль казалась ей удачной во всех отношениях — чувства самих молодых людей, конечно же, в расчет не брались. И в сентябре 1779 года шестнадцатилетняя Мари-Роз в сопровождении отца прибыла в город своей мечты — Париж, чтобы выйти замуж за виконта Александра Богарне. Красавец в ослепительном парадном мундире поразил ее в самое сердце, и Мари-Роз уже предвкушала вечное счастье в самом лучшем городе мира...

Но, как это нередко бывает, счастья не получилось. Александр, настоящий парижский фронт, светский лев и ловелас, был не в восторге от своей жены — неуклюжей, некрасивой, непроходимо провинциальной... Женившись, он сохранил все привычки холостяка, отсут-

ствовал дома неделями и с женой старался не только не появляться вместе на людях, но и вообще пореже встречаться. Даже рождение двоих детей – в 1781 году сына Эжена (Евгения) и в апреле 1783 года дочери Эжени-Ортанс (Гортензии) – не исправило ситуацию. Наоборот – Александр был так удивлен рождением у брошенной жены дочери, что даже затеял против нее судебный процесс с целью доказать факт супружеской измены.

Вместе со своей возлюбленной Лаурой де Лонгпре он даже съездил на Мартинику, чтобы там найти какие-нибудь компрометирующие Мари-Роз факты, но ничего не вышло. Суд постановил считать Ортанс законной дочерью виконта Богарне.

Все эти события, конечно, не добавили тепла в еле тлеющий семейный очаг. Александр старался не заходить в собственный дом и почти совсем перестал видаться с семьей. А зря – если бы он почаще бывал дома, он бы заметил, как разительно переменялась его когда-то безнадежно провинциальная супруга.

Оказавшись в Париже, Мари-Роз быстро поняла, что этому городу надо соответствовать. Войдя с помощью замужества в лучшие салоны тогдашней Франции, она увидела, какой ей нужно стать, чтобы как знаменитые женщины того времени, царица и соблазнять. Жермена де Сталь, Фелисия де Жанлис и другие светские львицы были превосходными примерами для подражания – зачастую далеко не красавицы, они были совершенными образчиками изысканного обаяния, отточенной грации, отшлифованного стиля и безупречного вкуса. Они умели повелевать мужчинами, они умели использовать мужчин и они прекрасно умели добиваться всего, чего хотели, с помощью своих чар и своего тела. Всему этому Мари-Роз взялась научиться – и всем этим она овладела в совершенстве. За несколько лет из прежней неуклюжей креолки Мари-Роз Богарне превратилась в ослепительную женщину – с чарующей грацией движений, сокрушающей мягкостью, с незабываемым серебристым голосом. Чтобы скрыть плохие зубы, Мари-Роз научилась смеяться, не раскрывая рта: ее знаменитая полуулыбка сжатых губ вошла в историю – так же, как манера ее будущего знаменитого супруга закладывать руку за полу мундира. «Я не была красавицей, и мне приходилось играть роль красавицы, а недостатки компенсировать женственностью», – вспоминала она.

О виконтессе Богарне стали говорить как о «даме достойной и элегантной, с отличными манерами, очень изящной и обладающей самым прелестным голосом». У нее появились первые поклонники, и Мари-Роз почувствовала, что она достойна большего, чем прозябать в качестве «отставной жены». Она попыталась было примириться с Александром, очаровав его и покорив, но то ли ее обаяние было еще не до конца отточено, то ли супруг за годы брака приобрел стойкий иммунитет к ее чарам – воссоединить семью не удалось. Последним гвоздем в гроб их брака стал отказ Александра представить жену ко двору: он, воспитанный в традициях Просвещения, искренне считал королевский двор сборищем паразитов на народном теле и никак не желал понимать свойственное каждой провинциалке желание лично увидеть Марию-Антуанетту. В марте 1785 года супруги развелись.

Оказавшись предоставленной самой себе, Мари-Роз с головой окунулась во все те удовольствия, которые были для нее связаны со свободой, – поклонники, дорогие наряды, званные вечера... Все это требовало денег, а доход молодой дамы был весьма небольшим. В конце концов, летом 1788 года Мари-Роз была вынуждена срочно – пока не прознали кредиторы – покинуть Париж и уехать домой, на Мартинику.

Там она провела два года – все так же веселясь, флиртуя и соблазняя. Один из офицеров вспоминал Мари-Роз того времени: «Эта дама, которую нельзя назвать красивой, тем не менее очень привлекательна своим стилем, веселостью и добросердечием. Она открыто пренебрегает общественным мнением. Поскольку ее доходы весьма ограничены, а она обожает тратить деньги, она вынуждена заимствовать их из кошельков своих поклонников».

Неизвестный художник. Виконт Александр Богарне, начало 1790-х гг.

Казалось, Мари-Роз успокоилась, найдя свое место в этой жизни. Но революция 1789 года спутала все карты. Взорвав Францию, революция опустошающей волной прокатилась по всем французским колониям. Дворянам, да и просто богатым людям, оставаться там стало небезопасно. В октябре 1790 года мадам Богарне вернулась в Париж.

Пока она отсутствовала, ее бывший супруг ударился в политику. Виконт Богарне стал депутатом Национального собрания, где блистал громкими речами по любому поводу. В июне 1791 года именно Александр Богарне сообщил депутатам о бегстве короля и его семьи из дворца Тюильри. После этого двадцать шесть часов бывший виконт Богарне представлял собой верховную власть Франции.

Когда к власти пришли жирондисты, Богарне оставил политику и перешел в армию – он был назначен главнокомандующим Рейнской армией Французской республики, но проявил себя не столько военными победами, сколько скандально легкомысленным поведением: говорили, что он вместо учений устраивает балы для проституток. После принятия якобинским Конвентом закона о недопущении дворян к службе в революционной армии Александр вышел в отставку, а с началом якобинского террора был по ложному доносу арестован как враг народа. Мари-Роз поначалу исправно навещала мужа в тюрьме, но вскоре оказалась там и сама. Больше года она провела в монастыре кармелитов, ставшем самой страшной и самой странной тюрьмой в истории Франции.

Заклученные жили в чудовищных условиях – крысы, антисанитария, духота, огромная влажность, отвратительное питание – и в постоянном страхе смерти: выход из тюрьмы был только на гильотину, смерть всегда приходила внезапно, не оставляя времени на раздумья, страх и соболезнования. Поэтому боялись всегда – и глушили страх невероятными оргиями, о которых в обычной жизни побоялись бы и подумать. Женские камеры не были изолированы от мужских, и население тюрьмы постоянно перемещалось по бывшему монастырю в погоне за наслаждениями, которые помогали заменить жизнь.

Мари-Роз сошлась с молодым генералом Лазарем Гошем, а Александр был влюблен в Дельфину де Жюстен. Когда из монастыря увезли сначала генерала Гоша, а затем и генерала Богарне, Мари-Роз каждый раз плакала. Соседка спросила ее, как она может плакать по мужу, который заставлял ее страдать, а Мари-Роз ответила: «Я была так привязана к нему!»

Александра казнили 22 июня 1794 – в день рождения Мари-Роз. Она с ужасом ждала своей очереди, но через пять дней – девятого термидора – якобинский режим был свергнут, и всех узников выпустили на свободу.

Выйдя из тюрьмы, Мари-Роз первым делом нашла генерала Гоша, который чудом избежал смерти, но у того уже была молодая жена, с которой генерал предпочел выехать на фронт. Надежды мадам Богарне на помощь и поддержку рухнули; но тут на помощь пришла новая подруга – Тереза Кабаррус, мадам Тальен.

С этой легендарной женщиной Мари-Роз познакомилась в тюрьме. Тереза, первая красавица Парижа по прозвищу «Богоматерь Термидора», жена депутата Тальена, была первой дамой новой Франции. В ее прославленном салоне, который сама Тереза скромно называла «Хижинкой», бывали все, кто обладал властью или деньгами, и те, кто только хотел этим обладать. Про «Хижинку» говорили, что здесь делалась политика, и это была чистая правда. И именно здесь Мари-Роз вышла на охоту за своим счастьем.

Поль Баррас

Поначалу она стала официальной любовницей Поля Барраса – тогда председателя Национального собрания, члена Комитета общественной безопасности и командующего Внутренней армией Парижа. Средства Барраса были неограниченны – и Мари-Роз впервые в жизни тратила столько, сколько хотела, а хотела она очень и очень много. Она стала одной из признанных «цариц Парижа», законодательницей моды на прозрачные платья античного

силуэта без рукавов. Один из завсегдатаев ее салона писал: «Она все еще была восхитительна, с этой гибкой и сладострастной фигурой, свойственной индийским женщинам, и все это сочеталось с достойными манерами старого режима. Голос у нее был таким трогательным, а выражение лица – таким нежным». Но Баррас стал уставать от стареющей мотовки, и она тоже почувствовала, что ее время проходит. Надо было срочно найти достойного мужа, способного обеспечить ей спокойное и сытое будущее.

Вот тогда Поль Баррас представил Мари-Роз молодого – на шесть лет моложе ее – генерала со странным для французского уха именем Наполеон Бонапарт. К этому времени на его счету были лишь взятие Тулона в 1793 году и расстрел мятежников в месяце вандермьере у Тюильри – за это Бонапарт получил прозвище «генерала Вандермьера», звание бригадного генерала и должность командующего Внутренней армией Парижа. Карьера молодого честолюбивого корсиканца шла в гору, и для полного удовлетворения ему было необходимо выгодно жениться: на женщине богатой и со связями. Он сделал предложение пятидесятилетней богатой вдове мадам Пермон, но та лишь расхохоталась ему в лицо. Поначалу у мадам Богарне была похожая реакция: нищий коротышка-генерал, которого она называла «котом в сапогах», был смешон в своих притязаниях на ее внимание, а еще смешнее были его планы по спасению Франции путем завоевания Италии!

Но вскоре она стала относиться к нему более серьезно. Да, он был некрасив, небогат и незнатен, но в нем чувствовалась сила, которую Мари-Роз умела видеть и ценить. Разговорившись с Бонапартом, она так хорошо его слушала, так тонко хвалила, что генерал был сражен наповал. «Мадам Богарне всегда с интересом слушала о моих планах. Однажды, когда я сидел за обедом рядом с ней, она стала говорить мне комплименты, восхищаясь моим военным талантом. Ее похвалы вдохновили меня. С этого момента я разговаривал только с ней и не отходил от нее», – вспоминал Наполеон.

Она пишет ему: «Вы совсем не навещаете любящего вас друга, совершенно забыли его, и напрасно, потому что друг этот вам искренне и нежно предан. Приходите завтра ко мне обедать...» – и он пришел. Чтобы закрепить успех, Мари-Роз подсылает к Бонапарту сына – он просит вернуть ему конфискованную саблю отца, и за выполненную просьбу Мари-Роз является поблагодарить лично: она была нежной и скромной, он – благородным и сильным... Потом было еще несколько встреч, проведенная вместе ночь и знаменитое письмо: «Мое пробуждение полно тобой. Твой облик и пьянящий вечер, проведенный с тобой вчера, не оставляют в покое мои чувства. Нежная, несравненная Жозефина! Что за странные вещи творите Вы с моим сердцем!»

Так впервые звучит имя, под которым мадам Богарне было суждено войти в историю, – Жозефина...

Жан-Антуан Гро. Наполеон на Аркольском мосту, 1801 г.

7 февраля 1796 года было объявлено о предстоящей свадьбе генерала Наполеона Бонапарта и вдовы Мари-Роз-Жозефины Богарне. А 2 марта Бонапарт был назначен главнокомандующим Итальянской армией: это было приданое Барраса, которое он давал за своей бывшей любовницей. Занятый приготовлениями к походу, Наполеон на два часа опоздал на собственную свадьбу, которая проходила, по тогдашнему обыкновению, не в соборе, а в мэрии Второго округа на улице Антэн. В брачном контракте, подписанном 9 марта, Жозефина Богарне убавила себе четыре года (на самом деле ей тридцать два), а Наполеон добавил себе год (ему всего двадцать шесть). Он преподнес ей кольцо с сапфирами и надписью «Это судьба», а она ему, как он надеялся, – счастье, богатство и положение в обществе. Впрочем, узнав, что его супруга по уши в долгах, он не расстроился: деньги он добудет себе сам, лишь бы его Жозефина была рядом с ним.

На следующее утро одна из парижских газет в весьма легкомысленном тоне сообщила о бракосочетании: «Генерал Буона Парте, известный в Европе многочисленными военными подвигами (говорят, до того, как стать генералом Республики, он был клерком на Корсике в Бастии), решил, прежде чем вернуться в армию и увенчать себя лаврами Марса, собрать митовый букет Амура. То есть, выражаясь обычным вульгарным языком, он решил жениться. Амур и Гименей увенчали генерала; он женился на молоденькой вдове сорока двух лет, весьма недурной и даже сохранившей один зуб в прелестнейшем в мире ротике. Свидетелями были мсье Баррас, Тальен и Кабаррус, так что церемония была веселой и пикантной. Мсье Баррас и Тальен еле сдерживали радостный смех, глядя на генерала Буона Парте: так они были довольны, освободившись благодаря его браку от сердечных забот и угрызений совести». Говорят, Наполеон очень громко смеялся, читая эту заметку...

Через два дня генерал Бонапарт отправляется в Италию. Там он получил письмо от бывшей невесты, дочери марсельского купца Эжен и Дезире Клари. На ее сестре Жюли был женат старший брат Наполеона Жозеф, и их с Эжен и свадьба должна была состояться как раз в середине 1796 года, однако Наполеон женился, даже не потрудившись расторгнуть помолвку. «Вы сделали меня несчастной на всю жизнь, но я прощаю Вас – писала ему невеста. – Вы женились, бедная Эжени не имеет больше права любить Вас. Вы говорили, что меня любите, а теперь Вы женаты! Нет, я не могу свыкнуться с этой мыслью. Она меня убивает! Я останусь верна тем клятвам, что связывали нас, я никогда не выйду замуж за другого. Мое несчастье научило меня не верить мужчинам, не доверять своему сердцу. Я уже просила Вас через Вашего брата вернуть мой портрет; я снова прошу Вас об этом. Он не нужен Вам теперь, когда Вы обладаете очаровательной женой! И сравнение, конечно, будет не в мою пользу... Ваша жена во всем превосходит бедную Эжени, но едва ли превосходит ее в любви к Вам. И это случилось после года разлуки, когда я жила только надеждой увидеть Вас, стать Вашей женой и счастливейшей женщиной в мире... Меня утешает сейчас только то, что у Вас не может возникнуть сомнений в моем постоянстве. Но я хочу умереть, жизнь не нужна мне теперь, когда я не могу посвятить ее Вам. Я Вам желаю самого полного счастья и процветания в Вашем браке; я надеюсь, что женщина, которую Вы избрали, сделает Вас таким счастливым, как Вы того заслуживаете. Но в своей счастливой жизни не забывайте о бедной Евгении и пожалейте ее». Муки совести за страдания своей бывшей невесты не оставляли Наполеона до самой смерти: он всячески старался устроить ее судьбу, предлагая ей замужество с любым из своих генералов, пока сама Эжени-Дезире не вышла за генерала Бернадотта. Со временем Бернадотт – не без участия Наполеона – стал королем Швеции Карлом-Йоганном, а его супруга – королевой Дезидерией... Прихоть судьбы – в свое время сын Дезире, крестник Наполеона Оскар Бернадотт женится на внучке Жозефины, и их потомки до сих пор правят Швецией.

Франсуа Жерар. Императрица Жозефина, 1801 г.

Однако на мысли о бывших невестах нет времени. Разлука с обожаемой женой съедает Наполеона изнутри, заставляя с удвоенной силой бросаться на врага. За две недели он одержал девять побед, а между боями писал ей страстные письма, призывая не забывать, помнить, приехать к нему: «Когда я бываю готов проклясть жизнь, я кладу руку на сердце: там твой портрет, я на него смотрю, и любовь для меня – безмерное лучезарное счастье,

омрачаемое только разлукой с тобой. Ты приедешь, правда? Ты будешь здесь, около меня, в моих объятиях! Лети на крыльях! Приезжай, приезжай!»

Но она не приезжала. Жозефина не собиралась менять удовольствия веселой парижской жизни на достойное спартанцев существование в военном лагере, к тому же пылкие восторги мужа ее утомляли и раздражали. Чтобы не ехать, Жозефина даже притворяется беременной, но потом все же – под нажимом Барраса, который испугался, что генерал в порыве страсти просто бросит армию в Италии и примчится в Париж, – приезжает к супругу на два дня в Милан. Свою задержку она объяснила, предъявив супругу невероятный по своей сути документ, который Жозефина на прощание выпросила у Барраса: «Директория не давала разрешения гражданке Бонапарт уехать из Парижа, поскольку заботы о супруге могли отвлечь ее мужа от дел военной славы и спасения Родины; теперь, когда взят Милан, мы не имеем более возражений против ее отъезда и надеемся, что мирты, которыми она увенчает супруга, не повредят лаврам, которыми его увенчала слава». На самом деле Жозефину в Париже задержало совсем не благо страны, а страстный роман с красавцем лейтенантом Ипполитом Шарлем, недалеким, веселым и легкомысленным адъютантом полковника Леклерка, и все ее мысли были о Шарле, а не о муже. Когда Наполеон с триумфом вернулся из Италии, Жозефина радовалась скорее тем богатствам, которые привез ее муж, чем ему самому. От него она совсем успела отвыкнуть... К тому же его семья Жозефину категорически не приняла: им была милее Дезире Клари – а точнее, ее немаленькое приданое. Но Наполеон променял марсельские деньги на обаяние и связи бывшей виконтессы, и этого остальные Бонапарты не могли ей простить, всячески стараясь оторвать «старую потаскуху» от Наполеона.

Во время следующего похода – египетской кампании – Наполеон стараниями своих родных уже точно знал, что жена, ждущая его в Милане, ему изменяет, – в письмах к нему братья и сестры точно докладывали ему, с кем и как. Попытался изменить и он: Полина Фуре по прозвищу Беллилот, была красива и смела – юная жена одного из его лейтенантов в мужском платье пробралась в лагерь к мужу, однако скоро сменила его палатку на постель генерала. Увы – Беллилот не смогла вытеснить из его сердца Жозефину, с которой Наполеон, тем не менее, твердо решил развестись. Вдобавок ко всем несчастьям английский флот перехватил курьера, который вез Наполеону письма от его семьи: письма были опубликованы, и теперь вся Европа потешалась над рогами генерала. В тоске он пишет своему брату Жозефу: «Ты читаешь в этих документах о завоевании Египта, добавившем еще страницу к истории воинской славы нашей армии. Но семейная жизнь моя потерпела крушение, все завесы упали... Как грустно жить, если есть только один человек на свете, к которому обращены твои чувства... Я разочаровался в людях... Мне необходимо уединение, величие мне наскучило, слава надоела, сердце мое иссохло – в 29 лет я конченный человек... Я хотел создать свой дом, я никогда не думал, что со мной случится такое... Мне незачем жить теперь...»

Второго октября Наполеон, с невероятными трудностями прорвавшись сквозь английскую блокаду, высадился в Аяччо. Узнав об этом, Жозефина немедленно выехала ему навстречу, рассчитывая в дороге переубедить его, снова влюбить в себя, покорить... Они разминувшись. Когда она вернулась домой, ее вещи были у привратника, а входная дверь заперта – в доме прятался Наполеон, справедливо опасавшийся, что личная встреча с Жозефиной лишит его решимости. Два дня она плакала под дверью, умоляя впустить ее. Лишь когда к ней присоединились Ортанс и Эжен, который был вместе с отчимом в Египетском походе, Наполеон сдался. На следующее утро супруги проснулись вместе...

В те два дня Жозефина многое поняла. Она по достоинству оценила своего мужа; она ясно увидела, что будет, если он все-таки с нею разведется; она поняла, что без него она больше не сможет жить... Можно счесть это страхом перед одинокой старостью или боязнью потерять положение в обществе (все-таки быть женой самого прославленного и удачливого

генерала Франции было весьма выгодно!), внезапно проснувшейся любовью или трезвым расчетом, но с тех пор Жозефина стала для своего мужа верной, надежной и заботливой спутницей жизни, талисманом, помощницей и вдохновительницей.

Правда, ее верность никогда не была полной: без флирта и новых романов она не представляла себе жизни. Не оставался в долгу и Наполеон: его победы на любовном фронте были столь же громкими и гораздо более частыми, чем победы на войне. Он покорял и подруг своей жены, и жен своих друзей с той же легкостью, с которой брал города. Жозефина не просто знала обо всех его увлечениях – он сам рассказывал ей о них, прося иногда совета, иногда сочувствия, и она никогда не отказывала ему ни в том, ни в другом. То чувство, что их связывало, было выше измен, выше банальной ревности. Недаром когда-то он писал ей: «Мое сердце никогда не испытывало ничего незначительного. Оно было защищено от любви. Ты внушила ему страсть без границ, опьянение, которое его разрушает. Мечта о тебе была в моей душе еще до твоего появления в природе. Твой каприз был для меня священным законом. Иметь возможность видеть тебя было для меня верховным счастьем. Ты красива, грациозна. Твоя душа, нежная и возвышенная, отражается в твоём облике. Я обожал в тебе все. Более наивную, более юную я любил бы тебя меньше. Все мне нравилось в тебе, вплоть до воспоминаний о твоих ошибках и сцены, произошедшей за 15 дней до нашей свадьбы. Добродетелью для меня было то, что ты делала, честью – то, что тебе нравилось. Слава была привлекательна для моего сердца только потому, что она была тебе приятна и льстила твоему самолюбию»... Жозефина согрела душу Наполеона, расшевелила его сердце, сделала его тем, кем он стал. Она была готова часами выслушивать его планы, очаровывать нужных ему людей, читать ему вслух, помогать ему во всем. Как писал Филипп де Сегюр, «Ее рассудительность, ее изящество, манеры, самообладание, ее остроумие сослужили ему хорошую службу. Она оправдала возродившуюся веру Бонапарта в нее». Сам Наполеон признавал, что переворот 18 брюмера не состоялся бы без Жозефины.

Став женой Первого консула, Жозефина должна была подчиниться строгому этикету, введенному Наполеоном для своего двора: безукоризненное поведение, благородная сдержанность, скромность (в противовес разгулу последних лет Республики) отныне стали визитной карточкой высших слоев французского общества. Пока ее супруг командовал армией чиновников и работал над проектом Конституции, Жозефина занималась благотворительностью, чем привлекла к Наполеону немало сторонников. «Пока я выигрываю сражения, Жозефина завоёвывает сердца», – с благодарностью и восхищением говорил Бонапарт. Отбросив броскую роскошь, которая только озлобляла народ, Жозефина стала законодательницей новой моды. Если раньше царицы салонов появлялись в блеске драгоценностей и полупрозрачных платьях на почти обнаженное тело, теперь Жозефина ходила в простых белых нарядах с минимумом украшений. Правда, украшения были весьма дорогими, а таких платьев у нее было столько, что она потеряла им счет, и сумма долга портным была такова, что она боялась признаться даже в половине. Пока Наполеон был в Египте, она всего за один летний месяц, проведенный в Мальмезоне – загородном имении под Парижем, – заказала тридцать восемь шляпок!

Чтобы как-то расправиться с долгами, Жозефина стала вести дела с поставщиками армии и контрактами на строительство – комиссионные и подарки «жене консула» приносили ей неплохой доход. Как только Наполеон узнал об этом, он в гневе чуть не убил супругу, впредь запретив ей даже думать о таких вещах. Но долги продолжали появляться... Говорят, Жозефина получала жалованье как шпионка минимум трех государств, нередко забывая о донесениях, но никогда – о гонорарах, но и этого не хватало. В конце концов Наполеон махнул на расточительность жены рукой: он был в состоянии оплачивать ее счета, а ее безудержная страсть к покупкам стала в его глазах лишь очередной милой странностью ее характера.

Единственное, что по-настоящему омрачало их брак, было отсутствие у них детей. Между тем Жозефина прекрасно понимала, что Наполеону, который строит новую Францию для себя и своих потомков, просто необходим законный сын. Поначалу Наполеон не заговаривал об этом, поскольку сам был не уверен, кто из них двоих не способен иметь детей. Но страх развода терзал Жозефину неотступно.

Провозгласив себя в 1804 году императором Франции, Наполеон торжественно короновался в соборе Нотр-Дам. Второго декабря специально прибывший для проведения церемонии папа Пий VII готовился возложить на голову императора корону, но Наполеон вырвал ее из рук папы и сам надел на себя. Затем так же была коронована и Жозефина. Публика приветствовала императора и императрицу с невероятным восторгом. И мало кто знал, что еще накануне папа отказывался проводить коронацию: ему донесли, что Наполеон и Жозефина не состоят в церковном браке, следовательно – по меркам католической церкви – живут во грехе. Говорят, к такой информированности его святейшества причастна сама Жозефина. Чтобы церемония все же состоялась, Наполеону пришлось ночью срочно обвенчаться с Жозефиной. На время она успокоилась.

Жак-Луи Давид. Коронация Наполеона (фрагмент), 1805–1808 гг.

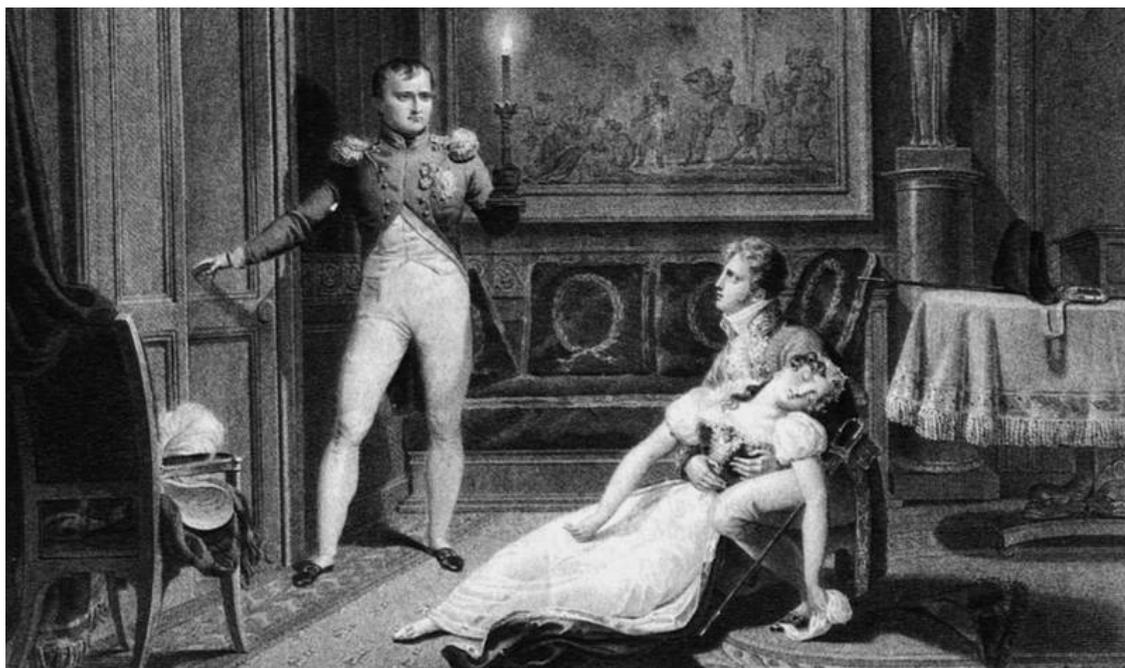

Франсуа Жерар. Портрет императрицы Жозефины в коронационном платье, 1808 г.

Семье, которая была категорически против коронавания Жозефины (помимо личной неприязни к его супруге, братьев беспокоил еще один момент: если Жозефина будет коронована, дети ее дочери Ортанс, вышедшей замуж за младшего брата Наполеона Луи Бонапарта, как внуки императрицы окажутся выше по положению прочих его племянников), Наполеон ответил: «Я знаю ее – если бы я оказался не на троне, а в тюрьме, она разделила бы и мои

несчастья. Так что она должна разделить со мной величие, это только справедливо». Говорят, Наполеону так понравилась коронованная Жозефина, что в тот вечер она по его желанию даже ужинала в короне – весьма, кстати, тяжелой. В этом видят полный скрытого смысла символ – быть супругой императора было весьма непросто... Но Жозефина справлялась с новой ролью с подлинным блеском, став истинной императрицей, матерью нации и образцом для подражания для всех своих подданных. Было известно, что она принимает ванну каждое утро – и во всех домах стали устраивать ванны комнаты, а блистающие чистотой дамы перестали маскировать запах грязного тела ведрами одеколona. Ее прически повторяются на тысячах головок – гладкие волосы, разделенные на пробор, с падающими на лоб и плечи локонами, или «конский хвост», напоминающий драгунский султан, кокетливо выглядывающий из-под шляпки. Жозефина любила цветы. «Цветы лучше всяких нарядов украшают зрелую женщину», – говорила она, и все парижанки вне зависимости от возраста стали украшать себя цветами вместо бриллиантов. В честь императрицы даже были названы два вида растений – лапажерия (по девичьей фамилии Жозефины Ла Пажери) и жозефиния. Француженки охотно подражали и ее мягкой манере говорить, ее макияжу, ее головным уборам...

Наполеон по-прежнему любил ее и ценил. Ее такт, умение слушать, мягкость и знание его характера помогли сгладить не один конфликт. «Если я на троне сохранил еще некоторые остатки любезности, если вы, французы, не имели государем строжайшего, надменнейшего, угрюмейшего из монархов, то благодарите за это Жозефину. Ее нежность, ее ласки часто смягчали мой характер и подавляли мое бешенство», – признавался Наполеон. Будучи в Париже, он проводил много времени в ее спальне, а в отъезде ежедневно писал ей письма, полные любви и страсти. Что, правда, не мешало ему постоянно заводить любовниц, три из которых – Элеонора Денюэль, Ева Краус и Мария Валеvская – родили ему сыновей. Вопрос о разводе Наполеон впервые поднял в 1807 году, но тянул с решением еще два года, боясь причинить Жозефине лишние страдания. «Она этого не перенесет», – считал он. Но после Аустерлица и Тильзитского мира Наполеон почувствовал, что срок пришел. 30 ноября 1809 года он сообщил Жозефине о своем решении – она разрыдалась, из комнаты ее вынесли в обмороке... Увы, «у политики нет сердца, а есть только голова», – заметил ей Наполеон. Наконец, 15 декабря 1809 года в присутствии всех высших сановников империи, маршалов армии и всей императорской семьи был зачитан протокол о разводе. Жозефина не смогла дочитать его до конца – рыдания душили ее, она с трудом дотянула до конца церемонии. Формальным поводом для развода было отсутствие священника на церемонии их бракосочетания, однако все знали, что истинной причиной была неспособность Жозефины родить Наполеону сына.

Наполеон сообщает Жозефине о разводе. Гравюра П. Боссельмана, К.А. Шассель

Наполеон писал: «Я требую, чтобы она пожизненно сохранила титул и звание коронованной императрицы, а главное, чтобы она, самый дорогой мой человек, никогда не сомневалась в моем к ней чувстве». Он оставил бывшей жене все титулы и привилегии императрицы, три дворца – Елисейский дворец как городскую резиденцию, Мальмезон как летнюю и Наваррский замок для охоты – и ежегодное содержание в три миллиона франков. Она поселилась в любимом ею Мальмезоне.

Удивительно, но на следующий же день после развода Наполеон написал бывшей жене любовное послание, и писал их еще довольно долго. До самого конца он боялся оставаться с Жозефиной наедине, словно боясь, что не сможет совладать со своими чувствами... Недаром современники вспоминали: «Император не видел в своей супруге никаких недостатков. Она для него не старилась и не менялась и, если бы Жозефина смогла подарить супругу наследника его славы и власти, он никогда не смог бы ее оставить. В своих мечтах он так с ней и не расстался».

Еще не разведясь окончательно с супругой, Наполеон начал подыскивать себе новую жену. Он сватался к сестре русского императора, великой княжне Екатерине Павловне, однако французскому императору деликатно отказали, сославшись на юный возраст невесты. По разным причинам отпали еще несколько кандидатур. Наконец следующей супругой Наполеона в марте 1810 года стала восемнадцатилетняя австрийская принцесса Мария-Луиза. Говорят, что письма к невесте Наполеону помогала писать Жозефина – сам он был не силен в грамматике, и хотя прекрасно умел выражать чувства, слова при этом были нередко написаны с ошибками. В марте 1811 года Мария-Луиза родила Наполеону долгожданного наследника, тут же получившего титул Римского короля.

Но недаром Жозефина говорила Наполеону, когда он просил у нее развода: «Наша совместная судьба слишком необыкновенна, и ее может решать только Провидение. Я слишком боюсь навлечь на нас обоих злой рок, если по своему желанию отделию свою жизнь от твоей». Потеряв Жозефину, Наполеон словно потерял и большую часть своей удачи. Неудачная русская кампания, проигранная Битва Народов у Лейпцига, сдача Парижа – все это Жозефина переживала, быть может, тяжелее, чем сам Наполеон, который всегда непоколебимо верил в свое военное счастье. А она говорила придворным дамам: «Я не раздумывая помчалась бы

сквозь оккупированный Париж в Фонтенбло, чтобы никогда не расставаться с ним». 6 апреля 1814 года Наполеон отрекся от престола и вскоре, согласно решению союзников, отплыл на остров Эльба. Мария-Луиза с сыном вернулась в Вену.

Узнав об участии Наполеона, Жозефина попросила у государей-победителей – императора Александра I, австрийского императора Франца и прусского короля Фридриха-Вильгельма – разрешения последовать за ним, но ей было галантно, хотя и твердо отказано ввиду ее почтенного возраста и хрупкого здоровья. Правда, это была единственная серьезная просьба Жозефины, которую государи не удовлетворили. Российский император, известный ценитель женского обаяния, был очарован бывшей императрицей, часто навещал ее в Мальмезоне и вел долгие разговоры. После данного в его честь бала Александр несколько часов прогуливался с Жозефиной по аллеям Мальмезона – эта прогулка стала последней. Слишком легко – по тогдашней моде – одетая, разгоряченная после бала Жозефина жестоко простудилась и через несколько дней скончалась. Как говорят, последними ее словами были: «Бонапарт. Эльба. Римский король...»

Наполеон Бонапарт, ок. 1810 г.

Вид Мальмезона с прогуливающимися Наполеоном и Жозефиной

Узнав о смерти бывшей жены из английских газет, Наполеон произнес: «Жозефина была чудная женщина и очень умная. То, что я бросил ее, принесло мне неудачу. Я горячо оплакиваю ее потерю». С триумфом вернувшись во Францию в 1815 году, Наполеон посетил Мальмезон. Когда император спросил у врача, лечившего Жозефину, что стало причиной её смерти, то получил ответ: «Горе, тоска, страх за Вас».

Она не была единственной женщиной Наполеона, не была первой, не была последней. Но она была единственной, кого он по-настоящему любил, кого называл «несравненной», кого он за руку привел на вершину славы. Она была рядом с ним в радости, была бы и в горе, до последнего вздоха думая лишь о нем. Когда смерть пришла к Бонапарту, она была похожа на нее: недаром последним словом умирающего императора было ее имя – Жозефина...

Елизавета Алексеевна
Печальная императрица

Она не была Великой, как Екатерина II. Она не прославилась благотворительностью, как ее свекровь Мария Федоровна, или обаянием, как ее невестка Александра Федоровна, жена следующего императора Николая I. Ее супруга, императора Александра I, называли Великолепным и Победителем, самым красивым монархом Европы и самым обаятельным мужчиной России. А она была его женой — любимой, нежеланной, прекрасной и очень несчастной, самой печальной императрицей Российской империи.

...В 1790 году Екатерина Великая задумала женить своего старшего внука. Александр был еще мал – всего тринадцать лет, но Екатерина уже успела объяснить ему его великое предназначение: стать императором Российской империи и править огромной страной мудро и справедливо, подобно великому Александру Македонскому. Внук, которого Екатерина, забрав у родителей, воспитывала сама в духе французских просветителей, предназначался ею в наследники – в обход ее собственного сына Павла. Александр был талантлив, образован, обаятелен, но его душа с раннего детства была расколота необходимостью угождать разом вольнодумной бабке и строгому педанту-отцу, которые между собой ладили весьма редко. Необходимость льстить и приспособливаться к двум столь противоположным обществам рано воспитала в Александре скрытность и сдержанность, недоверчивость к людям, а также весьма противоречивые взгляды. От своих учителей великий князь усвоил идеи просвещения и гуманизма, высокие рыцарские идеалы и принципы уважения к человеку, а от отца – пристрастие к строгой дисциплине, военным парадам, тщеславие и некое безволие. Все важные решения принимали за него родители или бабка – так было и в вопросе выбора ему достойной супруги. Внуку еще не исполнилось и десяти лет, а Екатерина уже поручила своим дипломатам собрать сведения о всех европейских принцессах подходящего возраста. Особенное внимание императрицы привлекли три дочери баденского маркграфа, из которых особенно выделялась третья, Луиза, которая с ранних лет славилась на всю Европу и красотой, и умом. Граф Н.П. Румянцев, чрезвычайный посланник при германском сейме, по поручению Екатерины посетил Карлсруэ – столицу Баденского графства – и отписал императрице: «Madame, принцесса Луиза крепка и развита лучше, чем другие дети ее возраста. Она очень мила, хотя и не абсолютная красавица. Народ ее любит больше чем сестер. Хвалят характер и расценивают ее фигуру и свежесть как надежную гарантию здоровья». Сопровождавший Румянцева граф Е. Комаровский добавил: «Я ничего не видывал прелестнее и воздушнее ее талии, ловкости и приятности в обращении».

Екатерина осталась довольна полученными сведениями, к тому же графы Баденские славились здоровьем, плодовитостью и отсутствием вредных привычек и были с Романовыми в свойстве: сестра супруги маркграфа Вильгельмина-Луиза Гессен-Дармштадская, в крещении Наталья Алексеевна, была первой женой сына Екатерины Павла Петровича. В этом усмотрели промысел Божий, и юную принцессу с матерью и младшей сестрой пригласили в Россию на смотрины.

Третья дочь маркграфа Баденского Луиза-Мария-Августа родилась 13 января 1779 года в маленьком городке Карлсруэ. Девочка была слаба, и врачи опасались за ее жизнь, однако

она выжила и уже скоро радовала семью резвостью ума и красотой, выделявшей ее даже в этом, славившемся красивыми женщинами, семействе. У Луизы были правильные, сравнимые с античными статуями, черты лица, роскошные белокурые волосы, огромные голубые глаза, тонкий стан и необыкновенная грациозность и легкость движений. Юную принцессу учили истории, географии, философии, литературе и языкам, в особенности французскому – с соседней Францией у маленького немецкого княжества были давние культурные связи. В тринадцать лет Луиза впервые покинула родную страну – чтобы навсегда обрести новую родину в далекой России.

В Петербург Луиза и ее младшая сестра Фредерика-Доротея прибыли 31 октября 1792 года. Им было тринадцать и одиннадцать лет – конечно, для брака они были слишком молоды, однако императрице не терпелось на них взглянуть. Румянцеву она писала: «Конечно, ввиду возраста принцесс, можно было бы еще отложить года на два приезд их в Россию, но я думаю, что, прибыв сюда ныне же, в самом этом возрасте, та или другая скорее привыкнет к стране, в которой ей предназначено провести остальную свою жизнь... Вы скажете, что я охотно принимаю на себя окончание их воспитания и устройство участи обеих. Склонность моего внука Александра будет руководить его выбором; ту, которая за выбором останется, я своевременно пристрою». Кроме того, в деле была замешана и политика: жена-того великого князя народ воспринял бы уже как взрослого, следовательно, его с меньшими трудностями можно было бы короновать в обход отца.

На российскую императрицу и весь русский двор Луиза произвела самое хорошее впечатление. Императрица писала: «Эта старшая показалась всем, видевшим ее, очаровательным ребенком или, скорее, очаровательной молодой девушкой: я знаю, что дорогой она всех пленила... Из этого я вывожу заключение, что наш молодой человек будет очень разборчив, если она не победит его...». По словам статс-секретаря императрицы А.В. Храповицкого, «никто при виде ее не мог устоять перед ее обаянием». Графиня Головина, ставшая в дальнейшем близкой подругой принцессы Луизы, писала в своих воспоминаниях: «Мне бросились в глаза прелесть и грация принцессы Луизы; такое впечатление она произвела и на всех, которые видели ее до меня... Принцесса Луиза, соединяла невыразимую прелесть и грацию со сдержанностью и тактичностью... Ее ум, мягкий и тонкий, с крайней быстротой схватывал все, что могло его украсить... В ее разговоре отражалась свежесть ее юности, и к этому она присоединяла большую правильность понятий... У нее восхитительная талия, пепельно-серые волосы, спадающие локонами на шею, молочно-белая кожа, розовые щеки и очень приятно очерченный рот».

Будущему супругу и его семье Луизу представили через два дня. Юная принцесса сразу же очаровала Павла и его супругу, которая отозвалась о будущей невестке так: «Она не только хороша собой, но во всей ее фигуре есть особая привлекательность, которая способна возбудить любовь к ней. Она чарует обходительностью и чистосердечием». Впрочем, Александр и Луиза в первую встречу едва осмелились сказать друг другу пару слов, но уже скоро все замечали, с каким пылом будущие супруги смотрели друг на друга. Уже через неделю после знакомства, 9 ноября, Александр пишет матери: «*La princesse Louise est tout a fait charmante*» (принцесса Луиза, безусловно, очаровательна). В свою очередь, Александр Павлович, который первоначально, по словам Луизы «не показался мне таким красивым, как мне его описали», впоследствии произвел сильное впечатление на юную принцессу: Александр был «наделен природным изяществом в высшей степени. Он высок ростом, строен, широкоплеч, у него легкая походка, благородные, правильные и нежные черты лица, гладко причесанные светло-каштановые волосы, глубоко сидящие голубые глаза и чарующая улыбка. От лица его веет силой и грацией, радушием и таинственностью». Юная пара проводила много времени вместе, гуляя и беседуя на возвышенные, как тогда полагалось, темы – впрочем, под бдительным присмотром свиты. Александр писал Луизе: «Мой милый друг. Я буду Вас

любить всю жизнь», и в ответ получал: «Я тоже люблю Вас всем сердцем и буду любить Вас всю мою жизнь. Вы составите счастье моей жизни, если будете меня любить всегда. Я не могу жить без вашей дружбы. Ваша преданнейшая и покорнейшая суженая Луиза». Мария Федоровна, мать Александра, в письме к Екатерине сообщала: «Господин Александр, во вчерашнем своем письме, пишет нам, что с «каждым днем прелестная Луиза все более и более ему нравится; в ней есть особенная кротость и скромность, которые чаруют, и что надобно быть каменным, чтобы не любить ее». Таковы подлинные выражения моего сына, и потому осмеливаюсь признаться вам, дражайшая матушка, что я сужу об удовольствии, которое доставит вам это признание, по тому удовольствию, которое оно мне доставило... Наш молодой человек начинает чувствовать истинную привязанность и сознает всю цену того дара, который вы ему предназначаете».

Акварель по портрету М.-Л.-Е. Виже-Лебрен, 1795 г

Екатерина не планировала поженить Александра и Луизу сразу: слишком молоды они были. Предполагалось, что Луиза проживет при русском дворе, усвоит его обычаи, выучит русский язык, поближе познакомится с будущим супругом и, только достигнув возраста, выйдет замуж. Однако замеченная всеми взаимная любовь двух подростков подвигла Екатерину не тянуть с обручением и свадьбой. Вот что вспоминала Елизавета: «Однажды вече-

ром, спустя примерно шесть недель после нашего приезда, за круглым столом в Бриллиантовой комнате, где мы рисовали вместе с остальным обществом, Александр потихоньку от других сунул мне только что написанную им записку с объяснением. Он писал, что имел разрешение своих родителей сказать мне, что меня любит, и спрашивает, могу ли я ответить на его чувство и может ли он надеяться, что я буду счастлива, выйдя за него замуж. Я, тоже на клочке бумаги, ответила ему утвердительно, прибавив, что исполню желание родителей, приславших меня сюда. С этого момента на нас стали смотреть как на жениха и невесту и мне дали учителя русского языка и Закона Божия».

9 мая 1793 года Луизу обратили в православие под именем Елизаветы Алексеевны: «Принцесса, посреди дворцовой церкви, громко произнесла символ веры. Она была хороша собою, как ангел, одета в розовое платье, вышитое большими белыми розами, с белой юбкой, вышитой таким же образом розовыми цветами; ни одного бриллианта в распущенных русых волосах. Это была Психея! Великий князь был одет в костюм из серебряной парчи, вышитый серебром. Принцесса была наречена именем Елисаветы, в память императрицы, избравшей Екатерину...» – писал Ф.Г. Головкин. На следующий день Луизу и Александра обручили: «Все говорили, что обручают двух ангелов. Ничего нельзя вообразить прелестнее этого 15-летнего жениха и 14-летней невесты; притом, они очень любят друг друга. Тотчас после обручения принцессы она получила титул великой княжны», – с гордостью писала Екатерина. Еще через четыре месяца, 28 сентября 1793 года, их обвенчали. «В церкви Зимнего дворца сделали возвышение, чтобы церемония брака была видна всем. Как только жених и невеста взошли туда, их вид вызвал всеобщее умиление. Они были прекрасны, как ангелы» – так описывал это событие шведский посол. А Екатерина позднее писала барону Гримму: «Эта пара прекрасна, как ясный день, в ней пропасть очарования и ума... Это сама Психея, соединившаяся с любовью».

М.-Л.-Е. Виже-Лебрен. Портрет Великой княгини Елизаветы Алексеевны

После свадьбы Александр и Елизавета закружились в вихре приемов, игр и удовольствий, полностью соответствующих возрасту этой семейной пары: бегали наперегонки, лазали в окна, объедались сладостями, танцевали и охотились. Уже в первые дни стало понятно, что Елизавета обожает Александра: «Счастье моей жизни в его руках, если он перестанет меня любить, то я буду несчастной навсегда. Я перенесу все, все, но только не

это», – писала она в письме. Сам великий князь к жене относился с любовью, нежностью, уважением – но любовь и уважение были братские, а не супружеские. Он снова попал в капкан собственного воспитания: насмотревшись на вольные нравы при дворе Екатерины и впитав строгость поведения при дворе отца, Александр, физически развитый и даже сексуально просвещенный (стараниями Екатерины, поручившей это деликатное дело одной из своих фрейлин) не мог относиться к своей жене, чистой и неиспорченной девушке, действительно похожей на ангела, как к сексуальному объекту. Впоследствии это причинит супругам немало горя; пока же они были вполне счастливы, упиваясь своими невинными чувствами.

Однако не все, кто любовался красавицей Елизаветой, испытывал к ней чувства столь же невинные. Платон Зубов, последний фаворит Екатерины, прославившийся своей красотой и наглостью, влюбился в молоденькую великую княжну и буквально не давал ей прохода, чем весьма ей досаждал. «Вот уже год и несколько месяцев граф Зубов влюблен в мою жену. Посудите, в каком затруднительном положении находится моя жена, которая воистину ведет себя, как ангел», – жаловался Александр графу В.П. Кочубею. Когда известие об увлечении Зубова дошла до императрицы, та строжайше отчитала его и впредь запретила преследовать Елизавету своими признаниями. Зубову пришлось отступить.

Однако он был не единственным, кого покорила Елизавета. В то время в Петербурге находились – в качестве почетных заложников после раздела Польши – молодые князья Адам и Константин Чарторыйские. Адам, свободолюбивый, прекрасно образованный, быстро стал одним из ближайших друзей Александра и страстным поклонником его красавицы-жены. Поначалу она избегала его; но поскольку Александр часто с ним виделся и даже, словно специально, оставлял Елизавету и Адама наедине, ей волей-неволей приходилось с ним общаться, и Адам довольно скоро завоевал ее расположение. Остроумный и преданный, красавец того типа, который лет через десять назовут «байроническим», он не мог не пробуждать в женских душах сочувствие своим страданиям, а следом – и любовь. Биограф Елизаветы великий князь Николай Михайлович уверен, что грани допустимого Елизавета и Адам не перешли; однако молва упорно говорила об их страстном романе, который, по мнению одних, был спровоцирован самим Александром из дружеских чувств к Адаму, а по другим – чтобы жена не мешала ему самому волочиться за женщинами, к чему он вскоре после свадьбы стал большой охотник.

Вскоре после свадьбы Александр совершенно прекратил занятия со своим наставником Лагарпом, а его супруга, наоборот, занялась самообразованием, почувствовав явные пробелы в знаниях. Занятия были настолько усердными, что даже знаменитая княгиня Екатерина Романовна Дашкова, стоявшая во главе двух российских академий и отличавшаяся острым языком и категоричностью суждений, необыкновенно тепло отзывалась о Елизавете: «Меня привлекли к ней ум, образование, скромность, приветливость и такт, соединенный с редкой для такой молодой женщины осторожностью. Она уже правильно говорила по-русски, без малейшего иностранного акцента».

Адам Чарторыйский

6 ноября 1796 года скончалась Екатерина Великая, и на престол взошел ее сын, император Павел I. Для ставшего наследником Александра и его супруги начались совсем другие времена: Павел требовал неукоснительной дисциплины, строгого следования этикету – в письме к матери Елизавета жаловалась, что новая императрица Мария Федоровна требует, чтобы она носила придворный туалет и драгоценности весь день. Свекровь явно мстила невестке за то, что ее любила покойная императрица, и откровенно третировала юную великую княгиню. Первым звоночком был случай перед коронацией, когда Мария Федоровна грубо сорвала букет роз, которым Елизавета украсила корсаж своего платья, а летом 1797 года их отношения совсем испортились. Дело в том, что шведский король попросил руки сестры Елизаветы – той самой Фредерики, которая когда-то вместе с нею прибыла к русскому двору, а ведь только год назад король был обручен с великой княжной Александрой Павловной! Был уже составлен брачный контракт, но брак так и не состоялся из-за противоречий в вопросе религии будущей королевы и происков антирусской партии при шведском дворе. Конечно, Елизавета была ни при чем; однако ее свекрови было все равно. Жизнь юной княгини, по словам графини Головиной, превратилась «в тяжелый долгий сон, который она боялась признать действительностью. Каждую минуту встречала она противоречие и чув-

ствовала себя нравственно оскорбленной. От этого увеличилась ее гордость. Она старалась по возможности удалиться от порядка вещей, который ей не нравился. Она исполняла все обязанности, сопряженные с ее рангом, но в возмещение она создала себе внутренний мир, где воображение имело больше власти, чем рассудок».

Павел оставался милостив к невестке, но это мало что давало. Он требовал, чтобы сын с женой ежедневно бывали в Гатчине, резиденции императора, где обстановка была крайне тяжелой для воспитанной в ласке и свободе Елизаветы. Постоянные протокольные приемы и церемонии плохо действовали на ее слабое здоровье. При новом дворе Елизавету недолюбливали и за сдержанность, и за нельстивость, и особенно за то, что у нее до сих пор не было детей.

Наконец, 18 мая 1799 года – через шесть лет после свадьбы – у Елизаветы и Александра родилась дочь, названная в честь императрицы Марией. До Павла новость о рождении внучки дошла одновременно с известием о победе Суворова в Италии: император считал это благим знаком и объявил себя покровителем новорожденной. Однако скоро поползли слухи, которые немедленно дошли до Павла: дочь светловолосых и голубоглазых родителей была темноглаза и темноволоса. Молва не сомневалась в том, что отцом ребенка был Чарторыйский. Мария Федоровна не преминула потребовать ребенка к себе и показать девочку императору. Разгневанный Павел устроил Елизавете унижительную сцену, а Адама хотел сослать в Сибирь – его спасло только заступничество графа Ростопчина, и Чарторыйский «отделался» назначением посланником в Сардинию. С Елизаветой Павел не разговаривал три месяца.

Оскорбленная великая княгиня замкнулась в себе; она почти не выходила из детской, стараясь как можно меньше соприкасаться с императором и его семьей. Она общалась лишь с мужем и с невесткой, великой княгиней Анной Федоровной – супругой Константина Павловича. Но через год, 27 мая 1800 года, девочка умерла. Елизавета очень глубоко переживала смерть дочери; матери она писала: «О, мама, как ужасна непоправимая потеря: я первый раз переношу нечто подобное. Вы легко можете понять, какая пустота, какая смерть распространилась в моем существовании. Вы теряли ребенка, но у вас оставались другие дети, а у меня их нет, и я даже теряю надежду иметь детей в будущем. Но даже если б у меня и был другой ребенок, то ее, моей обожаемой Mäuschen, более не существует»... С тех пор стали говорить, что «печать ранней грусти легла на ее образ». Горе Елизаветы еще больше отделило ее от двора. Александр тоже горевал; но ни утешить Елизавету, ни разделить с ней горе он не мог и не хотел.

М.-Л.-Е. Виже-Лебрен. Портрет Великой княгини Елизаветы Алексеевны, 1798 г.

Однако уже вскоре Александру понадобилась вся сила характера, любовь и стойкость его жены. 11 марта император Павел I был убит заговорщиками. Александр был раздавлен, он бился в истерике, отказывался от короны... Его мать тоже была не в себе, она ругалась с гвардейцами и кричала по-немецки: «Я хочу царствовать!» Единственным, кто в страшной суматохе не потерял самообладания и присутствия духа, была Елизавета. «Из членов импе-

раторской фамилии, среди ужасного беспорядка и смятения, царивших в эту ночь во дворце, только одна молодая императрица сохранила присутствие духа, – вспоминал Адам Чарторыйский. – Император Александр часто говорил об этом. Она не оставляла его всю ночь и отходила от него лишь на минуту, чтобы успокоить свекровь, удержать ее в ее комнатах, уговорить ее прекратить свои вспышки, которые могли стать опасными, когда заговорщики, опьяненные успехом и знавшие, как они должны опасаться ее мести, являлись хозяевами во дворце;... в эту ночь только императрица Елизавета сохранила самообладание и проявила моральную силу, которую все признали. Она явилась тогда посредницей между мужем, свекровью и заговорщиками и старалась примирить одних и утешить других». Александру она объяснила, что принять правление – его долг перед страной, что власть, от которой он жаждал отказаться, – не незаслуженная награда, а искупление, что слабость и нерешительность в такое время – это преступление перед Россией. Только благодаря ей Александр, по природе слабохарактерный, боящийся решительных действий, легко теряющийся в опасных ситуациях, смог взять себя в руки и принять управление страной, только благодаря Елизавете он осмелился начать свои преобразования.

Через несколько дней Елизавета описала произошедшее в письме к матери: «Теперь все спокойно, ночь же с третьего дня на вчера была ужасна. Случилось то, чего можно было давно ожидать: произведен переворот, руководимый гвардией, т. е. вернее офицерами гвардии. В полночь они проникли к Государю в Михайловский дворец, а когда толпа вышла из его покоев, его уже не было в живых. Уверяют, будто от испуга с ним сделался удар; но есть признаки преступления, от которого все мало-мальски чувствительные души содрогаются; в моей душе же это никогда не изгладится.

Вероятно, Россия вздохнет после 4-летнего гнета и если бы Император кончил жизнь естественной смертью, я, может быть, не испытывала бы того, что испытываю сейчас, ибо мысль о преступлении ужасна. Вы можете себе представить состояние императрицы: несмотря на то, что она не всегда с ним была счастлива, привязанность ее к Государю была чрезвычайная. Великий князь Александр Павлович, ныне Государь, был совершенно подавлен смертью своего отца, то есть обстоятельствами его смерти: чувствительная душа его будет этим навсегда растерзана. Я была у себя в комнате и слышала одни крики ура. Вскоре после того, входит ко мне великий князь и объявляет о смерти своего отца. Боже! Вы не можете себе представить нашего отчаяния.

Я. Орт. Портрет Елизаветы Алексеевны, 1800–1801 гг.

Никогда я не думала, что это будет мне стоить столь ужасных минут. Великий князь едет в Зимний дворец в надежде увлечь за собой народ; он не знал, что делал, думал найти в этом облегчение. Я поднимаюсь к императрице; она еще спала, однако воспитательница ее дочерей пошла подготовить ее к ужасному известию. Императрица сошла ко мне с помутившимся разумом, и мы провели с нею всю ночь следующим образом: она – перед закрытой дверью, ведущей на потайную лестницу, разглагольствуя с солдатами, не пропускавшими

ее к телу Государя, осыпая ругательствами офицеров, нас, прибежавшего доктора, словом всех, кто к ней подходил (она была как в бреду, и это понятно). Мы с Анной (великой княгиней Анной Федоровной. – Авт.) умоляли офицеров пропустить ее по крайней мере к детям, на что они возражали нам то будто бы полученными приказами (Бог знает от кого: в такие минуты все дают приказания), то иными доводами. Одним словом, беспорядок царил как во сне. Я спрашивала советов, разговаривала с людьми, с которыми никогда не говорила и, может быть, никогда в жизни не буду говорить, умоляла императрицу успокоиться, принимала сотни решений. Никогда не забуду этой ночи!

Вчерашний день был спокойнее, хотя тоже ужасный. Мы переехали, наконец, сюда, в Зимний дворец, после того как императрица увидела тело Государя, ибо до этого ее не могли убедить покинуть Михайловский дворец. Я провела ночь в слезах то вместе с прекрасным Александром, то с императрицей. Его может поддержать только мысль о возвращении благосостояния отечеству; ничто другое не в силах дать ему твердости. А твердость ему нужна, ибо, великий Боже, в каком состоянии получил он империю!»

Пятнадцатого сентября 1801 года состоялась коронация Александра Первого и Елизаветы Алексеевны. Взойдя на престол, Александр первым делом стал избавляться от наследства своего отца: многие его указы были отменены, из ссылок были возвращены все, кто оказался там по самодурству предыдущего императора. Вернулся и Адам Чарторыйский, чьи чувства к Елизавете не остыли. Однако теперь она, закаленная пережитыми испытаниями, держалась твердо и на его пылкие признания не отвечала.

В первые годы правления Александра Елизавета все время была рядом с мужем, поддерживая его дух, советуя и помогая в делах. Между ними были очень теплые, доверительные отношения. Елизавета постоянно участвовала в заседаниях «тайного комитета», прозванного Комитетом общественного спасения, который решал будущее России. С Александром их объединяли не только общие интересы и принципы, но и нелюбовь к пышности, этикету и официальным почестям. Как писал великий князь Николай Михайлович, «как и Александр, Елизавета ненавидела всякий этикет и церемонию; она любила жить просто и тогда получала полное удовлетворение», а фрейлина императрицы княгиня Софья Мадатова вспоминала, что «вкусы императрицы были до крайности просты, она никогда не требовала даже самых пустячных вещей для убранства своих комнат, даже не приказывала никогда приносить цветы и растения. Однако надобно заметить, что это делалось ею отнюдь не из равнодушия к этим предметам, а единственно из желания никого не беспокоить. Она никогда не обнаруживала неудовольствия, если что выходило не по ней, напротив, настроение духа всегда было ровное. Приятный звук ее голоса мог очаровать самого равнодушного человека, а ее симпатичный взгляд располагал в ее пользу самых холодных людей. Любимейшими ее удовольствиями были морские купания и верховая езда». Такой скромностью Елизавета, к слову, разительно отличалась от Марии Федоровны, потребовавшей от сына сохранения за нею всех привилегий действующей императрицы, включая полный штат фрейлин, царские драгоценности и первое – рядом с императором – место на всех церемониях, что было просто бестактным, если не смешным. На все возражения сына она начинала намекать на его роль в смерти Павла – и Александр сдавался. Так Елизавета все дальше уходила с первого плана истории в тень своих покоев... А когда в конце 1801 года в результате несчастного случая скончался ее отец, из-за траура Елизавета совсем перестала появляться в свете. Она общалась лишь с несколькими ближайшими подругами (к числу которых принадлежали, кроме великой княгини Анны, графиня Варвара Николаевна Головина, графиня Софья Владимировна Строганова и княжна Наталья Федоровна Шаховская, в замужестве княгиня Голицына), а свободное время проводила в чтении или прогулках.

Став императором, Александр быстро обрел лоск и уверенность в себе, а вместе с этим – славу покорителя женских сердец. Статный красавец, невероятно обаятельный, с ласко-

выми манерами, император мог покорить любую, и ему это невероятно льстило. Первый из его громких романов случился вскоре после воцарения, когда Александр был в Пруссии. Королева Луиза была очень красива и умна; чтобы добиться желаемого союза, Александр очаровал Луизу, но и сам влюбился в нее так, что хранил память о ней до самой смерти. Потом были графиня Мария Голицына и актриса мадемуазель Жорж, которая незадолго до этого была любовницей самого Наполеона, но всех их затмила самая, пожалуй, долгая и глубокая привязанность императора – Мария Антоновна Нарышкина, в девичестве польская княжна Святополк-Четвертинская. Эта редкостная красавица, «северная Аспазия», как ее называл в своих стихах Державин, прославилась своими любовными похождениями. Александр был у нее далеко не первый и не единственный, но никакие измены Нарышкиной не могли поколебать любви Александра. Когда же Мария Антоновна забеременела, счастью его не было предела. Сама Нарышкина не упустила случая уколоть императрицу: «Она имела глупость сообщить мне первой о своей беременности, – писала Елизавета матери, – столь ранней, что я при всем желании ничего бы не заметила. Полагаю, что для такого поступка надо обладать бесстыдством, которого я и вообразить не могла. Это произошло на балу, тогда еще ее положение не было общеизвестным фактом, как ныне, я говорила с ней, как со всеми прочими, спросила о ее здоровье, она пожаловалась на недомогание: «По-моему, я беременна». Как вы находите, Мама, каким неслыханным бесстыдством надо обладать?! Она прекрасно знала, что мне неизвестно, от кого она могла быть беременна. Не знаю, к чему это приведет и чем кончится, но знаю только, что я не стану убиваться из-за особы, которая того не стоит, ведь ежели я до сих пор не возненавидела людей и не превратилась в ипохондрика, то это просто везение».

У Нарышкиной родилась дочь Софья, которую Александр очень любил; считается, что всего Мария Антоновна родила ему троих детей, хотя при ее весьма вольном образе жизни в отцовстве не была уверена даже она сама.

А между тем Елизавета находилась в расцвете своей красоты. Один дипломат писал о ней: «Трудно передать всю прелесть императрицы: черты лица ее чрезвычайно тонки и правильны: греческий профиль, большие голубые глаза, правильное овальное очертание лица и прелестнейшие белокурые волосы. Фигура ее изящна и величественна, а походка чисто воздушная. Словом, императрица, кажется, одна из самых красивых женщин в мире. Характер ее должен соответствовать этой приятной наружности. По общему отзыву, она обладает весьма ровным и кротким характером; при внимательном наблюдении в выражении ее лица заметна некоторая меланхолия... Общественная жизнь императрицы так же проста, как и жизнь ее августейшего супруга. Чтение, прогулки и занятия искусствами наполняют ее досуг».

Жан-Лоран Монье, Портрет императрицы Елизаветы Алексеевны, 1807 г.

Где-то около 1803 года у Елизаветы появляется новое увлечение: она замечает красавца-кавалергарда, который тоже нередко бросает на нее влюбленные взгляды. Это был штабс-ротмистр Алексей Охотников. Трудно поверить, но почти два года прошли в ловле ответных взглядов, сдержанных вздохах и тайных мечтаниях. Только в 1805 году, когда император вместе с войском ушел в европейский поход воевать с Наполеоном, Охотников, оставленный в России из-за чахотки, смог наконец добиться ответной страсти императрицы. Тайный, полный взаимной страсти роман продолжался несколько месяцев: «каждую ночь, когда

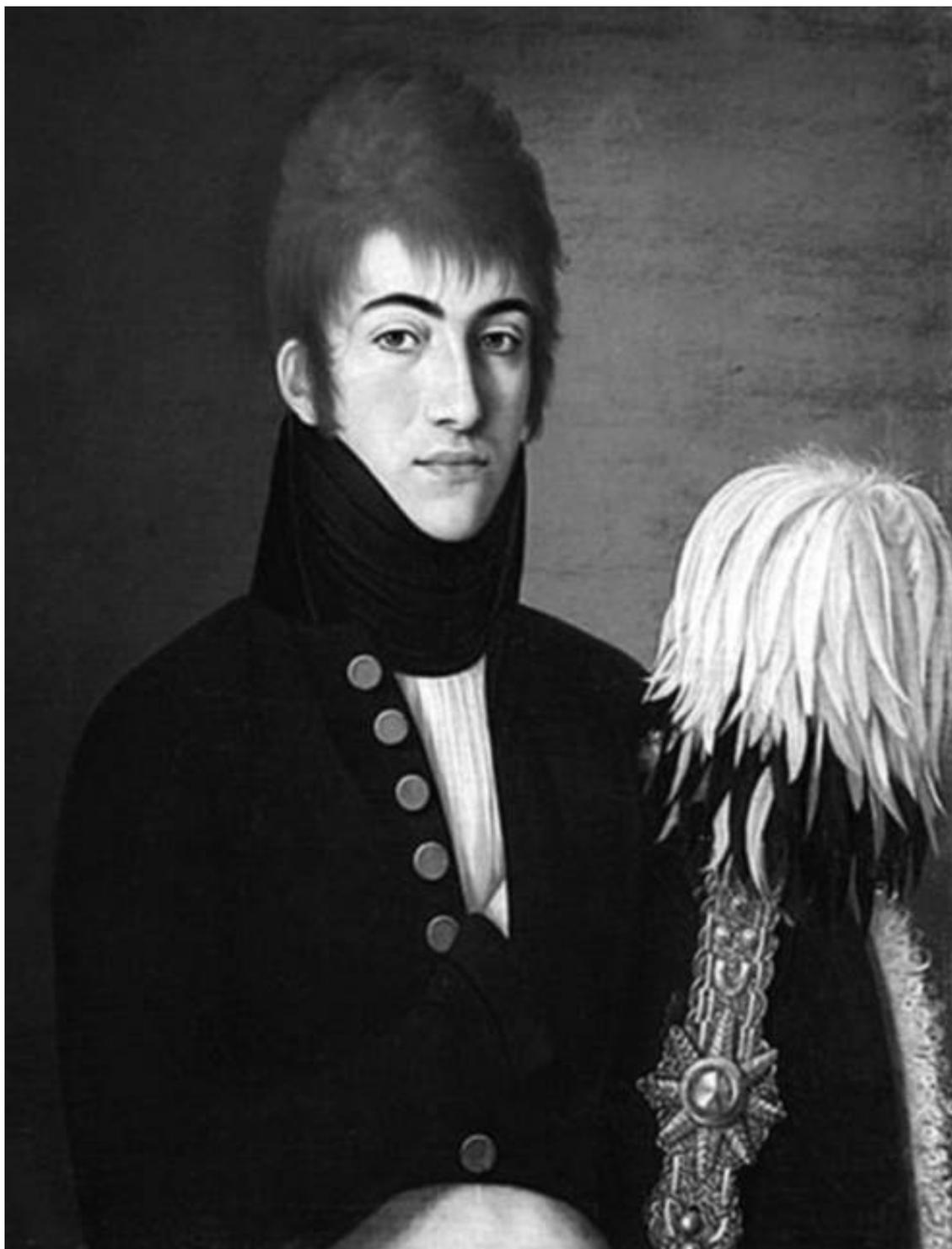
не светила луна, он взбирался в окно на Каменном острове или же в Таврическом дворце, и они проводили вместе 2–3 часа...». В своих полных глубокой любви и страсти письмах, как свидетельствует читавшая их – после смерти Елизаветы – супруга Николая Первого Александра Федоровна, Охотников называл Елизавету «*ma petits femme*», «*mon ami, ma femme, mon Dieu, mon Elise...*», т. е. моя маленькая женушка, мой друг, моя жена, мой бог, моя Элиза...

Вскоре Елизавета забеременела. Собственно говоря, на этом роман и закончился, и развязка его была трагической. По легенде, в октябре 1806 года наемный убийца (считается, что нанял его великий князь Константин, брат императора, который мстил то ли за честь брата, то ли за то, что сам безуспешно пытался добиться расположения Елизаветы) напал на Охотникова с ножом, и от полученной раны тот в январе 1807 года скончался. Большинство исследователей, однако, считают, что умер Охотников от чахотки. На его могиле стоит мраморный памятник – скала, сломанное дерево и плачущая женщина, в чертах которой современники узнавали Елизавету.

3 ноября 1806 года императрица Елизавета Алексеевна родила дочь, которую тоже назвали Елизаветой. Девочка официально считалась дочерью Александра – хотя все знали, что это совершенно невозможно. Секретарь Марии Федоровны Вилламов записал в дневнике: «Она (Мария Федоровна) расспросила меня о городских новостях и о том, что говорят об Императрице Елисавете. Услышав в ответ, что я не слышал ничего кроме хорошего, она призналась, что двое детей Императрицы Елисаветы были не от Императора, что Елисавета была в интимной связи с офицером из кавалергардов Охотниковым, что этот человек, по слухам очень красивый, умер во время родов Императрицы и что именно из-за этого ей было так плохо, что во время обряда крещения Император признался, что чувствовал себя весьма двусмысленно; что поначалу он проявил мало внимания к новорожденному ребенку, но обрадовался, что это была девочка; что Императрица Елисавета, признавшись Императору в своей беременности, решила уйти, что Император проявил по отношению к ней максимум благородства, что Император очень несчастен, так как весь мир сваливает всю вину на него, не зная истинного положения вещей». Тяжело переживая горе от гибели возлюбленного, Елизавета все свое время отдала дочке. Графиня Головина вспоминала: «Дочь императрицы стала предметом ее страстной любви и постоянным занятием. Ее уединенная жизнь стала счастьем для нее. Как только она вставала, она шла к своему ребенку и почти не расставалась с ним по целым дням. Если ей случалось не быть дома вечером, никогда она не забывала, возвращаясь, зайти поцеловать ребенка. Но счастье продолжалось только восемнадцать месяцев. У княжны очень трудно резались зубы. Франк, доктор Его Величества, не умел лечить ее. Он стал давать ей укрепляющие средства, что только увеличило раздражение. С ней сделались судороги. Был созван весь факультет, но никакие средства не могли ее спасти... Несчастливая мать не отходила от кровати, вздрагивая при малейшем движении. Минута успокоения возвратила ей надежду. Императорская семья собралась в той же комнате. Стоя на коленях перед кроватью и видя, что ее ребенок успокоился, Императрица взяла его на руки. Глубокое молчание царило в комнате. Императрица дотронулась своим лицом до личика ребенка и почувствовала холод смерти». Маленькая Луиза умерла 30 апреля 1808 года; в тот же день пришло известие о смерти младшей сестры Елизаветы... Трудно понять, как Елизавета выжила, как не потеряла рассудок, оставшись наедине со своим горем, вдали от мужа, без единого друга рядом...

С. Карделли. Гравюра «Мир Европы», 1814 г.

Неизвестный художник. Портрет кавалергарда А.Я. Охотникова

Она вела очень уединенный образ жизни: «...императрица живет в полном уединении, – писал генерал Савари. – Она кушает у себя, одна со своей сестрой принцессой баденской Амалией, по крайней мере 3 раза в неделю. В другие дни, когда она обедает у императора, она появляется в столовой за минуту до подачи кушанья, удаляется немедленно после кофе и возвращается в свои внутренние комнаты, откуда она высылает даже фрейлину или придворную даму, несущую при ней дежурство...» Впрочем, она была в курсе всех происходящих в мире событий и обо всем имела свое мнение, которое, впрочем, высказывала лишь подругам и в письмах к матери. «Я до глубины души привязана к России. И это не слепой

энтузиазм, мешающий мне видеть преимущества иных стран перед Россией: я чувствую все, чего ей не хватает, но вижу также и то, какой она может стать, а каждый ее шаг вперед радует меня», – писала она в одном из них.

В октябре 1811 года Елизавета с императором присутствуют на открытии Царскосельского лицея. И.И. Пущин вспоминал: «Императрица Елизавета Алексеевна тогда же нас, юных, пленила непринужденною своею приветливостию ко всем – она как-то умела и успела каждому из профессоров сказать приятное слово». Юный Пушкин был пленен поэтическим образом императрицы; много лет спустя он посвятил ей такие строки:

Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.
Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.
Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Некоторые исследователи считают, что Пушкин был влюблен в Елизавету. Впрочем, ею восхищались многие – и не только ее красотой, но и умом, образованностью и мягким сердцем.

Когда войска Наполеона вступили на русскую землю, Елизавета словно очнулась от сна. Он отказалась покинуть Петербург, заявив, что будет последней, кто уедет из столицы. У нее появилось дело – ведь весь народ воюющей страны требовал ее заботы. Елизавета писала матери, что «именно теперь окончательно почувствовала Россию своим подлинным отечеством», восхищалась героизмом русских воинов – и не забывала об их семьях. По ее инициативе 12 ноября 1812 года возникло женское Патриотическое общество, в чьи задачи входили выдача пособий, размещение больных и раненых в больницах, создание сиротских домов и казенных школ для обучения детей погибших офицеров. В этом же году было создано Сиротское училище и при нем Дом трудолюбия для обучения и содержания на казенный счет дочерей офицеров, павших на войне. Впоследствии это учебное заведение, постоянное опекаемое Елизаветой, стало называться Елизаветинским институтом. Из положенного ей как императрице содержания в один миллион рублей она брала лишь 200 тысяч, из которых на себя тратила всего пятнадцать, а остальное шло на благотворительность. Знаменитая французская писательница мадам де Сталь, находившаяся в это время в России, пишет о своей встрече с Елизаветой Алексеевной: «Императрица предстала передо мной как ангел России. Её манеры очень сдержанны, но то, что она говорит, полно жизни, а её чувства и мнения приобрели силу и жар в горниле благородных идей. Слушая её, я была взволнована чем-то неизъяснимым, шедшим не от величия, а от гармонии её души. Уже давно я не встречала такой соразмерности силы и добродетели». В отличие от Марии Федоровны и Константина, Елизавета была сторонницей войны до победного конца, она решительно возражала против заключения мира с Наполеоном, которого она ненавидела, считая выскочкой и узурпатором. «Надо, подобно нам, – писала она во время наступления Наполеона на Москву, – видеть и слышать ежедневно о доказательствах патриотизма, самопожертвования и героической отваги, проявляемых всеми лицами военного и гражданского сословий... О, этот доблестный народ наглядно показывает, чем он является в действительности и что он именно таков, каким издавна его считали люди, принимавшие его, вопреки мнению тех, которые упорно продолжали считать его народом варварским». Добрые дела, сила духа и патриотизм импе-

ратрицы снискали ей невероятную популярность среди народа, заметно превосходившую популярность ее супруга, которого почти в открытую винили в военных неудачах.

1813 и 1814 год Елизавета, по настоянию Александра, провела у своих родных в Германии. В своем родном Бадене императрица Елизавета пользовалась неизменным уважением и любовью. Когда в марте 1806 года ее брат Карл, наследный принц Баденский, по политическим соображениям женился на приемной дочери Наполеона Стефании Богарнэ, в маркграфстве (которое стало великим герцогством в июле того же года) невероятно возросло французское влияние, и, более того, было поставлено под угрозу само существование Баденского герцогства, на земли которого – на основании старинных актов о престолонаследии – претендовала Бавария. Лишь благодаря воздействию Елизаветы Алексеевны, герцогство сохранило свою самостоятельность. Еще раз императрица помогла великому герцогству тринадцать лет спустя, в 1819 году, когда Карл Баденский скончался, не оставив наследников. Елизавета, заручившись поддержкой мужа, лично назначила нового великого герцога Баденского – своего дядю Людвига Вильгельма, – чем снова спасла Баден от исчезновения с политической карты. С 1819 года на родине ее называли «Ангел-хранитель Бадена».

Джордж Доу. Портрет императора Александра I

На Венский конгресс Елизавета прибыла 19 сентября 1815 года – ее супруг уже был там, и уже успел снискать себе славу не только победителя Наполеона, но и «Наполеона любовных сражений». Самые красивые женщины Европы пали в его объятия и, не скрывая,

рассказывали о мужской доблести русского императора. Елизавета тоже покоряла – один из участников конгресса, граф Огюст де ла Гард писал о ней: «Этот ангел, спустившийся с небес, соединяя в себе все прекрасные черты, олицетворяла собой все то, что касалось счастья и успеха ее мужа. Ее выражение лица было очаровательно, в ее глазах отражалась чистота ее души. Ее прекрасные пепельно-белокурые волосы свободно спадали ей на плечи. Ее фигура была элегантно, стройной, гибкой. Скользящая походка выдавала ее даже тогда, когда она на балу надевала маску. Было невозможно, увидев эту женщину не применить к ней строки Вергилия: "Incessu patuit Dea" (Казалось, она была богиней). К ее любезному характеру добавлялся еще и живой дух, и любовь к прекрасным искусствам, и безграничное великодушие. Изящной грацией, благородным поведением и неисчерпаемой добротой она покорила сердца всех присутствующих». Однако и восторги в ее адрес, и преклонение перед ее супругом (и его мужские победы) оставили ее совершенно равнодушной. За многие годы она не перестала любить Александра, но перестала ждать ответного чувства, замкнувшись в себе, отгородившись от всего мира своим горем... Даже присутствовавший на конгрессе Адам Чарторыйский, которого Елизавета не видела много лет, не смог разбудить в душе императрицы былые чувства – хотя очень и очень старался. Елизавета вернулась в Россию, где продолжила жить по-прежнему – уединенно, скрытно, вдали от всех.

Разрыв Елизаветы с двором усилился и благодаря свадьбе Николая Павловича – Александр сосватал ему Шарлотту, дочь все еще любимой им прусской королевы Луизы, ставшую в крещении Александрой Федоровной. Красивая и обаятельная Александрина, как великую княгиню стали называть в семье, – живая, веселая, общительная, полная жизни, – быстро стала любимицей всего Петербурга, полностью затмив всегда печальную и замкнутую Елизавету. Ее любили все; на долю Елизаветы снова остались только книги. Французский посол Савари писал: «Она много занимается серьезными вещами, много читает, много рассуждает о наших выдающихся писателях, мало говорит и в общем производит впечатление обладательницы крайне холодного ума. За 14 лет пребывания царствующей императрицей здесь ее характер остался неизвестен даже тем, кто ее обычно видит... Это женщина, которую было бы легче покорить умом, чем сердцем. Никогда не было политических интриг при ее дворе, являющемся обиталищем обыкновенного частного лица. Я считаю императрицу Елизавету Алексеевну женщиной очень тонкой, с изощренным умом». Вокруг нее образовался кружок близких друзей, куда входили самые умные люди России, – например, историк Николай Карамзин, ставший Елизавете ближайшим другом. «Судьба странным образом приблизила меня в годах преклонных ко Двору необыкновенному, чьей милости ищут, но кого редко любят, – писал Карамзин впоследствии. – Ты не менее моего знаешь двух (имеются в виду император Александр и императрица-мать Мария Федоровна. – Авт.), но третью я узнал короче: Императрицу Елисавету, женщину редкую... я имел счастье беседовать с ней еженедельно, иногда часа по два и более, с глазу на глаз; иногда мы читали вместе; иногда даже спорили, и всегда я выходил из Ее кабинета с приятным чувством. К ней написал я, может быть, последние стихи в моей жизни, в которых сказал:

Здесь все мечта и сон; но будет пробужденье!
Тебя узнал я здесь в приятном сновиденьи:
Узнаю наяву!..

В самом деле, чем более приближаюсь к концу жизни, тем более она мне кажется сновидением».

Теперь к жене нередко заходит и Александр, чтобы выпить чаю и поговорить о литературе. Он не раз говорил, что, не имея времени много читать, он обязан супруге исчерпывающими сведениями о всех любопытных литературных новинках. Постепенно между

ними снова возникло доверие и привязанность, которые царили первые годы их брака. Они утешают друг друга в постигших их несчастьях – Елизавета потеряла сначала подругу Варвару Головину, а затем любимую сестру Амалию. Жизнь Александра тоже была непростой: в январе 1824 года, во время военных маневров, он получил удар по ноге копытом лошади. Рана воспалилась, началась горячка, врачи всерьез опасались за жизнь государя, и Елизавета Алексеевна преданно ухаживала за мужем. Через несколько месяцев обожаемая дочь Александра Софья скончалась накануне своей свадьбы, и снова Елизавета утешала императора в его горестях. Александр делился с женой своими проблемами, неизменно получая участие и дельный совет, он заботился о Елизавете, когда та болела – а здоровье ее, и без того хрупкое, в последние годы сильно ухудшилось. Летом Елизавете стало совсем плохо – врачи объявили ей, что еще одну зиму в Петербурге она не переживет. Однако задержаться пришлось: страшное наводнение, случившееся в Петербурге в ноябре 1824 года, на время отвлекло внимание императора от здоровья его супруги, так что зиму она провела в столице, что окончательно подорвало ее здоровье. Наконец в качестве места для лечения был избран провинциальный Таганрог, куда в сентябре 1825 года Александр отправился, чтобы лично проследить за приготовлениями к приезду супруги. 23 сентября Елизавета прибыла в Таганрог.

Супруги зажили так, как всю жизнь мечтали: тихо, уединенно, без официальных приемов, проводя долгие часы за прогулками или беседами. Это было самое счастливое время для них обоих – но как часто бывало в их жизни, счастье было недолгим.

В конце октября Александр решил посетить южные губернии и Крым, где жестоко простудился: «... Не в госпитале подхватил он болезнь, а переохладился на южном побережье Крыма, – писала Елизавета матери. – Он отправился вечером верхом на лошади в монастырь Св. Георгия, вырубленный в скале, поэтому жилые помещения там влажные. Три часа провел он в этой поездке и без всякого пальто... А оттуда он направился в Севастополь, где полтора дня провел в бесконечных инспекционных поездках (это военный морской порт). Потом он побывал в госпитале, но заразных больных там не было. Далее последовал длинный объезд окрестностей, а земля в тех местах источает ядовитые пары, и он уведомил Виллие только тогда, когда уже в течение двух дней чувствовал себя плохо. Вот в том-то и причина болезни». Несмотря на все усилия врачей, 19 ноября 1825 года император Александр Первый скончался на руках у своей жены. В тот вечер Елизавета написала своей матери: «Я самое несчастное существо на земле! Я хотела только сказать вам, что я осталась в живых после потери этого ангела, страшно измученного болезнью и который, тем не менее, постоянно находил для меня улыбку или ласковый взгляд даже тогда, когда он не узнавал никого. О, матушка, матушка, как я несчастна, как вы будете страдать вместе со мною! Великий Боже, что за судьба! Я подавлена печалью, я не понимаю себя, не понимаю своей судьбы, одним словом, я очень несчастна... Что касается меня, я могу сказать совершенно искренно: для меня, отныне, не существует ничто. Для меня все безразлично, я ничего не жду, я ничего не желаю, я не знаю, что я буду делать, куда я поеду, я знаю одно, что я не вернусь в Петербург: для меня это невысказано!»

Кончина императора Александра I. Гравюра И. Кулакова, 1827 г.

Принявший престол Николай Павлович был щедр к вдове брата: «Я всё оставляю на прежнем положении и всё уже разрешил и приказал указами. Лонгинов для неё вместо 250 000 миллион получать будет; сверх того Ораниенбаум и Каменный остров суть наследственная собственность Императрицы, а Царское Село остается по жизнь ея в ея распоряжении; об этом ей не пишу, ибо не знаю и не умею как». Однако императрица отказалась и от значительного денежного содержания, и от дворцов – Ораниенбаумский и Каменноостровский дворцы она уступила Великому князю Михаилу Павловичу и его жене.

Из-за декабрьского восстания гроб с телом императора покинул Таганрог только 29 декабря 1825 года. Его похоронили в Петропавловском соборе 13 марта 1826 года. Елизавета чувствовала себя очень плохо; она смогла покинуть Таганрог лишь в конце апреля. Князь Волконский писал Николаю: «Долгом почитаю Вашему императорскому величеству всеподданнейше донести, что слабость здоровья вдовствующей государыни императрицы Елисаветы Алексеевны вновь увеличивается. Сверх того, ее императорское величество чувствует в груди иногда сильное удушье, которое препятствует даже говорить...»

В Калуге Елизавета должна была встретиться с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, но до Калуги Елизавета доехать не смогла. Елизавета скончалась в Белеве в ночь с 3 на 4 мая 1826 года.

Словарь Брокгауза и Ефрона так подвел итог ее жизни: «Елизавета Алексеевна не оставила никакого завещания: она всегда говорила, что не привезла с собой в Россию ничего и потому ничем распоряжаться не может. После ее кончины узнали о многих раздававшихся ею негласных пенсиях и пособиях. Бриллианты ее, на 1 300 000 рублей ассигнациями, были куплены в кабинет, и сумма эта обращена на Патриотический институт и Дом трудолюбия (ныне Елизаветинский институт в Санкт-Петербурге), как заведения, ею основанные и пользовавшиеся особенной ее заботливостью. В Белеве в память ее учрежден вдовый дом, для призрения 24 человек из всех сословий».

Столь внезапные смерти обоих монархов, произошедшие, к тому же, вдалеке от столиц, породили массу легенд – говорили, что Александр Павлович под видом старца Федора Кузьмича еще долго жил в Сибири, а Елизавета под именем Веры Молчальницы постриг-

лась в монахини в Сырковом монастыре под Новгородом. Что это – любовь нашего народа к мистическим тайнам или проявление любви к императорской чете?

После смерти Елизаветы Николай сжег все ее бумаги, чтобы все тайны этой незаурядной женщины ушли вместе с ней...

**Мария Александровна
Герцогиня Эдинбургская
Букет герцогини**

Летом 1873 года Москву посетила великая княжна Мария Александровна, дочь императора Александра II. В честь высочайшего визита в Кремле был дан прием, на котором княжне представлялись выдающиеся жители города. Один из них, парфюмер Анри Брокар, преподнес Марии Александровне благоухающий букет цветов: в нем соединились ландыши, розы, фиалки, нарциссы и другие, которые не должны были бы цвести в это время. Приглядевшись, княжна заметила, что букет был искусно выполнен из раскрашенного воска — и каждый цветок был надушен соответствующим запахом. Так Анри Брокар стал поставщиком Двора ее императорского высочества, а Мария Александровна вошла в историю парфюмерии.

Эту историю вспоминают чаще всего, когда заводят речь о Марии Александровне – не императрице, ее матери, а о великой княжне, в будущем герцогине Эдинбургской. Она не прославилась ничем выдающимся: ни талантами, ни красотой, ни подвигами во имя веры или государства. Она просто была дочерью своего отца, женой своего мужа, заложницей политики и этикета, привычек и привязанностей. Она просто несла свою ношу и старалась сделать это со всем возможным достоинством, подобающим дочери императора.

Ее родителями были наследник престола великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II) и его супруга Мария Александровна, в девичестве Максимилиана Вильгельмина Мария Гессенская. Надо сказать, что наследник престола женился по большой любви, выдержав по этому поводу настоящую войну с родителями, которых не устраивало недостаточно благородное происхождение избранницы их сына: ни для кого не было секретом, что отцом принцессы, как и ее брата Александра, был камергер герцогини Гессенской барон фон Сенарклен де Граней, и что герцог признал детей лишь под давлением родственников неверной супруги. Однако Александр смог настоять на своем, и в апреле 1841 года обвенчался со своей любимой. Менее чем через год у них родилась дочь, названная в честь отца Александрой – но увы, девочка, которую все любили и ранними талантами которой восхищались, скончалась от менингита, не дожив двух месяцев до своего семилетия. Лишь через четыре года после этой потери, родив четверых сыновей, Мария Александровна произвела на свет вторую дочь. На этот раз девочку было решено назвать в честь матери и бабушки, супруги Павла Первого Марии Федоровны, Марией, а имя Александра больше никогда не будет даваться великим княжнам. Мария появилась на свет 17 октября 1853 года в Царском Селе и была, по обычаю, введенному еще Екатериной Второй, сразу после крещения пожалована орденом Святой Екатерины – говорят, что привычка обвязывать новорожденных девочек розовыми лентами пошла именно из этого обычая: по уставу, лента ордена была светло-красной.

У Александра Николаевича и Марии Александровны появились на свет еще двое сыновей – и Мария, единственная дочь в семье, была без сомнения любимицей родителей. По воспоминаниям современников, и мать, и особенно отец «души на чайли» в девочке, и она платила им искренней привязанностью. Точно так же относились к сестренке и братья – особенно младшие, Сергей и Павел. Но ближе всех с нею был отец: между Марией и императором сложились удивительно нежные, сердечные и доверительные отношения – такими они остались до самой смерти императора. Александр Николаевич писал: «Ее рождение стало нашей радостью и счастьем... Когда она занимается в классной комнате, наши расписания не совпадают, и мы можем играть только изредка, но по воскресеньям она вся моя и мы непременно гуляем вместе... Вчера, когда пришло время, я не мог не отправить ей телеграмму о том, как думаю о ней и о наших прогулках». В семье Марию любовно звали Уткой, Уточкой – за детскую переваливающуюся походку. Подобные прозвища были у каждого члена семьи: например, Александра Александровича звали Бульдожкой или Мопсом, его брата Владимира – Куксой, а Сергея – Сижиком или Гегой.

Императрица Мария Александровна Романова, супруга императора Александра II

К неопишуемому ужасу обоих родителей, Мария едва не повторила судьбу Александры: ей не было и семи лет, когда она тяжело заболела и несколько дней находилась на грани смерти. Баронесса фон Граней писала: «Бедная маленькая великая княжна болеет тяжелейшей ангиной; вчера ее жизнь была в опасности, но сегодня ей уже лучше... Признаюсь, я очень волновалась за нее – ведь ее сестре было почти столько же, когда она умерла, и я

не могу перестать думать об этом». Возможно, то, что маленькая Мария избежала смерти, которая не миновала когда-то Александру, еще больше укрепило родительскую любовь.

Если не считать болезни, детство великой княжны было безусловно счастливейшим из возможных: все ее любили и баловали, ей ни в чем не мог отказать сам император Всероссийский – один из могущественнейших людей того времени. К тому же она была мила, очаровательна и хороша собой, а ее серьезный и спокойный характер и рано проявившийся ум могли быть залогом того, что дары благосклонной судьбы, которыми она осыпала юную княжну, не будут растрачены понапрасну.

По обычаю тех времен, Мария получила домашнее образование: сначала ею занималась английская няня Китти, прозывавшаяся в России Екатериной Ивановной, а с 1858 года воспитательницей-гувернанткой великой княжны стала Анна Федоровна Тютчева, старшая дочь великого поэта, которая ранее была любимой фрейлиной императрицы Марии Александровны. Та не могла сделать лучшего выбора: Анна Федоровна, чьей матерью была графиня Ботмер, получила прекрасное образование в Мюнхенском королевском институте, обладала чувствительной душой, незаурядным умом и сильным характером и при этом оказалась великолепным педагогом. И Мария, и два ее младших брата, заботы о которых позднее тоже легли на плечи Тютчевой, души не чаяли в своей воспитательнице и под ее руководством в высшей степени развили как ум, так и душу.

Анна Федоровна искренне любила свою воспитанницу, но при этом любовь ее вовсе не была слепая: с редкой прозорливостью она и замечала ее недостатки, и предвидела проблемы, подстерегающие княжну в будущем. О Марии Тютчева писала: «К несчастью, великая княжна всегда одна и благодаря этому очень избалована, неуступчива и неохотно отдает свои игрушки. Я очень боюсь, как бы она не стала очень эгоистичной, эгоистичной вдвойне – в качестве великой княжны и избалованного ребенка; поэтому я с ней строже, чем была бы с другим ребенком, когда она не хочет делиться с другими своими игрушками или конфетками. Вообще девочка очень мила, мягка, послушна, пока она со мной одна. Недостатки ее проявляются в присутствии императрицы, безграничное обожание которой она инстинктивно чувствует, и с детьми, которые приходят к ней играть и которыми она хочет помыкать. Она очень любит заниматься, с большим интересом рассматривает картинки по естественной и по священной истории, запоминает все, что я рассказываю, и запоминает легко, так как у нее хорошая память. Она несколько пассивна, лишена живости воображения, предпочитает сидячие занятия и требует, чтобы ее занимали. Насколько я могу судить, в ее натуре нет самобытности, но она чрезвычайно способна к восприятию природы и будет тем, что из нее сделают. Ее нужно руководить мягко, но неуклонно, нельзя обращаться с нею резко, ни слишком много с ней рассуждать...»

Великая княжна Мария Александровна. Начало 1860-х гг.

Впервые с несчастьем великой княжне пришлось столкнуться в 1865 году, когда скончался ее старший брат, наследник престола Николай Александрович – всего через пол года после помолвки с любимой им датской принцессой Дагмар. Он умер в Ницце от менингита, когда-то унесшего его старшую сестру, на руках у невесты, в присутствии обезумевшей от горя матери. По воспоминаниям все той же Тютчевой, Мария, которой еще не было двенадцати лет, была единственной, кто сохранил мужество пред лицом смерти: едва Николай скончался, она сказала: «Хватит плакать. Наши слезы его не оживят». Марии пришлось утешать и мать, и Дагмар, и брата Александра – уже скоро он попросит руки Дагмар, и та, в память о Николае и из большой симпатии к Александру, примет его предложение: они станут одной из самых любящих и счастливых супружеских пар в истории российского императорского дома.

В 1866 году Анна Тютчева вышла замуж за поэта и публициста Ивана Сергеевича Аксакова и, покинув двор, уехала с мужем в Москву. На ее место пришла графиня Александра Андреевна Толстая – двоюродная тетка и близкий друг великого Льва Николаевича. Однако Анна Федоровна не прервала связи со своими учениками: они поддерживали переписку, нередко виделись. О своей службе при дворе и в частности о своих высокородных учениках Анна Тютчева оставила знаменитые воспоминания «При дворе двух императоров».

Великая княжна Мария Александровна с отцом – императором Александром II

Подростая великая княжна была, по словам современников, умной, очень образованной, начитанной девушкой с добрым сердцем и спокойным нравом. Она прекрасно играла на рояле, знала иностранные языки (французский, немецкий и английский), имела превосходные манеры и отличалась очаровательной внешностью и большим обаянием, позволявшим ей завоевывать сердца всех, кто встречал ее. Например, в 1867 году юная княжна покорила сердце писателя Сэмюэла Клеменса, уже успевшего прославиться под псевдонимом Марк Твен. Было это в крымской Ливадии, традиционном месте летнего отдыха императорской фамилии, куда мистер Клеменс прибыл на пароходе Quaker City как корреспондент газет Daily Alta California и New York Tribune, сопровождая группу паломников. В своей книге

«Простаки за границей» он описал свою встречу с великой княжной: «Ей четырнадцать лет, она светловолоса, голубоглаза, застенчива и миловидна... На императрице и великой княжне были простые фуляровые платья... в голубую крапинку и с голубой отделкой; на обеих – широкие голубые пояса, белые воротнички, скромные муслиновые бантики у горла; соломенные шляпы с низкими тульями, отделанные голубым бархатом, небольшие зонтики и телесного цвета перчатки. На великой княжне – туфли без каблуков... Я с удовольствием увидел, что волосы у нее свои, а не накладные, заплетены в тугие косы и уложены на затылке, а не падают беспорядочной гривой... Глядя на доброе лицо императора и на его дочь, чьи глаза излучали такую кротость, я подумал о том, какое огромное усилие над собою пришлось бы, верно, сделать царю, чтобы обречь какого-нибудь преступника на тяготы ссылки в ледяную Сибирь, если бы эта девочка вступилась за него. Всякий раз, когда их взгляды встречались, я все больше убеждался, что стоит ей, такой застенчивой и робкой, захотеть, и она может забрать над ним огромную власть... Она просто девочка, я видел таких сотни, но никогда еще ни одна из них не вызывала во мне такого жадного интереса».

Однако все прекрасно понимали, что великая княжна – вовсе не просто девочка; ее воспитание, ее здоровье, как и ее личная жизнь, имели большое значение, и устройство будущей семейной жизни великой княжны было делом огромной важности. Поначалу планировался союз Марии Александровны и баварского короля Людвига II: этого красивого и очень образованного юношу нашли, однако, слишком эксцентричным (много лет спустя Людвиг будет признан душевнобольным и отстранен от трона), и его кандидатуру отклонили. Начались поиски нового претендента на руку русской княжны – но в этот момент вмешалась сама судьба.

В сентябре 1868 года Александр с семьей гостили в Гейдельберге, куда в один прекрасный день нанесли визит брат российской императрицы герцог Гессенский Людвиг IV с супругой Алисой, дочерью королевы Виктории (через несколько лет у этой пары родится девочка, которой суждено будет под именем Александры Федоровны стать последней российской императрицей), а также ее брат Альфред Эдинбургский. Молодой англичанин и юная русская княжна понравились друг другу – однако поначалу их знакомство оставалось весьма поверхностным: по этикету, переписываться молодые люди того времени могли только после помолвки, до которой было еще далеко, а другого способа узнать друг друга, живя в разных странах, тогда не придумали.

Английский принц Альфред Эрнест Альберт был вторым сыном (и четвертым ребенком) королевы Виктории и ее супруга принца Альберта; в семье его звали Эффи. Он родился 6 августа 1844 года, к совершеннолетию получил титулы герцога Эдинбургского, графа Кентского и Ольстерского. Принц был, по отзывам графа Валуева, «лицом красив, невысок ростом, но с осанкою не без достоинства и изящества», а журналист Томас Эскот писал: «Трезвомыслящий, проникательный, благоразумный человек дела... Он не скуп, он просто умен...» Первоначально Альфред был вторым в очереди наследования британского трона, а в 1862 году даже избран на греческий престол, однако его родители и британский парламент отклонили это предложение – и Грецию получил датский принц Георг, чьи сестры, Александра и Дагмар, были замужем за наследниками, соответственно, Англии и России. Самого Альфреда всегда больше интересовала не политика, а море: в 1858 году он, получив прекрасное домашнее образование, поступил кадетом на флот, где с искренним увлечением служил всю оставшуюся жизнь. В 1873 году он был назначен главнокомандующим Вооруженными силами Великобритании в Средиземном море, а со временем дослужился до звания адмирала. Получив под свое командование фрегат «Галатея», Альфред участвовал в нескольких морских кампаниях, а с января 1867 по лето 1868 года даже совершил кругосветное путешествие, став первым английским принцем, посетившим Австралию, Новую

Зеландию, Индию и Гонконг: в его честь на острове Тристан-да-Кунья даже был переименован единственный город, и донине называющийся Эдинбургом Семи Морей.

Великая княжна Мария Александровна с отцом – императором Александром II – и братом Владимиром

Вернувшегося из путешествия Альфреда мать-королева намеревалась немедленно женить, однако весьма затруднялась с выбором будущей невестки: переборчивая Виктория одну за другой отвергала кандидатуры европейских принцесс, пока наконец свой выбор не сделал сам Альфред. В 1872 году он гостил у сестры в Дармштадте, столице Гессенского герцогства – и в то же время там была Мария Александровна. Молодые люди влюбились друг в друга – и уже скоро Альфред заявил матери, что женится только на русской княжне. Хотя этот брак был, без сомнения, выгоден обоим государствам, ранее не связанным прямыми родственными узами (косвенные были – например, как уже упоминалось, брат Альфреда принц Уэльский Альберт, будущий король Эдуард VII, и старший брат Марии Александр Александрович, будущий император Александр III, были женаты на родных сестрах, датских принцессах), нельзя сказать, что королева сразу одобрила его выбор: она с юности весьма предвзято относилась к русским – как говорят, в молодости королева Виктория на балу влюбилась в молодого великого князя Александра Николаевича, прибывшего в Англию с официальным визитом, однако тот не захотел поддаваться ее чарам. Альфреду пришлось выдержать не один тяжелый разговор с матерью, прежде чем она скрепя сердце согласилась с его выбором.

О своих намерениях Альфред разговаривал с отцом своей будущей невесты, и тот пообещал дать свое согласие – при двух условиях: если молодые выдержат год, дабы проверить свои чувства, и если сама Мария будет согласна. Император Александр, сам женатый по любви, не желал принуждать любимую дочь к браку с неугодным ей человеком. Через год возможная помолвка едва не расстроилась, так и не состоявшись: предполагалось, что императрица Мария и королева Виктория встретятся в Кельне, чтобы обсудить все вопросы относительно союза их детей, однако Виктория категорически отказалась ехать: как она объясняла, не подобает правящей королеве бросать свои дела и ехать на встречу со всего лишь супругой императора. Александр Николаевич был, мягко говоря, обижен таким отношением к жене, и лишь упорные труды дипломатов обеих стран смогли погасить конфликт. А в июле 1873 года Альфред и Мария снова встретились в гессенском замке Югендхайм – без сомнения, Гессен сыграл в их жизни важную роль: герцогиня Алиса очень гордилась тем, что именно под ее крылом родились и укрепились чувства молодых людей. Едва приехав в Югендхайм, Альфред немедленно сделал предложение Марии, и она его приняла. Королеве Виктории счастливый жених отправил телеграмму: «Мария и я обручились нынче утром. Не могу передать, как я счастлив. Надеюсь, ты благословляешь нас». Следом пришла телеграмма от российской императорской четы: «Мы вместе с Вами молим Бога благословить наших дорогих детей и представляем Вам свою дочь, которая целует Вам руку».

Надо сказать, что Виктория была недовольна и скоростью, с которой свершилась помолвка (скорее всего, она надеялась на то, что Альфред со временем передумает), и самой невестой: королева была уверена, что избалованная Мария не приживется при строгом английском дворе. Своей старшей дочери Виктория писала: «Я ничего не говорю, а просто молю Господа благословить обоих и ниспослать мир и спокойствие нашей семье. Это не то, чего я хотела, ты же знаешь – религия, политика, взгляды двора – и сама нация... Все это так отличается от нашего, и я предвижу множество сложностей. Но я приму Марию со всей любовью и расположением, и если она сможет изменить его тяжелый, эгоистичный, изменчивый характер, то станет истинным благословением для нашей семьи, и я первой признаю это – но пока я не могу радоваться...»

Согласно брачному договору, Мария Александровна могла остаться православной (для чего в одном из королевских дворцов предполагалось устроить церковь и выписать туда священника из России), но дети супругов должны воспитываться в англиканской вере – государственной религии Великобритании. После решения финансовых вопросов, обсуждения приданого и прочих не менее важных для государственного союза дел, свадьбу решили провести в Петербурге в январе 1874 года.

Конечно, бракосочетание единственной дочери императора и английского принца было событием, к которому было приковано внимание половины мира – от Германии до Японии, от Австралии до Канады. Торжества и предшествующие им церемонии были подробно описаны в прессе, как российской, так и в английской – ведь британскому народу надо было преподнести их будущую герцогиню в самом лучшем свете! Конечно, не обошлось без антироссийских выпадов: например, некий господин Каррингтон, когда-то преподававший в России, прямо перед свадьбой выпустил книгу *Behind the Scenes in Russia* («За кулисами в России»), где весьма нелестно отзывался о Российской империи. Впрочем, в основном англичане были настроены доброжелательно: критики разругали Каррингтона в пух и прах, газеты были полны хвалебных статей в адрес как страны, так и ее отдельных представителей, как-то связанных с Англией, в Лондоне поставили оперу Глинки «Жизнь за царя», а книгоиздатели предлагали читателям как никогда много переводов русских авторов.

Журнал «Гражданин» писал о приготовлениях к свадьбе: «Следуя обычаю русской семейной жизни, Царская Невеста несколько недель назад говела и удостоилась причащения Святых Таин; за два дня до 11 (24) числа Ее видели, вместе с Августейшим Ее Родителем, отправляющеюся в Петропавловскую крепость, молиться над дорогими Их сердцу могилами... За три дня до свадьбы выставлено было в залах Дворца приданое Великой Княжны. Трудно описать его в подробностях; говорят, что при составлении его руководствовались строго прежними придаными наших Великих Княжон. Особенное великолепие составляют шубы и, как слышно, то, что не было выставлено – бриллианты и серебро. Приданое выставленное заключалось в платьях, в готовых и не сделанных числом до семидесяти, в белье и шубах. Шуб было четыре; одна из них поразительно великолепна – из черного как смоль соболя. К числу замечательнейших драгоценностей приданного принадлежит одно ожерелье из сапфиров и одно из бриллиантов. Императорская Фамилия по обычаю делает подарок совокупно; на этот раз, как известно, подарок Ее заключается в великолепном серебряном столовом сервизе на сорок персон в русском стиле, заказанном в Москве у Овчинникова... Ящики, заключающие в себе приданое – из красной кожи, с бронзовою оправою; если не ошибаемся, их около 40. Ходят нелепые толки о каких-то громадных размерах денежного приданого. «Гражданин» передает, с речительством за верность слуха, что приданое это, на точном основании закона составляет 1 000 000 из казны и та сумма из уделов, которая приходилась на долю Великой Княжны, так что всего Августейшая Новобрачная будет получать 120 000 р. годового дохода с капиталов, остающихся в России, более половины которых принадлежит уделам. Всего, на английские деньги, Новобрачные будут, как слышно иметь до 65 000 фунтов стерлингов дохода».

Великая княжна Мария Александровна со своей гувернанткой Анной Федоровной Тютчевой

Двадцать третьего декабря 1873 года Альфред с братьями Альбертом и Артуром прибыл в Санкт-Петербург, а через две недели, 11 января, в Зимнем дворце состоялась свадьба. Как писал все тот же «Гражданин», «Августейшая Невеста произвела на всех глубокое впечатление своим чудным выражением благоговейного сосредоточения. На голове Ее был венок из цветов и бриллиантовая Великокняжеская корона; платье-сарафан было из серебряного глазета, на котором вытканы были серебряные букеты, шлейфом и сверх сего Великокняжеская мантия из пунцового бархата, подбитая горностаем, которую держали три камергера и шталмейстер». После православного венчания в домовый церкви молодые перешли в Александровскую залу, где были обвенчаны по обряду англиканской церкви: цветы и молитвенники для этой церемонии были присланы королевой Викторией. Как записал в дневнике статс-секретарь Петр Александрович Валуев, «Великая Княжна, несмотря на бремя бриллиантового венца, бархатной мантии и пр., выдержала оба обряда без изнеможения. В пять часов был обед на 700 кувертов и действительно обедало 690, тогда как до сих пор не случилось, чтобы обедавших за один раз бывало более 500». А английский посланник лорд Лофтус писал: «Ничего нельзя представить более великолепного, чем этот торжественный банкет. Блеск богатейших драгоценностей смешивался с блеском мундиров, золотых и серебряных блюд и роскошного северского фарфора. Во время всего обеда пели талантливые артисты итальянской оперы – Патти, Альбани и Николини, что придавало еще большее великолепие этой сцене несравненной красоты, которую трудно описать».

После парадного обеда молодожены уехали в Царское Село, где для них были приготовлены покои в Александровском дворце – традиционной резиденции наследника престола и его супруги, – а 16 февраля Мария Александровна и герцог Эдинбургский отбыли в Англию. Император провожал их до Гатчины: он никак не мог привыкнуть к мысли, что его обожаемая Мария больше не будет жить рядом с ним...

Через неделю молодожены причалили к английскому берегу в Грэвзенде, пересели на поезд и вечером прибыли в Лондон. Вдоль всей дороги их встречали восторженные подданные, наслышанные и о красоте русской княжны, и о том, что в брак молодые – редчайший случай – вступили по любви; выражению их радости не помешали ни февральский мороз, ни густой снег. Газета The Times писала: «В столкновениях между политическими и человеческими побуждениями, в Англии всегда одерживают победу человеческие. Многие из англичан, конечно, расположены обсуждать брак герцога Эдинбургского с точки зрения политической и в качестве события, которое может повлиять на наши международные сношения; но здравый смысл большинства нашего народа смотрит на дело проще и вернее... В Грэвзенде англичане просто радовались, что их принц-моряк нашел себе супругу по сердцу... Если при этом англичане и вспоминают об отдаленном отечестве своей новой герцогини, то вспоминают не с политической точки зрения, а просто потому, что дальность поездки, совершенной в зимнюю пору высокими новобрачными, придает ей несколько романтический оттенок».

Великая княжна Мария Александровна, с отцом императором Александром II, братом Алексеем и женихом Альфредом, герцогом Эдинбургским

На лондонском вокзале супругов встретила королева Виктория, которая обняла невестку, даже не дав ей сойти с подножки вагона. Однако хотя на людях королева искренне демонстрировала свою симпатию к молодой герцогине, в письмах к дочери она не преминула заметить, что поначалу она нашла Марию, одетую в белый капор, весьма привлекательной, однако потом, когда та сняла шляпку, ее красота куда-то делась. Королева нашла Марию недостаточно грациозной и недостаточно красивой, но в общем она, видимо, оказалась лучше, чем ожидала королева.

Мария не осталась в долгу. Ее фрейлина княгиня Вяземская писала в Россию: «Между нами, Мария считает, что Лондон ужасен, английская кухня отвратительна, то, что мы засиживаемся допоздна – крайне утомительно, визиты в Виндзор и Осборн донельзя скучны, но сами англичане не так нудны, как она ожидала».

Со временем выяснилось, что Марию не полюбили так же, как, например, Александру Уэльскую, девушку красивую, общительную и очень обаятельную. Но герцогиню Эдинбургскую очень уважали ее за образованность, вкус, выдержку, верность семейным ценностям, преданность мужу и достоинство. Например, журналист Томас Эскот писал о ней и ее супруге: «Герцог Эдинбургский не похож на обоих своих братьев, и популярен куда меньше, чем заслуживает. Его жене не удалось завоевать сердца англичан так же, как это сделала ее невестка... Когда Мария только прибыла в Англию, то стала жертвой стечения обстоятельств. У англичан был приступ нелюбви к России. Она чувствовала, что атмосфера вокруг недоброжелательна. Ее принимали с уважением, но без энтузиазма. Она в ответ платила отношением едва-едва теплым... те же, кто хорошо ее знает, давно научились ценить ее.... Она не была и никогда не будет популярной. Но она достойная принцесса».

Виктория оказалась права, ожидая трудностей для Марии: они начались немедленно – как и радости. Практически сразу после свадьбы герцогиня забеременела, что сильно ухудшило и ее внешность, и характер. Она искренне была убеждена, что ее права при английском дворе были жестоко ущемлены. Подумайте сами: она, единственная дочь императора,

прежде именовавшаяся Ее императорское высочество, должна ныне на придворных церемониях уступать место не только супруге принца Уэльского, дочери датского короля Александре, но и всем многочисленным сестрам мужа, и при этом именоваться, как и они, Королевским высочеством! Гордая русская княжна пыталась отстаивать свои права – и точно также королева Виктория, невероятно щепетильная в вопросах этикета своего двора, настаивала на том, что Мария, выйдя замуж, потеряла право на прежний титул. Даже Александра Уэльская была убеждена, что с Марией обращаются недостойно: «Мы были в большом кабинете, – писала она сестре, русской великой княгине Марии Федоровне, – где Мария стояла за Беатрисой. Там, где ей и положено по рангу, после всех этих сестер, замужних и даже незамужних! Я нахожу, что это... необыкновенно грубо по отношению к ней... Единственная дочь русского императора! Даже если в Англии такие законы, для нее должны были сделать исключение». Сейчас эти войны за титул или место в очереди принцесс могут показаться смешными, но тогда это был самый очевидный показатель статуса при дворе, и, конечно же, Мария Александровна имела полное право обижаться на свекровь. Впрочем, та давно уже не считала Марию «милой и очаровательной», как раньше, да и ее родные и придворные быстро решили, что герцогиня Эдинбургская слишком надменна, чересчур горда и вовсе не так красива, как они думали. К тому же, как говорят, дочери Виктории смертельно завидовали Марии, щеголявшей на балах в роскошнейших украшениях, подаренных ей отцом-императором – ни у одной из английских принцесс не было ничего подобного. Из всей своей новой семьи Мария подружилась лишь с младшим сыном Виктории, принцем Леопольдом – ее ровесник, принц был очень похож на Марию и по характеру: спокойный, начитанный, любитель музыки и искусств. К сожалению, Леопольд страдал гемофилией, причинявшей ему немалые страдания и ставшей в конце концов причиной его преждевременной кончины.

Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская, с мужем Альфредом и сыном Эффи-младшим

Окончательно все придворные недоразумения были разрешены, когда в мае в Англию приехал с визитом император Александр – он не мог долго находиться вдали от дочери, особенно когда та постоянно жаловалась на обиды, которые наносили ей ее новые родственники. В результате его переговоров с Викторией Марии был дан титул Ее королевского и императорского высочества. На обратном пути Альфред и Мария проводили его до столь милого их сердцам Югендхайма, где еще некоторое время провели вдвоем.

Их первый ребенок, сын, названный в честь отца Альфредом, родился в Букингемском дворце 15 октября 1874 года. Через год, 29 октября 1875 года, на свет появилась дочь, названная Мария Александра Виктория – в семье ее звали Мисси. Третья дочь Виктория Мелита,

или Даки, родилась 25 ноября 1876 года на острове Мальта, где тогда служил Альфред, – отсюда и второе имя принцессы: Мелита – одно из вариантов названий острова.

С началом русско-турецкой войны Мария, как и ее супруг, оказались между двух огней: с одной стороны, Мария, конечно же, поддерживала политику своего отца, с другой – Англия фактически имела право объявить войну России, так что страны находились в весьма, мягко говоря, натянутых отношениях. Обстановка вокруг герцогини была такой тяжелой, что у нее нередко сдавали нервы, а характер совсем испортился. Ее бывшая фрейлина Анна Тютчева, навестившая воспитанницу, оставила о той встрече весьма нелицеприятные воспоминания: «Она была в дурном настроении и холодно меня приняла. Ее скверное расположение духа, несомненно, вызвано политическими осложнениями, и она говорит о них как балованное дитя: "Эта политика надоела мне до смерти, она совершенно мне безразлична. Я ни на той стороне, ни на другой". Я заметила ей довольно сухо, что с ее уст срываются недостойные слова, выглядит так, будто интересы ее отца, братьев, мужа и детей ее не касаются и не волнуют, она может испытывать тревогу, беспокойство, но отнюдь не безразличие к нынешнему осложнению политической обстановки. Я не знаю никого, кто бы так, как великая княжна, боялся всего, что нарушает покой и безмятежность ее существования. Она никогда не признается самой себе в том, что может ее огорчить, и придумает тысячу уловок и оправданий, чтобы убедить себя в том, что нет повода для беспокойства и огорчений... Ее старание избегать страданий происходит, вероятно, от инстинкта самосохранения, который предупреждает, что она плохо может противостоять жизненным испытаниям». В этот тяжелый период Виктория, прекрасно понимавшая, в каком сложном положении оказалась Мария, разрешила ей съездить на родину – официально для того, чтобы повидаться с больной матерью. Обрато герцогиня возвращалась через Мальту, где служил ее муж. Как она писала родным, «Эффи был счастлив». В результате этого визита у супругов родилась еще она дочь, названная Александрой.

Эффи-младший

После окончания войны Мария много времени проводила в разъездах между Англией, Мальтой, где служил Альфред, и Россией. Ее мать, императрица Мария Александровна, была очень больна и в мае 1880 года скончалась. Герцогиня с трудом перенесла эту потерю; а вскоре ее ждал новый удар: не прошло и месяца, как император снова женился – на своей давней пассии княжне Екатерине Долгорукой. Мария почувствовала себя оскорбленной:

и хотя она по-прежнему переписывалась с отцом, путь в Россию, по ее мнению, для нее был закрыт. А всего через год сам император погиб от взрыва бомбы: то мужество и стойкость, с каким Мария встретила это известие, впечатлило даже королеву Викторию, всегда тяжело переживавшую смерть близких.

Восьмидесятые годы супруги прожили на Мальте: Альфред командовал Средиземноморской эскадрой, и Мальта – прекрасный маленький остров в самом центре Средиземного моря – были штабом его флота, и родным домом его семье. Здесь же родился и их последний ребенок – принцесса Беатриса. Альфред был назначен адмиралом флота, и надо признать, что он был достоин этого звания: он искренне любил море, всегда ответственно относился к своим обязанностям, заботился о подчиненных, и они платили ему такой же искренней привязанностью и уважением. Прославленный адмирал Перси Скотт писал об Альфреде: «В качестве верховного главнокомандующего герцог Эдинбургский, по моему скромному мнению, не имел себе равных. Он великолепно управлял флотом, и внес множество полезных улучшений». Когда в 1890 году Альфреду доверили командование военной базой Девонпорт под Плимутом, и он был вынужден перебраться в Девон, Мария очень переживала, расставаясь с островом, который успел стать ей родным.

В Девоне герцоги Эдинбургские пробыли недолго: уже в 1893 году в их жизни произошел новый поворот: скончался, не оставив потомства, герцог Саксен-Кобург-Готский, брат покойного принца-консорта Альберта, и по закону престол должен был отойти его наследнику мужского пола – то есть принцу Уэльскому. Принц, правда, как наследник Британии заранее отказался от этой чести, и герцогство перешло к Альфреду. Наконец-то сбылось прежнее желание Марии – как супруга правящего герцога она по праву получила в придворной иерархии место сразу за принцессой Уэльской.

Но Марии было уже не до этого: она с семьей перебралась в Кобург. Герцогство досталось Альфреду в весьма плачевном состоянии: предыдущий правитель растратил всю казну, влез в долги, к тому же совершенно запустил дела страны. Чтобы как-то исправить ситуацию, Альфреду пришлось продать даже свою прославленную коллекцию марок – он был известным филателистом и за десять лет до этого избран почетным директором Лондонского филателистического общества. Кроме финансовых проблем, герцогу и его супруге пришлось столкнуться и с предвзятым отношением к ним подданных, не желавших видеть на престоле герцога-англичанина (так же, как когда-то англичане воротили нос от принца Альберта, супруга Виктории и тоже герцога Кобург-Готского). Чтобы показать всю серьезность своего отношения к немецкому народу, Мария даже изменила систему воспитания детей: им были наняты немецкие гувернантки, одежду им заказывали у местных портных, на стол подавали блюда местной кухни. Со временем герцогской чете удалось наладить и хозяйство Кобурга, и отношения с подданными – искреннее расположение и забота о стране, которую проявляли Альфред и Мария, не могли не завоевать сердца кобургцев. Мария Александровна много сил отдавала благотворительности и развитию искусств: ее любовь к музыке, не угасавшая все годы замужества, наконец смогла проявиться в полной мере – герцогиня покровительствовала Вагнеру, поддерживала в герцогстве театр и оперу, занималась вопросами образования.

Дочери Марии Александровны: Мария Александра Виктория, Виктория Мелита, Александра и Беатриса

Вот только в семейной жизни все было далеко не так гладко, как казалось на первый взгляд: лишенный любимого моря, герцог нередко прикладывался к бутылке, к тому же оказалось, что за столько лет супруги так и не стали по-настоящему родными людьми. Дети выросли, у них начиналась своя жизнь – и далеко не всегда эта жизнь устраивала их родителей. Принцесса Мария влюбилась в собственного кузена, сына принца Уэльского Георга – и только категорический запрет Марии Александровны не дал молодым людям вступить в брак. Мария все еще помнила все обиды, нанесенные ей родными мужа – и решительно противилась любым отношениям своих детей и потомков Виктории. В конце концов принцесса Мария стала женой румынского принца Фердинанда – и хотя брак был несчастливый (Фердинанд открыто жил с танцовщицей Лои Фуллер), королева Мария Румынская пользовалась искренней любовью и уважением своих подданных.

Ее сестра Виктория-Мелита по настоянию бабушки Виктории вышла замуж за Эрнста Гессен-Дармштадтского: этот союз был еще более неудачен, ибо Эрнст отдавал предпочтение мужчинам. Через семь лет Виктория-Мелита, к ужасу всего европейского высшего общества, развелась с мужем и вышла замуж за великого князя Владимира Александровича, своего двоюродного брата: они полюбили друг друга еще в молодости, но тогда родные отговаривали молодых людей от свадьбы, мотивируя это тем, что православная церковь не одобряет столь близкородственные браки.

Александра вышла в 1896 году замуж за принца Гогенлоэ-Лангенбургского, у них родилось пятеро детей. Младшая, Беатриса, жила с родителями дольше всех – лишь в 1909 году она по взаимной страстной любви стала женой испанского инфанта Дона Альфонсо, герцога Галлиерийского – брак пришлось заключать в тайне, потому что Беатриса не была католического вероисповедания, как того требовали испанские законы. Молодые поселились в Кобурге, и лишь через три года их брак был официально признан, а им самим было разрешено вернуться в Испанию.

Что же касается сына Альфреда, Эффи-младшего, то его жизнь оказалась короткой и весьма трагической. Будучи офицером гвардии, он заразился сифилисом, позже у него обнаружили и туберкулез. По одной из легенд, в 1898 году он тайно женился в Потсдаме на дочери ирландского генерала Мейбл Фицджеральд, от которой имел дочь Ирэн, – впрочем, последние исследования утверждают, что Мейбл никогда не была знакома с принцем, а на момент их предполагаемой свадьбы ей было всего четырнадцать лет. Как бы то ни было, в феврале 1899 года – в разгар празднования серебряной свадьбы родителей – он, то ли поссорившись с матерью, то ли из-за осложнений сифилиса, выстрелил в себя. Хотя врачи настаи-

вали на том, что раненому необходим полный покой, Мария Александровна велела отослать его на лечение в Меран – где он и скончался 6 февраля, в обществе лишь одного слуги...

Это событие решительно подкосило и без того износившееся здоровье герцога Альфреда: в июле 1900 года он скончался от рака. После его смерти герцогство перешло к сыну принца Леопольда – Чарльзу Эдуарду, герцогу Олбани.

Вдовствующая герцогиня переехала в Розенау – маленький городок, где когда-то жил принц Альберт. Она проводила дни за чтением, ухаживала за садом, принимала посетителей, много путешествовала, навещая родных по всей Европе. С началом Первой мировой войны, когда между собой воевали три страны, одинаково родные ей, Мария Александровна будто потеряла почву под ногами: ее старый мир, где были важны титулы и положение в обществе, династические связи и знание этикета, рушился у нее на глазах. «Никогда не думала, что доживу, чтобы стать свидетелем войны между Англией, Россией и Германией, – писала она подруге. – Как это кончится, и когда?...» В сентябре 1917 года она, лишившись и российских доходов, и немецкой пенсии, поселилась в Швейцарии, где жила в режиме строгой экономии: лишь после обращения к английскому королю Георгу V – тому самому, которому она когда-то не позволила жениться на своей дочери Марии, – ей стали платить небольшое довольствие. Тяжелые болезни и общая угнетенность духа медленно убивали бывшую герцогиню. Она скончалась 24 октября 1920 года: как пишут историки, это случилось после того, как она получила телеграмму на имя фрау Кобург – без столь дорогих Марии титулов и обращений...

Ее похоронили рядом с мужем в Кобурге, в герцогской усыпальнице. Говорят, в могилу опустили и восковой букет – который, правда, уже давно не пах...

Голда Меир
Звезда Сиона

История знает примеры, когда женщины руководили государствами, и делали это лучше многих мужчин. Но за последние несколько веков лишь одна женщина — Голда Меир — была среди тех, кто создавал новое государство из небытия. Две тысячи лет евреи, рассеянные по всему свету, не имели своей страны — и в том, что сейчас у них есть Израиль, немалая заслуга Голды Меир.

Создание национального еврейского государства было ее самой яркой, самой заветной – и самой несбыточной мечтой. Но она шла к ней с упорством и верой, достойными поколений ее предков, и, не задумываясь, жертвовала собой во имя ее исполнения.

Но до этого момента ей пришлось пройти долгий путь, который никогда не был усыпан розами. Голделе Мабович родилась 3 мая 1898 года в Киеве, в семье верующих, хотя и не слишком ортодоксальных евреев Мойше Ицхока Мабовича и Блюмы Нейдич. Талантливый плотник Мойше, по словам дочери «стройный, с тонкими чертами лица, был по природе оптимистом и во что бы то ни стало хотел верить людям», своим мастерством получил право проживать в Киеве, находящемся вне черты оседлости, а своим обаянием завоевал сердце Блюмы: Голда вспоминала о ней как о «хорошенькой, энергичной, умной, далеко не такой простодушной и куда более предприимчивой, чем мой отец, но, как и он, она была прирожденная оптимистка, к тому же весьма общительная». Ее родители не хотели для своей любимой дочери такой партии, однако бабушка Голда, чье слово в семье было решающим, поддерживала влюбленных. У Мойше и Блюмы родилось пятеро детей – дочь Шейна и четыре сына, но из-за плохих условий сыновья умерли. Позже на свет появились еще две дочери – Голделе, которую называли в честь той самой прабабушки, что благословила ее родителей, и Ципке.

Жизнь Мабовичей была очень трудной: антисемитские настроения в Киеве были очень сильны, и Мойше, хотя и был хорошим мастером, не мог найти работу. По словам Голды Меир, «Я помню, слишком даже хорошо, до чего мы были бедны. Никогда у нас ничего не было вволю – ни еды, ни теплой одежды, ни дров». А самым первым ее воспоминанием, как она когда-то заявила папе римскому, было ожидание погрома: хотя в тот день погромщики так и не добрались до их дома, у Голды навсегда осталось в памяти то чувство беспомощности, которое она испытала в собственном доме. «Я помню, что все это происходит со мной потому, что я еврейка и оттого не такая, как другие дети во дворе. Много раз в жизни мне пришлось испытать те ощущения: страх, чувство, что все рушится, что я не такая, как другие. И – инстинктивная глубокая уверенность: если хочешь выжить, ты должен что-то предпринять сам».

В 1903 году Мойше, устав от постоянных долгов и страха, уехал в Америку – «золотую страну» грез всех бедняков по всему миру. Мабовичи решили, что он поедет в США один и как только устроится там, выпишет к себе семью. В ожидании этого счастливого дня Блюма с дочерьми переехала в Пинск, где жили ее родители.

Голди не ходила в школу, а читать и писать ее учила старшая сестра Шейна, во многом заменившая ей мать. «Шейна, – признавалась Голда Меир, – оказала самое большое влияние на мою жизнь.... Для меня же всегда и везде она была образцом, другом и настав-

ником». Шейна, сама еще подросток, стала активной участницей социалистического сионистского движения – она, как и ее товарищи, мечтала создать в Палестине еврейское государство. Собиравшиеся в комнате Шейны молодые люди так увлеченно говорили о будущей «земле обетованной», что и Голди тоже увлеклась этой идеей. Но уже тогда она поняла, что одних разговоров недостаточно: «Ничто в жизни никогда не происходит само собой. Недостаточно верить во что-нибудь, надо еще иметь запас жизненной силы, чтобы преодолевать препятствия, чтобы бороться». В ее представлении еврейское государство было единственным местом, где евреи могли спокойно жить, не опасаясь преследований и притеснений, и на осуществление мечты о стране, которая тогда казалась сказкой, она обещала положить всю свою жизнь.

Голди Мабович, Милуоки, 1914 г.

В 1906 году Блюма с дочерьми прибыли в США: они поселились в Милуоки, где отчаянная Блюма уже через две недели отрыла маленькую лавочку – не зная языка и не имея никакого опыта. Голди должна была помогать ей – расставлять товар, заворачивать покупки, стоять за прилавком, пока мать ходила на рынок. И при этом она успевала ходить в школу, где ей очень нравилось: стремление к знаниям было свойственно Голди с детства. Она быстро освоила английский язык, обзавелась подругами, мечтала стать учительницей и изменить мир. Для начала она организовала сбор средств для оплаты учебников неимущим школьникам: придуманное ею Американское Общество юных сестер, в котором состояли только Голди и ее подруга, даже умудрилось снять зал и провести там концерт. О девочках написали местные газеты – это был первый случай, когда деятельность Голди отметила пресса. Уже тогда подруги примечали, что в Голде было что-то, привлекающее к ней сердца: как писала ее школьная подруга Регина Гамбургер-Медзини, «Четверо из пяти мальчиков были влюблены в нее... Она была так трепетна и привлекательна».

Однако родители считали, что образование девочкам не нужно: «Не стоит быть слишком умной, – предупреждал ее отец. – Мужчины не любят умных девушек». Едва Голди исполнилось четырнадцать, мать подыскала ей жениха – тридцатилетнего страхового агента. Конечно, она не настаивала на немедленном венчании, но сама перспектива скорой свадьбы с практически незнакомым человеком так напугала Голди, что она тайком сбежала из родительского дома в Денвер, где уже несколько лет жила вышедшая замуж Шейна, чтобы там продолжать свое образование.

Голди на праздновании Хануки, Милуоки, 1919 г.

Как и в России, Шейна и ее муж устраивали в своем доме собрания сионистов, членов группы Poale Zion – «Рабочие Сиона». «Бесконечные разговоры о политике казались мне гораздо интереснее, чем все мои уроки... Еврейский национальный очаг, который сионисты хотели создать в Палестине, интересовал меня гораздо больше, чем политические события в самом Денвере и даже чем то, что тогда происходило в России», – вспоминала позже Голда Меир. Юная Голди не только посещала все собрания Poale Zion, но и работала во благо организации – выступала на митингах, обучала иммигрантов английскому, а местных – идиш. Хотя в члены Poale Zion принимали только с восемнадцати лет, Голди за особые заслуги приняла семнадцатилетней. На собраниях группы она познакомилась с обаятельным и образованным Моррисом Меерсоном, эмигрантом из Литвы: «Он, самоучка, знал такие вещи, о которых Шейна и ее друзья и представления не имели. Он любил, знал, понимал искусство – поэзию, живопись, музыку; он мог без устали растолковывать достоинство какого-нибудь сонета – или сонаты – такому заинтересованному и невежественному слушателю, как я». Неудивительно, что юная Голди влюбилась в него, но, поглощенная политикой, долго не могла ему признаться. Лишь накануне возвращения в Милуоки – тяжело заболела мать и семье требовалась ее помощь – она получила от Морриса предложение руки и сердца.

Вернувшись в родительский дом, Голди поступила в педагогический колледж. Вскоре Моррис приехал к ней: несмотря на противодействие семьи, они все же обвенчались 24 декабря 1917 года. Как вспоминают, одним из условий, на которых Голди соглашалась выйти замуж, было согласие Морриса уехать вместе с ней в Палестину. «Я знаю, что ты не так стремишься туда, как я, – сказала я ему, – но я прошу тебя поехать туда, со мной», – писала она. Голди мечтала жить в палестинском кибуце, уверенная, что только там она по-настоящему сможет послужить делу сионизма. На вопрос, что было бы, если бы Моррис не согласился последовать за ней, она через много лет призналась: «Я бы поехала одна, но с разбитым сердцем».

Еще с семидесятых годов девятнадцатого века евреи стали приезжать в Палестину в надежде основать там свое государство: землю для их поселений покупали на деньги, собранные еврейскими общинами по всему миру, причем нередко цены были невообразимо завышены, а доставалась им бесплодная пустыня или гнилые болота. Переселенцы основывали кибуцы – сельскохозяйственные коммуны, основанные на принципах коллективного владения имуществом, равенства в работе и потреблении и на отказе от наемного труда. Один из таких кибуцев – Мерхавию, расположенную в Израильской долине, – Голди выбрала для своего будущего проживания.

Однако сразу уехать не удалось: шла Первая мировая война, и передвижение пассажирского транспорта было ограничено. Вместо отъезда в Палестину Голди, спустя всего две недели после свадьбы, отправилась в путешествие по стране – из оставшихся двух лет, которые они с мужем прожили в США до отъезда, половину времени она провела в разъездах по партийным делам: Голди то распространяла подписку на газету, то выступала на митингах, то как делегат от Милуоки присутствовала на Американском еврейском конгрессе. «Причина такой моей популярности, – писала Голда Меир, – была, думаю, в том, что я была молода, одинаково свободно говорила по-английски и на идиш и готова была ехать куда угодно и выступать без особой предварительной подготовки».

Лишь в мае 1921 года на пароходе «Покахонтас» Голда с семьей – муж, сестра с детьми, подруги и еще две дюжины олим – то есть репатриантов – отплыли в Палестину. Плавание само по себе было тяжелым испытанием: вода была плохая, еда испорченной, корабль неотремонтированным, из-за чего команда постоянно бунтовала, а капитан незадолго до прибытия то ли покончил с собой, то ли был убит кем-то из команды. В середине июля, после нескольких пересадок, бывшие американцы добрались до Тель-Авива.

Голди и Моррис Меерсон, 1919 г

В то время Тель-Авив, основанный в 1909 году как еврейский пригород Яффы, был еще весьма небольшим городом: в нем даже не было своей тюрьмы; зато имелись театр, гимназия, небольшой отряд полиции и водокачка. Большинство прибывших было разочаровано – жара, мухи, отсутствие зелени и воды вовсе не были похожи на обещанную «землю обетованную». Лишь Голди была счастлива – ее мечта начала сбываться. Она даже официально сменила имя с Голделе на Голду, чтобы отметить начало своей новой жизни.

Меерсоны подали заявление в кибуц Мерхавии, однако поначалу им отказали: жители кибуца справедливо полагали, что изнеженные американцы не выдержат тяжелого труда, тем более что первое время в Тель-Авиве Голда зарабатывала тем, что преподавала английский язык – для кибуцников это было явным подтверждением того, что она избалована и сторонится работы. Кроме того, в кибуц не хотели принимать супружеские пары: условий для

детей там не было никаких. Но настойчивая Голда добилась того, что их приняли на испытательный срок: она собирала миндаль, ухаживала за птицей, работала на кухне и сажала деревья на окрестных скалах. Через несколько месяцев супругов Меерсон приняли в члены кибуца.

Голди на работе в кибуце Мерхавия

Пока Голда наслаждалась тем, что находится на земле своей мечты и трудится во славу будущего еврейского государства, Моррис проявлял все больше недовольства: ему казалось, что он интеллектуально деградирует, к тому же очень жесткие условия кибуцной жизни,

где невозможно было уединиться и даже выпить стакан воды в одиночку, были для него слишком тяжелыми. Голду выбрали в члены правления, а затем делегатом на съезд кибуцного движения, а Моррис даже отказывался заводить в кибуце детей. Наконец, через два с половиной года кибуцной жизни он заболел – причем так серьезно, что Меерсонам пришлось покинуть кибуц и переехать в Тель-Авив, а оттуда – в Иерусалим, где Голде предложили работу в комитете гражданского строительства. Именно там у Голды наконец появились дети: в 1923 году она родила сына Менахема, а через три года дочь Сару. Моррис был счастлив и надеялся, что Голда наконец утомится и займется детьми, но та никак не могла успокоиться: она даже пыталась вернуться с сыном в кибуц, но потом все же предпочла семью тому образу жизни, о котором так долго мечтала. Жизнь молодой семьи была как никогда тяжелой: «Несмотря на все надежды и добрые намерения, – писала Голда Меир, – четыре года, которые мы прожили в Иерусалиме, не только не обеспечили мне тихой пристани, которую, уверяла я себя, я готова была принять, а стали самыми несчастными годами моей жизни... Но не беспросветная бедность и даже не вечный страх, что дети останутся голодными, были причиной того, что я чувствовала себя несчастной. Главным тут было одиночество, непривычное чувство изоляции и вечное сознание, что я лишена как раз того, ради чего и приехала в Палестину». Голда боролась с нищетой, как могла: служила в комитете, держала прачечную, чтобы содержать семью, но этого было мало. В то время в Палестине в подобном положении находились многие: эмигрантов было гораздо больше, чем рабочих мест, и к тому же многие приезжали, не имея ни профессии, ни какого-нибудь образования. Чтобы помочь вновь прибывшим, были созданы различные комитеты – и в один из них, Женский трудовой совет, занимавшийся образованием и трудоустройством эмигранток, в 1928 году поступила на работу Голда, переехав для этого с детьми в Тель-Авив. Моррис остался в Иерусалиме. С одной стороны, это означало крах супружеской жизни Меерсонов: их брак и так трещал по швам, и теперь, поступив на работу на полный рабочий день, она признавала, что больше ничего не сможет сделать для его спасения. «Я горько жалею о том, – писала она в воспоминаниях, – что хотя мы с Моррисом и остались супругами и любили друг друга до самой его смерти в моем доме в 1951 году (символично то, что я в это время была в отъезде), мне все-таки не удалось сделать наш брак удачным. Мое решение в 1928 году означало, что мы расстанемся, хотя окончательно мы расстались только десять лет спустя». С другой стороны, именно работа в Женском трудовом совете стала самой, наверное, важной ступенькой лестницы, по которой Голда поднялась к вершинам своей жизни. Она участвовала в международных конференциях, много разъезжала по стране и постепенно стала одной из самых известных женщин палестинской еврейской общины. Ничего удивительного, что она не раз представляла еврейские женские организации на различных съездах и конгрессах, проходивших в США или Англии: надо отметить, что Голда никогда не была сторонницей феминизма, как его представляют теперь: «Я не поклонница того феминизма, – писала она, – который выражает себя в сожжении лифчиков, ненависти к мужчинам или кампаниях против материнства». Она лишь считала, что женщины достойны идти по жизни рядом с мужчинами, получить равные политические права и право на достойную их работу и заработок. Голда Меир оставалась любящей матерью, а позже – заботливой бабушкой обожаемых внуков. Ее всю жизнь мучила вина за то, что она так мало внимания уделяла детям, тратя время на политику. «Вечное внутреннее раздвоение, вечная спешка, вечное чувство невыполненного долга – сегодня по отношению к семье, завтра по отношению к работе – вот такое бремя ложится на плечи работающей матери, – писала она. – Я знаю, что мои дети, когда были маленькими, много страдали по моей вине».

И в то же время Голда всегда оставалась настоящей женщиной. По воспоминаниям биографов, у нее было всего два платья, но при этом она никогда не знала недостатка в поклонниках. Ее биограф Ральф Мартин писал о ней: «Она была замечательной, очень

хорошо выглядела, и всегда вокруг неё была некая атмосфера таинственности. Её глаза были полны волшебства». А Яков Цур, дипломат и переводчик, вспоминал: «Голда умела завоевывать сердца. Общавшиеся с нею люди быстро попадали под обаяние ее естественности и простоты, ее таланта ясно и понятно излагать свои позиции...» Во время работы в Женском трудовом совете она познакомилась с Залманом Шазаром – выходцем из Белоруссии, прекрасным оратором, видным политиком и будущим президентом Израиля. Он стал не только учителем и соратником, но и – на много лет – любовником Голды, хотя и был женат. Так же среди жертв обаяния Голды называют «отца государства Израиль» Давида Бен-Гуриона и главу американских сионистов Генри Ментора, политика, будущего министра образования Израиля Залмана Арана и председателя Еврейского национального совета Давида Ремеза. Ремез любил Голду всю жизнь и много сделал для ее продвижения. Он отзывался о Меир как об обладательнице «огромной личной магии», а та не раз признавалась, что «любила его очень сильно». Даже жена Ремеза преклонялась перед харизмой и обаянием Голды Меир. Как писал Мартин, ее любили, потому что «она была достаточно сильной, чтобы показать свою слабость». И хотя о ее бурной личной жизни ходило немало слухов, все признавали, что ее многочисленные романы – как реальные, так и вымышленные – были лишь проявлением ее щедрой и страстной натуры. Голда всегда была готова идти до конца – и в ненависти, и в любви.

Залман Шазар, 1951 г.

В 1934 году Голда стала членом Исполнительного комитета Гистадрута – еврейского профсоюза, ставшего со временем одной из влиятельнейших организаций Ишува, то есть еврейской общины Палестины. Голда занималась там социальными вопросами, и при этом сама она жила в условиях, которые могли привести в ужас любого: снимала комнатки без электричества и канализации, почти не имела личных вещей, питалась чем придется, а спала

на кушетке в своем кабинете. В июле 1938 года она была послана на Эвианскую конференцию как еврейский наблюдатель – там обсуждался вопрос о еврейских беженцах, спасавшихся от нацистских преследований. Один за другим представители разных стран выступали с сочувственными речами, заканчивавшимися одним и тем же: их государства не могут принять евреев. Некоторые соглашались – на двести, сто, семьдесят человек... Лишь Доминиканская республика обязалась принять сто тысяч евреев. Разочарованная Голда заявила журналистам: «Я надеюсь увидеть только одно до того, как я умру – что моему народу больше не понадобятся выражения сочувствия».

Англия, обладавшая мандатом ООН на Палестину и жестко контролировавшая приток эмигрантов на Ближний Восток, накануне Второй мировой войны практически полностью перекрыла эмигрантам доступ на Землю обетованную: согласно Белой книге – отчёту министра колоний Малькольма Макдональда британскому парламенту, – в Палестину допускались максимум 75 тысяч человек в год, и через пять лет поток эмигрантов должен был прекратиться полностью. Позиция Англии, не желавшей ссориться с арабскими государствами, которые категорически возражали против назревающего у них под боком еврейского государства, была понятна, но евреям от этого было не легче. Голда, как могла, боролась с такими жестокими условиями, обречшими на смерть миллионы евреев в Германии и оккупированных территориях: например, она посетила лагерь беженцев на Кипре и, ужаснувшись тамошним условиям, убедила власти пропустить в Израиль детей. Когда английские войска задержали корабль с пятью тысячами евреев из Северной Европы, она лично поднялась на борт и уговорила солдат пропустить судно. Как признавался после этого инцидента секретарь Британского военного совета Альберт Спенсер, «Голда была самой одаренной женщиной, которую я встречал. Подобно мистеру Черчиллю, она находила простое решение любой проблемы».

Хотя когда-то именно Англия дала старт массовой миграции евреев в Палестину, во время Второй мировой она, панически боявшаяся потерять арабскую нефть, чуть было не уничтожила идеи сионизма на корню. В июне 1946 года британские власти арестовали многих руководителей Ишува, и тогда Голда была назначена главой политического департамента Еврейского агентства, став, таким образом, главным посредником между евреями и Англией.

В 1946 году ООН проголосовала за раздел Палестины и создание государства Израиль. С этого момента, как пишут историки, евреи перестали бороться за независимость и начали бороться за выживание: недаром госсекретарь США Джеймс Форрестол заметил, что «45 миллионов арабов собираются сбросить 250 тысяч евреев прямо в океан». В первую же неделю после подписания резолюции были убиты сотни человек – как евреев, так и арабов. Голда чувствовала личную ответственность за происходящее: она спала по четыре часа в сутки, а остальное время работала на благо будущей страны. Когда журналисты ее спросили, как она смогла пережить это чудовищное напряжение, она ответила: «Мы просто хотели остаться в живых, а наши соседи хотели видеть нас мертвыми. Это не тот вопрос, по которому есть большие возможности для компромисса».

Давид Ремез, 1948 г.

Король Иордании Абдалла заявил, что арабы готовы пожертвовать пятой частью населения – десятью миллионами жизней – лишь бы уничтожить полмиллиона палестинских евреев. В ожидании нападения жившие в приграничных районах евреи попросили разрешения покинуть земли – или выделить им десять миллионов долларов на танки.

Голда пообещала дать им деньги – но где их взять? И тогда она отправилась в США, собирать средства на нужды еще не родившегося Израиля. В первую очередь обратилась к Элеоноре Рузвельт, своему кумиру, затем обошла всех, кого знала. Голда использовала всю свою силу, привлекательность и обаяние и совершила настоящее чудо: за три месяца она собрала пятьдесят миллионов долларов! Восхищенный Генри Мендор провозгласил ее «самой могущественной еврейской женщиной современности», а потрясенный Бен-Гурион, признанный глава Ишува, заявил: «Когда-нибудь, когда история будет написана, там обязательно будет упомянуто, что была такая еврейская женщина, которая достала деньги, сделавшие наше государство возможным».

Но Голда не успокоилась. Она решила лично встретиться с королем Абдаллой: на все предостережения она отвечала лишь: «Я готова пойти в ад, если это даст шанс спасти жизнь хотя бы одного еврейского солдата». Переодевшись в арабское платье, она нелегально перешла границу и чудом добралась до Аммана. Когда король не без иронии спросил ее, почему она с таким нетерпением борется за построение израильского государства, она ответила: «Мы ждали две тысячи лет – не думаю, что это можно счесть за большую спешку».

В своей автобиографии Голда Меир признавалась: «Это была величайшая наглость с моей стороны, но я знала, что мы должны победить».

Четырнадцатого мая 1948 года было провозглашено Государство Израиль: Декларацию независимости подписали двадцать четыре человека, из них только две женщины – Голда Меерсон и Рахель Коэн-Каган, глава Международной женской сионистской организации. Этот день Голда Меир всегда вспоминала с огромным волнением: «Глаза мои наполнились слезами, руки дрожали, – писала она в автобиографии. – Мы сделали еврейское государство реальностью, – и я, Голда Мабович-Меерсон, дожила до этого дня».

На следующий же день Израиль был атакован соединенными силами Египта, Сирии, Ливана, Иордании и Ирака: Голда еще раз ездила в США, чтобы собрать деньги на оружие, и в конце концов отчаянными усилиями к ноябрю арабские силы отступили. Когда у Голды спросили, как израильтяне смогли победить превосходивших их по всем статьям арабов, она ответила: «У нас было секретное оружие – отсутствие альтернативы».

Голда Меир беседует с Давидом Бен-Гурионом, 1962 г.

Голда Меерсон была назначена послом Израиля в Советском Союзе: она, прекрасно владевшая языками (в том числе и русским, хотя во время своей работы в СССР предпочитала это не афишировать), знавшая культуру и обладавшая немалым дипломатическим талантом, как никто другой подходила на эту должность. По легенде, ей выдали первый выпущенный новым государством заграничный паспорт. В СССР Голду встретили восторженно: «Женщина-посол была тогда в новинку, – вспоминала она, – но женщина-посол в Москве, да еще представлявшая крошечное воюющее государство – Израиль – это было новостью». Посольский корпус разместился в гостинице «Метрополь»: как вспоминали сотрудники посольства, они жили в режиме жесточайшей экономии – Голда сама закупала на рынке продукты, из которых готовила еду для всех на одолженном в гостинице примусе. Самым ярким воспоминанием от пребывания Голды на посту была, безусловно, восторженная встреча, которую огромная толпа русских евреев устроила ей во время посещения московской синагоги. Это событие было запечатлено на израильских банкнотах номиналом в 10 тысяч (или десять новых) шекелей образца 1984 года.

В Москве Голда прослужила всего несколько месяцев: в апреле 1949 года ее отозвали в Израиль, где назначили на пост министра труда и социального страхования в кабинете Давида Бен-Гуриона, ставшего премьер-министром, – на этой должности Голда прослужила семь лет. В 1955 году она по распоряжению Бен-Гуриона была назначена мэром Тель-Авива, а через год получила портфель министра иностранных дел и в этом качестве представляла Израиль в Организации Объединенных Наций. При этом, как вспоминают, некоторые депутаты Кнессета отказали ей в своей поддержке на том основании, что она – женщина. И это при том, что уже давно по Израилю ходила шутка, в которой Голду называли «единственным мужчиной в правительстве». Сама она неодобрительно относилась к этой остроте, хотя та ей и льстила: «А если бы про одного из членов правительства сказали, что он – единственная женщина в его составе, как бы вы посмотрели на это?»

Предшественник Голды на посту министра иностранных дел Моше Шарет попросил всех членов дипломатического корпуса ивритизировать свои имена: Голда взяла фамилию Меир – что на иврите означает «озаряющая».

По свидетельству ее сотрудников, в работе с иностранными лидерами Голде Меир с помощью личного обаяния и убежденности в собственной правоте удавалось привлечь на свою сторону даже закоренелых противников сионизма. В пятидесятых-шестидесятых годах Голда Меир много ездила по африканским странам: она считала негров естественными союзниками Израиля, поскольку евреев, как и чернокожих, притесняли по всему миру. В Израиле была налажена программа МАШАВ, призванная помогать африканским странам налаживать образование и здравоохранение, а также бороться с голодом.

В конце 1965 года Голда Меир почувствовала, что ее здоровье больше не позволяет ей работать, как прежде – у нее обнаружили лимфому, стало сдавать сердце, и она подала в отставку. «Лучше быть полностью бабушкой, чем полуминистром», – заявила она. Хотя полностью из политики не ушла: Голда Меир продолжала оставаться депутатом Кнессета и даже занимала пост генерального секретаря партии МАПАЙ – с этого поста она по состоянию здоровья ушла в июле 1969 года.

Однако пенсия ее была недолгой. В феврале 1969 года внезапно скончался премьер-министр Израиля Леви Эшколь, и Голду Меир единодушно избрали следующим главой правительства. Сама Голда не ожидала такой чести: «Я была ошеломлена. Я никогда не рассчитывала стать премьер-министром... Я вообще никогда ни на что не рассчитывала, – вспоминала она. – Я не выбирала карьеру. Я не выбирала профессию. Просто так получилось». В своей официальной речи она, в частности, сказала: «наша судьба не может быть и не будет определена другими». Хотя многие ортодоксально настроенные евреи возражали против того, чтобы государством управляла женщина: «Трудно для людей, чьи религиозные убеждения отводят женщине почетное место в доме, – писала израильская пресса, – принять идею, что женщина может находиться во главе политического департамента. При всем хорошем отношении и уважении к женщине, ей не место наверху в качестве одной из центральных политических фигур».

Но лучшего выбора нельзя было сделать: Голда Меир стала настоящей матерью своему народу, любящей, заботливой и строгой, не знающей ни отдыха, ни усталости. По воспоминаниям, она «в семьдесят работала долгими часами, как никогда ранее, и больше путешествовала». Будучи уже в преклонном возрасте, больная, она работала на износ, не покидая офис сутками. Голда Меир умела быть справедливой, понимающей и даже не по-женски жесткой, когда дело касалось судьбы ее страны. Критикам, обвиняющим ее в том, что она представляет Израиль слишком агрессивным государством, она отвечала: «Я верю, что у нас будет мир с соседями, но я уверена, что никто не захочет заключить мир со слабым Израилем. Если Израиль не будет силен, мира не будет». В другой речи она сказала: «Если у нас есть выбор между тем, чтобы погибнуть, вызвав всеобщее сочувствие, или выжить с плохим имиджем, то лучше уж мы останемся живы, имея плохой имидж».

В то время Израиль жил в условиях постоянной арабской угрозы. На Олимпиаде в Мюнхене 1972 года арабские террористы из организации «Черный сентябрь» захватили израильскую команду – хотя Голда Меир предлагала прислать свой спецназ, натренированный в подобных ситуациях, Германия решила обойтись своими силами, и в результате все израильские атлеты погибли. Меир отдала приказ МОССАД начать охоту на выживших тер-

рористов – и в результате операции «Гнев Божий», длившейся почти двадцать лет, все организаторы операции были уничтожены.

Пятого октября 1973 года, накануне праздника Йом Кипур – Дня Примирения – Голде показалось, что скоро начнется война. Усилившаяся активность на границах и возросший поток беженцев напоминали ей о начале Шестидневной войны 1967 года. Голда высказала свои подозрения, однако ее советники заверили ее, что по данным разведки Израилю ничто не угрожает. Позже она сетовала: «В то утро я должна была послушаться собственного сердца и объявить мобилизацию. Вот о чем я никогда не смогу забыть и никакие утешения, никакие рассуждения моих коллег тут не помогут». В праздничный день, когда большинство политиков разъехались, объединенные силы Египта и Сирии напали на Израиль, и поначалу, благодаря использованию советских ракетных установок, сильно продвинулись вглубь израильской территории. Когда над Израилем нависла угроза полного разгрома, она позвонила Генри Киссинджеру, госсекретарю США: в Америке была полночь, и ее поначалу отказались соединять с политиком. «Меня не заботит, который теперь час. Нам нужна помощь сегодня, потому что завтра может быть слишком поздно», – заявила она. Помощь американских ВВС спасла положение; арабов удалось оттеснить, а через две недели израильские войска уже находились на расстоянии 35 километров от Дамаска и 101 километра от Каира. Война Судного дня закончилась 11 ноября, но ее последствия продолжали ощущаться еще долго. Народ требовал отставки правительства, которое не заметило готовящейся войны; главнокомандующий Моше Даян дважды пытался уйти в отставку, и оба раза Голда Меир отказывала ему, обвиняя во всем случившемся только себя, – если бы в тот день она настояла на своем, гибели двух с половиной тысяч израильских солдат можно было бы избежать...

Хотя комиссия Аграната, расследовавшая обстоятельства войны Судного дня, полностью сняла все возможные обвинения с Голды Меир – наоборот, ее усилия были названы «мудрыми, оперативными, полными здравого смысла и самыми важными», – сама она продолжала считать себя виноватой. Она ушла в отставку 11 апреля 1974 года. «Пяти лет было достаточно, – заявила она на прощание. – Мне больше не под силу нести это бремя». Ее преемником стал Ицхак Рабин.

Последние годы Голды Меир прошли тихо и спокойно. Она, как и раньше, заботилась о детях и внуках – вспоминали, что она находила время навестить живущую в кибуце дочь даже во время войны Судного дня, – собирая родственников на кузне своего скромного дома. До последних дней она курила по две пачки в день, выпивала по два десятка чашек крепкого кофе и по-прежнему интересовалась политикой. В 1975 году она опубликовала свою автобиографию «Моя жизнь», где откровенно и без прикрас поведала историю своей жизни, отданной на благо Израиля.

Голда Меир скончалась в Тель-Авиве 8 декабря 1978 года. Она похоронена на горе Герцля в Иерусалиме. До сих пор ее благодарные сограждане называют ее совестью еврейского народа и матерью Израиля.

Эвита Перон
Святая грешница

В этот день, 26 июля 1952 года, Аргентина замерла. Все радиопередачи и спектакли были прерваны, во всех кафе воцарилась тишина. «Духовный лидер нации, первая леди Аргентины Эва Перон ушла в бессмертие», — объявил стране захлебывающийся слезами диктор, и вслед за ним разрыдалась вся страна. Аргентина оплакивала не просто женщину — она оплакивала свое счастливое будущее, которое теперь не наступит; она оплакивала счастье, которого теперь не будет, и надежду, которую отныне никому будет дать. И все это — счастье и надежда нации, будущее всей страны, — все это воплощалось в хрупкой женщине, чье нежное имя с благоговением произносили по всей Аргентине: Эвита, Эва Перон, Возглавляющая Смиренных, Несущая Надежду, Мать Нации...

Короткая жизнь самой известной латиноамериканки в истории была полна чудес и превращений. Родившись на самом дне, она сумела вознестись к сверкающим вершинам истории, превратившись из нищей девчонки в символ своей страны. Мало кому из людей двадцатого века удалось вызвать к себе такую любовь — слепую, страстную, граничащую с обожествлением, и в то же время такую безоглядную ненависть. О судьбе Эвы Перон, о ее роли в истории своей страны спорят уже полвека, но еще никому не удалось раскрыть загадку притягательности этой необыкновенной женщины, давно уже ставшей историей, легендой, мифом...

Ее собственная история началась 7 мая 1919 года в небольшой скотоводческой деревушке Лос-Толдос, что в 300 километрах от Буэнос-Айреса. Эва-Мария была пятым ребенком Хуаны Ибаргурен — и как ее три сестры и брат, да и сама мать, незаконнорожденной. Отец всех детей сеньоры Ибаргурен, Хуан Дуарте, владелец небольшой фермы, был уже двадцать лет женат на другой, имел в за конном браке трех дочерей и за девять лет житья «на две семьи» — полгода там, полгода здесь, — весьма устал и от Хуаны, и от обилия детей. Младшую дочь, Эву-Марию, он так и не признал. Хуана — да и соседи, суеверные, как и все крестьяне, — восприняли это как дурной знак: девочка в их глазах была с рождения обделена счастьем. Она росла слабенькой и хрупкой, а в ее глазах были тоска и грусть. Когда ей было четыре года, Эва опрокинула на себя сковороду кипящего масла. Доктора предвещали, что на лице и теле девочки на всю жизнь останутся шрамы, но когда сняли повязки, вместо рубцов там оказалась чистая, белая, полупрозрачная кожа. Через много лет эта алебастровая белизна станет главным украшением Эвы.

В 1926 году Хуан Дуарте разбился в автомобильной аварии. Семье Ибаргурен пришлось перебраться из Лос-Толдоса в городок Хунин, где была возможность заработать, и где о них никто ничего не знал. Сеньора Хуана, назвавшаяся вдовой Дуарте, открыла здесь пансион, главным украшением которого были ее подрастающие дочери — Бланка, Элиса и Эрминда. Вскоре все они удачно вышли замуж, а их брат Хуан Рамон поступил на воен-

ную службу. Лишь Эва не желала хорошо устраиваться – она уже давно мечтала сбежать из нищего Хунина в Буэнос-Айрес и стать актрисой. Основания для помыслов об актерской карьере у нее были шаткими: всего пара выступлений на местном радио с чтением стихов, но Эва была уверена в своих силах. Когда ей было пятнадцать лет, она, уговорив наконец мать отпустить ее, уехала в столицу вместе с заезжей знаменитостью, певцом Магальди. Говорят, Эва не любила его, но она без сомнения любила в нем те возможности, которые сулил ей переезд в Буэнос-Айрес.

Эва-Мария (на коленях слева) после первого причастия в кругу друзей и знакомых

Знавшие Эву в то время вспоминают ее как бледную, холодную, неяркую девушку, без обаяния и особой красоты, но с очень сильным характером, целеустремленную, хваткую и несгибаемую. Через несколько лет, когда Эва Перон обрела власть даже над прошлым, она всеми силами старалась стереть его – и ей это почти удалось: о ее первых годах в Буэнос-Айресе осталось очень мало свидетельств, а легенды и слухи слишком противоречивы, чтобы оказаться правдой хотя бы частично. Точно известно лишь одно: в первые годы ей пришлось очень трудно – никто не стремился дать Эве работу, кров и славу.

Для незаконнорожденной девушки из деревни в то время было лишь три пути: либо в монастырь, либо выйти замуж, либо рожать детей вне брака, но обязательно много и тяжело работать. Эва прибыла в столицу без гроша за душой, с чудовищным провинциальным акцентом и крестьянскими манерами, у нее была всего одна юбка и одна блузка – то, что она не умерла от голода в первый же год, казалось чудом даже ей самой. Потом говорили, что ей пришлось зарабатывать на панели, но доказать это не смогли даже самые ярые ее враги. Больше года она напрасно обивала пороги театров и радиостудий, пыталась работать официанткой и манекенщицей, даже снималась для эротических открыток. Увы, на них она получилась скорее унылой, чем соблазнительной – будущая красота Эвиты еще не пробудилась в ней. На сцене ей тоже не везло: талант у нее был весьма небольшой, к тому же

неистребимый акцент мешал ей получить более-менее заметные роли. Но Эва изо всех сил хотела пробиться наверх, и ради этого была готова на все.

Эву тех лет никто не называл красавицей, но она не была лишена женской прелести, которая помогла ей обрести поклонников и покровителей. С помощью одного из них Эва устроилась в театр «Комедия», где юной дебютантке доставались роли из трех слов. Другой любовник, работающий в издательском бизнесе, пробил Эве фотографию на обложке журнала «Антенна» и организовал работу на радио: небольшие роли в четырех радиопостановках принесли ей первую известность. Брат познакомил ее с владельцем мыловаренной фабрики – тот обеспечил Эве рекламный контракт и оплатил сольную программу на радио. Несколько второстепенных ролей в кино, работа на радио и богатые любовники – вот тот фундамент, на котором через несколько лет возникла сияющая фигура Эвиты.

1943 год был переломным и для Эвиты, и для страны. Для нее – потому что очередной покровитель бросил ее беременной, и врач, проводивший подпольный аборт, так ее искромсал, что она едва не погибла. Пока она приходила в себя, все ее контракты закончились, и из больницы она вышла безработная, нищая и больная. А для страны этот год был переломным, потому что в июле произошел военный переворот. Идеологом и душой заговора был полковник Хуан Доминго Перон, занявший поначалу в новом правительстве пост главы Секретариата труда. Переворот изменил страну – но он спас Эву: в нее влюбился полковник Анибал Франсиско Имберт, новый директор почты и телеграфа. В его подчинении находились все радиостанции Аргентины – так что неудивительно, что уже в сентябре Эве достался контракт на исполнение главных ролей в радиопостановке «Героини в истории». Это был цикл передач об известнейших женщинах: королеве Елизавете, Жозефине, Екатерине II, леди Гамильтон, Саре Бернар и других, которые отныне заговорили на всю Аргентину хрипловатым голосом Эвы Дуарте. Поначалу слушать эти передачи было тяжеловато – простонародный выговор Эвы совершенно не сочетался с высоким стилем реплик ее героинь, но постепенно она выправляла свое произношение. К концу цикла она была уже признанной звездой аргентинского радио, и владелец «Радио Бельграно» Хаим Янкелевич пригласил ее вести ежедневную передачу на социальные темы «Пять минут для народа».

Эва Дуарте, 1939 г

Эта программа была посвящена будням простого народа, восхвалению бедняков и ненависти к богатым. Эва знала, о чем говорить: она прекрасно помнила все унижения, все лишения и трудности, которые ей пришлось пережить, и не собиралась их забывать. Во время эфира она рассказывала о несчастьях бедняков, и ее голос срывался в рыдания. Миллионы людей, слушавших «Пять минут для народа», верили Эве Дуарте и любили ее. Так началась ее всенародная известность.

Почувствовав вкус славы, Эва поняла, что она достойна большего, чем пять минут в день на радио и начальник радиостанций по ночам. Она решила завоевать сердце самого знаменитого человека Аргентины – самого полковника Перона.

Перону тогда было сорок семь лет, он уже пять лет как овдовел. Хуан Перон сделал блестящую карьеру: бывший выпускник пехотного училища, начавший службу в захолустном гарнизоне, он благодаря участию в перевороте 1930 года смог пробиться к вершинам власти. Преподаватель высшей военной школы, военный атташе в Чили, посланнике особой миссией в Европе, где полковник проникся идеями Муссолини и Гитлера, – эти этапы его карьеры позволили ему не только получить бесценный для Аргентины опыт международных интриг, но и выработать собственный план развития своей страны: военный нейтралитет, экономическая независимость, развитие промышленности. Аргентина должна была стать главенствующей страной на континенте, и ради этого Перон был готов трудиться день и ночь. Созданная им «полковничья лига» – Группа объединенных офицеров (ГОУ) – свергла в 1943 году президента Кастильо и привела к власти военных. Перон получил сначала пост в Секретариате труда, затем портфель военного министра, а потом и должность вице-президента. Вся страна знала, что именно он правит Аргентиной: изображения статного брюнета в голубой полковничьей форме висели на всех столбах.

Историческая встреча Эвы Дуарте и Хуана Перона произошла 22 января 1944 года на благотворительном вечере. По легенде, Эва подошла к Перону и произнесла всего лишь одну фразу: «Спасибо, полковник, за то, что вы существуете». В ту же ночь они стали любовниками и больше не расставались.

Поначалу это была самая обычная история политика и содержанки: Перон пробил Эве главную роль в кино и должность в Секретариате труда, под его влиянием ее пятиминутку на радио продлили до пятнадцати минут, а гонорар увеличили в несколько раз. Но с немалым удивлением Эва обнаружила, что чувствует к Перону не только благодарность, не только уважение, но и огромную любовь. Перон оказался тем мужчиной, о котором она всю жизнь мечтала: мудрым, сильным, обладающим властью, способным защитить и возвысить. И Эва сделала все, чтобы остаться рядом с ним навсегда. «Я так тебе предана, любовь моя, что если бы Бог пожелал лишить меня этого счастья и забрал меня к себе, я и в смерти осталась бы тебе предана и обожала бы тебя с небес», – писала она ему, и это не были пустые слова.

Полковник Хуан-Доминго Перон

Она прекрасно знала, что окружение Перона – военные, политики, банкиры – не одобряют ее. Для них она была выскочкой без роду и племени, актрисушкой, случайной любовницей. Их надо было переубедить, а для этого надо было измениться – и Эва изменилась.

Его любовь дала ей уверенность в себе, а эта уверенность позволила ей раскрыться, всего за пару месяцев превратившись из бледной куколочки в прекрасную бабочку, полную

внутренней красоты, очарования и силы. Сначала она стала полезной Перону, со временем она стала ему необходимой. Эва организовала для его сторонников и друзей салон, в котором умело играла роль хозяйки. Она вошла в курс всех его дел, интриг, планов, и нередко ее советы были дельными, а поддержка неоценимой. Она – неслыханное для патриархальной Аргентины дело, – появлялась под руку с Пероном на митингах и профсоюзных собраниях. Свою передачу на радио она использовала для того, чтобы петь гимны Перону и его политике, привлекая на его сторону тысячи сторонников. «Мои постоянные идеалы – это Перон и мой народ, я поднимаю свое знамя за дело Перона», – повторяла она, и вместе с Эвитой эти слова повторяли тысячи аргентинцев. Но ключевым моментом в их отношениях был октябрь 1945 года, когда очередной военный переворот привел к аресту Перона. Конечно, Эву тут же уволили с работы, а возмущенные студенты, узнав в ней подругу бывшего вице-президента, закидали ее машину камнями. Ей было страшно как никогда. И тут она получила письмо от Перона: «Только сейчас я понял, как люблю тебя. Как только я окажусь на свободе, мы поженимся».

Эва бросилась к профсоюзным лидерам, которых опекал Перон, к рабочим, которые его поддерживали. На импровизированном митинге она, срывая голос, кричала в микрофон о том, что Перон арестован, что вместе с ним арестовано будущее страны... Беспорядки в Буэнос-Айресе продолжались двое суток, лидеры переворота сдались, 17 октября Перон был отпущен.

Как он и обещал, на следующий день Эва Дуарте и Хуан Перон вступили в гражданский брак, подтвержденный церковной церемонией 10 декабря.

Сразу после освобождения полковник Перон выдвинул свою кандидатуру на пост президента. Во время предвыборной кампании Эва все время была рядом с ним: на митингах сначала Перон говорил о своей политике, а затем Эва рассказывала о своей любви к Перону. Перонисты делали ставку на бедняков-«безрубашечников», которых в Аргентине было подавляющее большинство: полковник обещал им социальное обеспечение, пособия и права, а Эва – свою любовь и заботу. Все знали, что она – незаконнорожденная дочь посудомойки и скотовода, народ считал ее своей, и ее возвышение наглядно показывало, как высоко может подняться любой бедняк. Еще не став Первой леди, Эвита стала самым любимым в народе политиком – идеальная жена и гражданка, хранительница национального духа и семейных ценностей. Никогда раньше латиноамериканка не играла такой заметной роли в обществе, никогда раньше она не осмеливалась выходить из тени мужа, но Эвита превратила эту тень в сияющий ореол. Они с Пероном воплощали собой идеальную пару, связанную любовью к стране и друг к другу. Аргентинцы с восхищением рассказывали, что полковник всегда встает, когда его жена входит или выходит, целует ей руку при встрече и всегда прислушивается к ее мнению. Когда Перон в феврале 1946 года выиграл президентские выборы, на самом деле их выиграли оба – Перон и Эвита.

Как политик Эвита всегда находилась в тени своего мужа, но это не мешало ей стать самостоятельной фигурой. Как писал один из ее соратников, «Эвита не имела ни политического опыта, ни предрассудков, поэтому она явилась новатором при проведении массовых кампаний». А один из более поздних историков пишет о ней: «У нее не было культуры, но была политическая интуиция: она была неистовой, властолюбивой и эффектной».

Эва и полковник Перон, февраль 1946 г.

Эва Перон на митинге

Став президентом, Перон уже не мог проводить в поездках и выступлениях столько же времени, как раньше. Связь с народом стала осуществлять Эвита. Ее образ жизни выдержал бы не всякий мужчина: она вставала в три утра, чтобы отдать первые распоряжения, а в пять уже требовала отчета об их выполнении, постоянно разъезжала по стране, лично принимала сотни, а потом и тысячи просителей. Забота о бедняках, к числу которых еще недавно принадлежала она сама, стала главной для Эвиты. Благодаря ее влиянию были приняты несколько законов, облегчающих жизнь рабочих, а после ее личного обращения к парламенту женщинам Аргентины дали избирательное право. Чтобы иметь возможность помочь как можно большему числу людей, в 1946 году Эвита организует благотворительный фонд своего имени: туда стекались отчисления от зарплат, проценты от прибыли, добровольные пожертвования и доходы от торговли, и лично Эвита распределяла деньги, как считала нужным. В ее канцелярию в здании Всеобщей конфедерации труда поступали сотни тысяч просьб со всей страны: у Эвиты просили игрушки, пособия, швейные машины, свадебные платья, вставные зубы, мебель, квартиры, поездки и женихов. И все это Эвита давала: по статистическим данным, она раздала две с половиной тысячи домов и квартир, три с половиной тысячи стипендий, семь тысяч восемьсот раз стала крестной матерью и около шести тысяч раз была посаженной матерью на свадьбах. На средства фонда она открывала больницы, детские сады, приюты и библиотеки. Ежегодно рассылала больше миллиона посылок с подарками – неудивительно, что простой народ буквально молился на нее: алтари с портретом Эвиты были почти во всех бедных домах Аргентины. Народ дал ей титулы «Возглав-

ляющей Смиренных», «Несущей Надежду», «Духовной Руководительницы Нации», «Мученицы Труда».

Но в богатых кварталах Буэнос-Айреса отношение к Мадам Президентше было совсем другое. Выскочка, заискивающая перед бедняками, по определению не могла нравиться аристократам, но Эвита к тому же словно специально искала случая «наступить им на хвост»:

ее фонд прибирал к рукам газеты и радиостанции, которые не соглашались с перонистской идеологией, фабрики и заводы, чьи владельцы слишком мало, на взгляд Эвиты, отчисляли в ее фонд. Шептались, что она закрыла все театры, которые когда-то не брали ее на работу, уволила всех, кто осмеливался спорить с нею, что деньги фонда тратятся на ее туалеты и драгоценности... Это тоже была правда, и она никогда этого не отрицала. Считая себя матерью аргентинского народа, Эвита взяла на себя ответственность за все, что происходило в стране – от неудавшейся личной жизни воспитанниц сиротского приюта, которым она нашла мужей, до назначений на министерские посты. Разъезжая по трущобам в «роллс-ройсе», она выходила к беднякам со слезами сочувствия на глазах – в роскошной шубе, с бриллиантовыми кольцами, в туалете от парижских кутюрье, – и люди падали перед ней на колени: Эвита в роскошном одеянии была для них сродни богато украшенным статуям святых в церкви, она зримо воплощала то, о чем тайно мечтает каждый нищий крестьянин: богатство, благополучие, счастье.

В 1947 году Эвита Перон совершает поездку по Европе: за два месяца она посетила Испанию, Францию, Швейцарию, Италию, Ватикан. Эва представляла собой новую Аргентину: прекрасную, молодую, готовую сотрудничать.

Журнал Time назвал ее «непостижимой», генерал Франко вручил ей орден, а папа римский удостоил ее длинной беседы. Она с триумфом вернулась на родину, принеся стране миллиардные контракты на поставку мяса и зерна в разоренную войной Европу.

Но Эвита привезла с собой еще кое-что: представление о том, как должна выглядеть Первая леди. Отныне она одевается только у лучших портных Европы: ее гардероб наполнился костюмами от Шанель (сама Великая Мадемуазель сказала, что у Эвиты врожденное чувство стиля), Кристиана Диора, Баленсиаги, сшитыми на заказ английскими костюмами и обувью от Сальваторе Феррагамо. Ее стиль – сдержанная роскошь, дорогая элегантность, классические костюмы днем и роскошные вечерние платья для особых случаев, – стал образцом для всех женщин высших слоев не только в Аргентине, но по всей Латинской Америке. Решив стать похожей на европейских женщин, Эвита постепенно осветляла волосы – с каждым разом на тон светлее, – а из-за недостатка времени ее прически становились все проще и элегантнее, в конце концов придя к каноническому светлому пучку из кос. Золотистые волосы, уложенные в корону, делали ее похожей на Мадонну. Такую прическу еще не одно десятилетие будет делать себе половина латиноамериканок; любимый Эвитой фасон – расклешенная юбка, короткий приталенный жакет и туфли с ремешками на щиколотках – еще долгое время будет оставаться самым распространенным в Аргентине. Мода давно ушла вперед, но эта одежда была данью не моде, а лично Эвите.

Она пользовалась невероятным влиянием, при этом не занимая ни одной официальной должности. Перед президентскими выборами 1951 года ей пришла в голову мысль выдвинуть свою кандидатуру на пост премьер-министра страны: многотысячная толпа, собравшаяся на площади перед президентским дворцом, своими криками поддержала ее решение. В знак одобрения по всей стране прокатилась волна рекордов: в честь Эвиты мастера работали сутками без передышки, один бильярдист не разгибаясь закатил полторы тысячи шаров, а какой-то танцор танцевал танго сто двадцать семь часов. Но военные, на которых опиралась власть Перона, намекнули ему, что его жена в роли премьера им не подходит: она затмит его, она раздаст все деньги бедным, она – женщина! И Эвита отказалась от выдвижения: рыдая, стояла она перед микрофоном на балконе президентского дворца и рассказывала нации о том, что скромность и безграничная любовь к мужу не позволяют ей выдвинуть свою кандидатуру. Нация рыдала вместе с ней...

Эва Перон в объятиях мужа после митинга, где она объявила о том, что снимает свою кандидатуру с голосования

Но была у этого отречения и еще одна причина: Эвита стала уставать. Она худела и слабела с каждым днем, и не могла уже, как прежде, проводить по двадцать часов в день на ногах. Через месяц ее положили в больницу с сильной анемией: оказалось, что у нее был рак матки – последствия того неудачного аборта. Операции лишь усиливали страдания, но не излечивали.

Последний раз она появилась на публике 4 июня 1952 года в день второй инаугурации Перона. Ей было тридцать три года, и весила она тридцать два килограмма. Она так ослабела, что сидя ее поддерживал корсет из проволоки и подушек, а из дворца ее вынесли на руках. Ее последняя речь была о муже: «Я никогда не перестану благодарить Перона за то, чем я являюсь и что имею. Моя жизнь принадлежит не мне, а Перону и моему народу, они – мои постоянные идеалы. Не плачь по мне, Аргентина, я ухожу, но оставляю тебе самое дорогое, что у меня есть, – Перона».

С тех пор, как стране объявили о болезни Эвиты, вся Аргентина молилась о ее здоровье: тысячи месс, сотни процессий, десятки невероятных подвигов во имя выздоровления Эвиты... Ее смерть представлялась концом света, и когда Эвита умерла, вся страна погрузилась в глубочайший траур. В Ватикан поступило более сорока тысяч писем с требованием канонизировать Эвиту Перон как святую, отдавшую силы и жизнь в борьбе с бедностью.

Хуан Перон прекрасно понимал, что без Эвиты его власти быстро придет конец. Но если он не может сохранить ее душу, надо попытаться хотя бы сохранить ее тело, создав из него нетленный образ святой Эвиты. Врач-патологоанатом Педро Ара забальзамировал тело Эвиты – все видевшие его вспоминают, что это был настоящий шедевр: казалось, что

она дышит и улыбается. Тринадцать дней тело было выставлено для прощания – и не было дня, чтобы кто-нибудь не попытался покончить с собой у ее гроба. Три года тело Эвиты покоилось в часовне Всеобщей конфедерации труда, пока в 1955 году режим Перона не был свергнут.

Новому режиму не нужна была память о Пероне и еще меньше им был нужен культ Эвиты. Ее тело было решено спрятать. Его дальнейшая судьба похожа разом на шпионский детектив и роман ужасов: пять лет его перевозили с места на место, и всюду оно сеяло несчастья. Говорили, что доктор Ара сошел с ума от любви к Эвите.

Две копии мумии Эвиты были тайно захоронены на разных кладбищах Буэнос-Айреса, и один из хоронивших попал в аварию, оставшись инвалидом, а другой покончил с собой. Настоящее тело перевозили по стране, и всюду, где оно оказывалось, рядом немедленно появлялись свечи и живые цветы. Его прятали на военной базе и за экраном кинотеатра, в рабочем кабинете одного офицера и в доме другого: тот случайно застрелил свою беременную жену, приняв ее за похитителя тела Эвиты. Наконец давно покойную Эвиту Перон под именем Марии Маджи Маджистрис похоронил на кладбище в Милане.

Изгнанный Перон осел в Испании. Он женился на танцовщице Исабель Мартинес, которая делала все, чтобы стать похожей на свою великую предшественницу: сменила прическу, стиль одежды, даже стала называться Исабелита. Говорят, ее секретарь Хосе Лопес Рега исполнил мистический ритуал, в результате которого душа Эвиты должна была переселиться в Исабель. В начале 1970-х годов режим в Аргентине в очередной раз сменился, и генерала Перона простили: ему возвратили конфискованную бывшим правительством собственность, выплатили президентское жалование за все прошедшие годы – и даже вернули тело Эвиты. В 1973 году Перон вернулся в Аргентину и выиграл президентские Выборы – вице-президентом была Исабелита Перон. После того, как первого июля 1974 года Перон скончался от сердечного приступа, пост президента заняла его супруга. Первое, что она сде-

лала – вернула останки Эвиты из Мадрида в Аргентину, чтобы похоронить ее рядом с Пероном.

Похороны Эвиты

По дороге в аэропорт охранники, поссорившись, перестреляли друг друга, и машина врезалась в стену. Гроб чудом не пострадал.

Но Эвита не помогла преемнице: в 1976 году Исабелиту Перон свергли и посадили за хищения и коррупцию. Новое правительство перезахоронило Эвиту в семейном склепе Дуарте. По дороге на кладбище Реколета грузовик с телом снова попал в аварию – у водителя за рулем случился инфаркт, машина резко затормозила, и два охранника проткнули друг другу шеи штыками винтовок... Все это можно считать совпадениями; суеверные аргентинцы считают это выражением воли Эвиты, которая не любит, когда ее тревожат. Теперь она лежит,

погребенная под двумя свинцовыми плитами, за решеткой склепа, на стене которого написано: «Я вернусь и стану миллионами».

До сих пор историки Аргентины спорят о том, была ли Эвита святой или демоном. Одни пишут о ней как о «злопамятной прислуге с тщеславием королевы», «раковой опухоли на теле Аргентины», другие называют ее «Робин Гудом сороковых годов», «святой бедняков». Но народу нет дела до историков – до сих пор алтарь с портретом молодой золотоволосой женщины стоит почти в каждом аргентинском доме, а перед мавзолеем Эвиты всегда горят свечи и лежат ворохи живых цветов.

Звезды эпохи

Сара Бернар
Божественная Сара

От великих актеров остается мало — их игра прекрасна именно своей мимолетностью, их спектакли не поддаются фиксации во времени. После них остаются афиши и газетные рецензии, портреты и воспоминания. Но некоторые оставляют после себя не только память — Легенду. И одной из самых ярких театральных легенд стала Сара Бернар, величайшая актриса европейской истории, о которой писали, что она приводит мир в изумление одним своим существованием.

Ее называли Великой и Великолепной, Возлюбленной публики и Мадемуазель Бунтовщицей. Театр стал для нее не просто профессией, но и образом жизни, и всю свою жизнь она выстраивала по законам театрального действия, ни на день не отпуская от себя внимания публики. Считается, что Сара Бернар стала первой, кто прославился благодаря скандалам, которые она с непередаваемым изяществом умела не только провоцировать, но и использовать. Подсчитано, что если склеить все прижизненные статьи о ней, получившейся лентой можно опоясать земной шар, а стопка из ее фотографий была бы выше Эйфелевой башни. И помнить о ней будут еще очень долго...

Самим рождением Сара была обречена на то, чтобы отличаться от общепринятых норм. Ее мать Жюли Ван Хард (а точнее, Юдифь фон Хард, в чьих жилах смешались еврейская и голландская кровь), которую в биографиях Сары называют учительницей музыки, была на самом деле парижской куртизанкой — очень красивой, очень молодой и весьма дорогой. Жюли было всего шестнадцать лет, когда она 22 октября 1844 года родила свою первую дочь Генриетту Розину — Сарой ей еще только предстоит стать. Об отце будущей знаменитости исследователи спорят до сих пор. Одни с уверенностью называют Эдуарда Бернара (то ли инженер, то ли студент-юрист), другие с не меньшей уверенностью — морского офицера Мориса Бернара. Говорят, что своего отца Сара видела всего несколько раз, и умер он — кто бы он ни был — когда она была еще ребенком.

Девочка была некрасивой, очень болезненной и нервной. Жюли было не до дочери — ее ремесло не предполагало материнских чувств, и малышку по многовековому обычаю отдали кормилице в деревню. Кормилица-бретонка обожала свою «Пеночку», но сердце самой Розины было отдано ее матери — в редкие встречи Жюли представала перед дочерью «похожей на мадонну». Чтобы как-то удержать мать рядом, пятилетняя Розина выпрыгнула из окна: она сломала руку и повредила колено, зато на целых два года Жюли поселила ее в своем доме. А затем Розину снова отослали — сначала в пансион мадам Фрассар, а затем в пансион при монастыре Гран-Шан. Девочка отличалась буйным характером: вспышки гнева, дерзкие выходки, в сочетании с болезненностью, доставляли немало проблем добрым монахиням. Четыре раза Розину пытались вернуть матери — и снова принимали обратно, обезоруженные искренним раскаянием обаятельной девочки. В десять лет она храбро кинулась спасать тонущую в пруду подругу — и уже на берегу от переживаний упала в обморок.

Герцог де Морни, ок. 1865 г.

Монахини искренне были уверены, что их воспитаннице предстоит великая судьба – особенно если она примет постриг. «Эта девочка – лучшее, что у нас есть», – говорила Жюли мать-настоятельница. И в четырнадцать лет Розина искренне считала, что ее призвание – стать монахиней.

Правда, сама Жюли была другого мнения: она считала свою профессию делом весьма прибыльным и собиралась вывести на эту же тропу своих трех дочерей – Розину, Жанну и Режину. Вмешался ее тогдашний покровитель герцог де Морни – между прочим, единокровный брат Наполеона III: он был сыном его матери, падчерицы Наполеона голландской королевы Гортензии Богарне, от ее шталмейстера графа Флаго. Де Морни сделал великолепную карьеру и незадолго до описываемых событий женился в Петербурге, где служил послом, на княжне Софье Трубецкой (кстати, их единственная дочь Матильда де Бельбёф прославится своей любовной связью со знаменитой романисткой Колетт). Де Морни был известен как знаток красивых женщин и завзятый театрал – он даже писал неплохие водевили под псевдонимом де Сен-Реми. Отметив неукротимый темперамент, кошачью грацию и выразительные глаза юной Розины, он посоветовал ей пойти на сцену – и не без его протекции ее приняли в Консерваторию, как в Париже называлась актерская школа.

Розина Бернар не слишком подходила для сцены – невысокого роста, очень худая (а в то время в женщине ценились формы), она привлекала внимание разве что копной золотистых волос и аквамаринными глазами – огромными, глубокими, необыкновенно выразительными. Но ее талант заметили уже в первый год обучения: на ежегодном конкурсе Розина получила две премии: первую за исполнение трагической роли и вторую – за комическую. Уже в восемнадцать лет Бернар была зачислена (по протекции Александра Дюма и все того же де Морни) в труппу самого прославленного театра Франции – *Comédie-Française*, известного также как «Дом Мольера». Директор театра вздыхал: «Она чересчур тоща, чтобы стать актрисой!» – но против знаменитых просителей пойти не посмел. Дебютировала Сара Бернар – отныне это имя вошло в историю – 1 сентября 1862 года в трагедии Расина «Ифигения в Авлиде». Говорят, на премьере кто-то из публики крикнул партнеру Сары, когда она протянула к нему свои тонкие руки: «Осторожно, а то она проткнет тебя своими зубочистками!» А газеты написали, что дебютантка – «высокая, стройная девушка приятной наружности, особенно красива у нее верхняя часть лица. Держится она хорошо и обладает безупречной дикцией. Это все, что можно сказать о ней в настоящий момент». Через несколько лет автор этой рецензии Франсуа Сарсе стал знаменитым – как первый заметивший талант великой Бернар.

Не прошло и года, как Бернар со скандалом ушла из театра. История была анекдотичная: младшая сестра Сары наступила на шлейф примадонны театра мадам Натали, та оттолкнула девочку – да так, что она сильно ударилась о колонну. Сара вклепила Натали пощечину, и после начавшейся драки обе сестры Бернар были вынуждены навсегда покинуть Дом Мольера. Околотеатральная публика была уверена, что после такой выходки молодую скандалистку не возьмут ни в один театр, однако чуть ли не на следующий день стало известно, что мадемуазель Бернар подписала контракт с театром *Gymnase*.

Начав карьеру со скандала, Сара довольно быстро смогла доказать, что у нее есть и драматический талант. У молодой актрисы появились первые поклонники – правда, ей самой казалось, что в театре ее ценят мало, и тогда Сара решила взять самовольный отпуск. С рекомендательным письмом от самого Александра Дюма в 1864 году Сара едет в Брюссель, где на балу знакомится с герцогом Анри де Линем – представителем самой высшей европейской знати. Это была взаимная любовь с первого взгляда. Молодой человек даже собрался жениться – правда, при условии, что Сара бросит сцену. Она согласилась, но благородные родственники герцога воспылали не менее благородным гневом при одном известии о том, что в их семью может войти актриса, к тому же незаконнорожденная, к тому же еврейка! В конце концов Сару уговорили не портить жизнь любимому человеку. Она порвала с Анри, объяснив ему, что не может представить свою жизнь без театра... А 22 декабря 1864 года у Сары родился сын Морис – единственный мужчина, который остался в жизни Сары на всю жизнь.

Сара Бернар. Фотография Феликса Нодара, ок. 1866 г.

Сара Бернар никогда не рассказывала, кто отец ее сына: на вопросы журналистов она отвечала, что и сама не помнит – то ли Виктор Гюго, то ли генерал Буланже... Когда через

много лет герцог предложил Морису Бернару усыновить его и дать ему свою фамилию, тот отказался: его фамилия уже давно была гораздо прославленнее имен любого из бельгийских герцогов...

Эта история на всю жизнь показала Саре, что мужчины в ее жизни появляются на время, а театр будет всегда. С этих пор она беспрестанно меняла любовников и сцены, где выступала, но всегда оставалась верна своему искусству. Ее девизом были слова «Во чтобы то ни стало»: они красовались повсюду – на бумаге для писем, на носовых платках, на зеркалах в гримборных... Это был не призыв – а боевой клич, не позволявший сдаваться или унывать.

Уйдя из-за всей этой истории из Gymnase, Сара Бернар подписала контракт со знаменитым театром «Одеон», который быстро стал для нее родным домом: «Этот театр я любила больше остальных. Да, я могла жить там. Более того, только там мне и было по-настоящему хорошо», – писала она потом в своих воспоминаниях. Бернар постоянно репетирует, усиленно работает над новыми ролями – и успех следует за успехом. В спектакле «Прохожий» по пьесе Франсуа Коппе Бернар произвела сенсацию, с блеском сыграв юношу-менестреля Занетто: с этой роли началась череда знаменитых мужских ролей Сары Бернар. За несколько месяцев она стала настоящим кумиром у самой благодарной и самой тяжелой публики – парижских студентов. Ее горячность и страсть, необычная внешность и смелость поведения сделали ее символом нового театра и новой Франции.

Однако путь к славе прервался – и не по вине Бернар. В июле 1870 года началась франко-прусская война, а уже в сентябре немецкие войска осадили Париж. Сара отправила свою семью подальше от линии фронта, а сама осталась в городе – ее стараниями «Одеон» был превращен в госпиталь, и сама она с удовольствием играла роль медсестры. Поклонников, осаждающих театр-госпиталь ради автографа Бернар, она посылала за дровами, бинтами и едой или отправляла в операционные помогать врачам. Одним из таких «добровольных помощников» был девятнадцатилетний Фердинанд Фош – в 1915 году он, уже в чине маршала, будет сопровождать великую Бернар по фронтам Первой мировой войны...

Сезон 1871 года Сара Бернар открыла спектаклем по пьесе Виктора Гюго «Рюи Блаз»: она так играла королеву, что сам великий Гюго встал перед ней на колени. С этого момента она – признанная королева французской сцены. В своих мемуарах она писала: «Туманная завеса, дотоле застилавшая от меня будущее, спала, и я почувствовала, что рождена для славы. До сих пор я была лишь любимицей студентов, теперь я стала Избранницей Публики... Обо мне можно спорить, но пренебрегать мною нельзя».

Сара Бернар, 1879 г.

Конечно, с тем, что Бернар – самая талантливая, глубокая и сильная актриса своего времени, спорить можно бесконечно. Но ее актерское мастерство было совершенно: завораживающий голос, полный страсти и томления, который Дюма сравнивал с «хрустально чистым ручейком, журчащим и прыгающим по золотой гальке», отточенные движения рук, выразительная спина – Бернар была одной из первых актрис, не побоявшихся поворачивать к зрителю эту часть тела. Она никогда не боялась экспериментов, вдохновенно придумывая и прорабатывая те мелкие штрихи, которые превращают актерскую игру из талантливой в гениальную. Приколота к корсажу в первом акте роза к концу спектакля облетала, поражая зрителей глубиной образа. Катящаяся одна за одной слеза – только по правой щеке! – вызывала в зале бурю. Грим, который она разработала для своих выступлений, был уникальным: Бернар подкрашивала уши, что подчеркивало благородную бледность лица (французские актрисы делают так до сих пор!), гримировала кончики пальцев рук – так жесты становились особенно выразительными. Ее наряды – и сценические, и для обычной жизни – были целиком плодом ее собственной фантазии, они подчеркивали ее индивидуальность, не просто игнорируя моду, но рождая новые тенденции. Когда дамы одевались в многоярусные кружева светлых тонов – Бернар выходила в гладком темном платье; когда в моде были высокие прически – она ходила с распущенной гривой золотых кудрей. Когда в моде была симметрия и узкие юбки – Сара Бернар появлялась на балах в платье с яркой белой полосой с одного бока или в нарядах с широкими юбками в стиле XVII века. Ее хитом была предметом насмешек – газетчики называли ее «прекрасно отполированным скелетом», «чахоточным призраком» и «шваброй», парижане пересказывали друг другу анекдот: «Вчера на Елисейских полях остановилась пустая карета, и из нее вышла Сара Бернар!» Но именно ее фигура, ее вытянутое лицо стали образцом красоты нового стиля – модерна, «ар нуво». Критик Сергей Волконский, видевший Сару во время ее российских гастролей, писал: «Удивительная гибкость стана, одетая, как никто другой, – она вся была «по-своему», она сама была Сара, и все на ней, вокруг нее отдавало Сарой. Она создавала не одни роли – она создавала себя, свой образ, свой силуэт, свой тип...» Настолько «свой», что даже выпускались товары под ее именем – духи, мыло, перчатки, пудра – пользовавшиеся огромным успехом.

В «Одеоне» Сара Бернар играла пять лет – с 1867 по 1872. Это был период сплошных триумфов. И когда она, соблазнившись огромными гонорарами и возможностью реванша, разорвала контракт ради возвращения в Comédie-Française, ее слава лишь выросла. У нее и раньше не было отбоя от поклонников и любопытных журналистов, но теперь это было настоящее поклонение. Сара создала из своего образа жизни и из себя самой настоящий культ. Каждое ее слово, каждый шаг, любая встреча немедленно появлялись в газетах. Говорили, что у нее были тысячи любовников, об ее амурных похождениях писали книги – в одной из них, скандально известном апокрифе «Любовь Сары Бернар», было сказано, что она соблазнила всех глав государств Европы, включая папу римского.

Конечно, это было преувеличение, но существуют доказательства, что у Сары были весьма близкие отношения с принцем Уэльским (будущим королем Эдуардом VII) и племянником императора Наполеона; ее осыпали подарками австрийский император Франц-Иосиф, король Испании Альфонсо, российский император Александр III и король Италии Умберто, датский король предоставлял ей в полное распоряжение свою яхту, а герцог Фредерик – родовой замок. Сама Сара скромно писала о себе, что она была «одной из величайших любовниц своего времени».

Жан Муне-Сюлли

Самые известные люди того времени преклонялись перед нею – Виктор Гюго и Эдмон Ростан, Эмиль Золя и Александр Дюма-сын не только считали за честь написать пьесу специально для Бернар, но и восхищались ею как женщиной. Саре льстило и их преклонение, и то, что они воспевали ее в своих произведениях. Все театральные партнеры, по слухам, были в нее влюблены, и многие из них становились ее любовниками – правда, до тех пор, пока

спектакль не снимали с репертуара. Ее роман с трагиком Пьером Бретоном был таким бурным, что о них писали – своей страстью они могли освещать улицы. Бретона сменил гениальный французский актер Жан Муне-Сюлли, один из самых красивых мужчин Франции. Страстный и нежный, он обожал Сару и сумел покорить ее сердце. Их связь длилась достаточно долго для того, чтобы французы успели к ней привыкнуть и даже называли влюбленных просто «Пара». Но Сара изменила и Сюлли – он узнал об этом накануне представления шекспировской трагедии «Отелло», и драма едва не стала реальностью: в финале Сюлли чуть не задушил Дездемону-Бернар по-настоящему – помешал режиссер, успевший вовремя опустить занавес и разнять бывших любовников.

Сара умела ценить одаренность других и щедро раздавала свою любовь тем, кого считала достойными, но сама она прежде всего ценила собственную свободу. Уроки ее матери не прошли даром: она умело покоряла мужчин, но сама слишком хорошо знала, что будет, если им покориться. В мемуарах она писала: «Дом моей матери всегда был полон мужчин, и чем больше я их видела, тем меньше они мне нравились». Любовными приключениями ее исключительный темперамент не ограничивался. Сара была натурой увлекающейся, и если ее что-то интересовало, она погружалась в это с головой. Однажды к ней обратился скульптор Матье Менье, который желал лепить бюст прославленной актрисы. Та согласилась – и во время работы дала Менье столько точных и ценных советов, что пораженный скульптор посоветовал Бернар самой попробовать себя в ваянии. Она стала брать у него уроки и так увлеклась, что пару раз даже забывала о спектаклях, увлекшись лепкой. В 1873 году она представила в парижском Салоне бюст своей работы, а в 1876 году даже удостоилась премии за скульптурную группу «После бури» – эта работа была куплена за 10 тысяч франков. Сам прославленный Огюст Роден признавал ее талант скульптора, хотя и говорил, что ее работы довольно архаичны, а публика ценит их лишь потому, что их автор – Сара Бернар. Впрочем, может быть, Роден был просто обижен на нее – ведь Сара соблазнила его лучшего натурщика... Так же страстно увлекалась Бернар и живописью, даже во время редких каникул променяла курортную Ментону, где лечила свои с детства слабые легкие, на Бретань, где был суровый климат, зато потрясающей красоты пейзажи.

Во время Всемирной выставки 1878 года Сара Бернар осмелилась совершить полет на воздушном шаре, взяв с собой корзинку с завтраком и бутылку шампанского. Директора Comédie-Française чуть не хватил удар – если бы шар упал, в чем почти никто не сомневался, его театр бы разорился! А Сара была счастлива – потом она опишет свои ощущения в новелле «Среди облаков». Первый литературный опыт был столь удачным, что Сара не оставляла занятия литературой всю жизнь – ее перу принадлежат романы «Маленький идол» и «Красный двойник», четыре пьесы и книга мемуаров «Моя двойная жизнь», в которой великая актриса с немалым талантом обошла молчанием все свои любовные похождения. Зато она вспоминала, как спускалась в подземные пещеры по время гастролей в США – ей хотелось посмотреть на безглазых рыб, и как съехала на собственном пальто по замерзшему Ниагарскому водопаду, увлекая за собой всю труппу.

Сара Бернар. Чернильница-автопортрет

У себя дома Бернар тоже не жила «как положено». В комнатах ее особняка обитали четыре собаки, удав, обезьяна, какаду, гепард и белоснежный волкодав – последних двух Сара приобрела на деньги, вырученные от продажи ее картин в Англии. Как-то раз она вмешалась на улице в драку с неким господином, который, по ее мнению, слишком жестоко обращался со своей собакой, а в одну из холодных зим на две тысячи франков купила хлеба, чтобы накормить голодных парижских воробьев. Недоброжелатели не раз говорили, что Сара постоянно провоцирует прессу, поскольку лишь с помощью скандалов может заманить публику на свои спектакли – даже случившийся в ее доме пожар объявили провокацией. А уж сколько было сказано по поводу ее знаменитого гроба, который будто бы всюду сопровождал актрису! Сплетни на его счет с удовольствием множила сама Бернар: по одной ее

версии, этот гроб предназначался для ее младшей сестры Режины, умершей молодой, – но он не подошел по размеру, девать его было некуда, а выбросить жалко. По другой – она сама еще в детстве попросила мать купить ей гроб, поскольку здоровье у нее было слабое, а «лежать в каком-нибудь уродце» ей совсем не хотелось. Говорили, что Бернар нередко спит в нем, принимает гостей и даже занимается любовью, проверяя таким образом крепость нервов и чувств своих новых возлюбленных! Сара также рассказывала, что нередко разучивает в нем свои трагические роли – будто бы такое неожиданное место вдохновляет ее, помогая прочувствовать всю глубину образов ее умирающих героинь...

Так это или нет, но вершиной мастерства Сары Бернар действительно считались сцены смерти. Финальная сцена в ее коронном спектакле «Дама с камелиями» Дюма-сына так потрясала зрителей, что они своими рыданиями заглушали собственные овации, а Сара нередко от переживаний падала за кулисами в обморок. В этой роли Сара умирала более трех тысяч раз! После премьеры своей драмы «Эрнани» потрясенный Гюго написал ей письмо: «Мадам! Вы были очаровательны в своем величии. Вы взволновали меня, старого бойца. Я заплакал. Дарю Вам слезу, которую Вы исторгли из моей груди, и преклоняюсь перед Вами». К письму был приложен браслет с бриллиантовой подвеской-каплей.

Сейчас трудно себе представить, какое воздействие оказывала на зрителей игра Сары Бернар, но современники в один голос говорили, что оно было необычайной силы. Каждый спектакль заканчивался триумфом, и каждый раз овации были сильнее, чем в прошлый раз. Сара была властительницей дум, повелительницей и объектом поклонения зрителей по всему свету, и это не могло на нее не повлиять. Биограф Сары Корнелия Скиннер, современница актрисы, писала в своей книге, что первые успехи опьянили Сару на всю жизнь: «Она осознала, что является величайшей актрисой эпохи, и ей это показалось таким же само собой разумеющимся фактом, как и то, что королева Виктория владеет английской короной». Она привыкла, что с ней считаются, и не задумываясь предъявляла свои требования и забирала назад обещания. В 1880 году она – после триумфальных гастролей в Англии, где сам Оскар Уайльд усыпал ее путь охапками лилий, – разрывает контракт с Comédie-Française. Дирекция потребовала огромную неустойку и все равно жаловалась на то, что ее уход нанес им огромные убытки, но все же без Сары Бернар им жилось не в пример спокойнее. Но газеты восприняли уход Бернар как предательство, и на нее вылился поток обвинений, конец которому положил Эмиль Золя, заявивший: «Вы говорите, что у нее нет никакого таланта. Так зачем же вы восемь лет одурачили ее фимиамом похвал... Вы портите женщин, а потом убиваете их!»

А Бернар собрала труппу и поехала с гастрольным турне по Америке, и теперь уже действительно весь мир лежал у ее ног. За 205 дней она дала 162 представления, репетируя во время переездов. Когда ей сообщили, что шум вокруг ее имени в Нью-Йорке оказался гораздо больше, чем ажиотаж по поводу посещения этого города правителем Бразилии, Сара спокойно ответила: «Ах, это был всего лишь один из императоров!»

В 1881 году она впервые оказалась в России – потом она еще дважды приедет сюда. «Московские ведомости» писали: «Великие мира осыпали эту сказочную принцессу почестями, каких, вероятно, и во сне не снилось ни Микеланджело, ни Бетховену...» Здесь, кроме ожидаемых триумфов, случилось и нечто совершенно неожиданное: Сара Бернар влюбилась. В Санкт-Петербурге она познакомилась с дипломатом Жаком Аристидисом Дамала, по происхождению греком, моложе Сары на девять лет. Дамала был очень красив, обаятелен и умел нравиться женщинам – даже слишком хорошо умел. Современники говорили об этом капризном и избалованном красавце, что он – нечто среднее между Казановой и маркизом де Сад. Дамала нравилось не только покорять женщин, но и чувствовать свою власть над ними, к тому же он был азартным картежником и наркоманом, а деньги на свои дорогостоящие увлечения получал от очарованных им дам. Трудно объяснить, чем он привлек Сару; но она

оказалась настолько влюблена, что даже согласилась выйти за него замуж. Дамала немедленно – «ради жены» – бросил службу, и Сара зачислила его в состав собственной труппы, назначив большое жалованье. Несмотря на то, что талантом драматического актера Дамала совершенно не обладал, Бернар поручала ему ответственные роли, а он в ответ изменял ей с молоденькими актрисами и не стеснялся рассказывать об этом Саре, да еще при посторонних: он получал большое удовольствие, унижая свою знаменитую супругу. Она оплачивала его долги, пыталась излечить от наркомании – даже как-то прилюдно избила зонтиком аптекаря, поставлявшего ее мужу кокаин и морфий. Но брак, обреченный с самого начала, не прожил и года. Однако Сара продолжала опекать бывшего супруга до самой его смерти, случившейся в 1889 году.

Альфонс Муха. Афиши к спектаклям Сары Бернар: «Дама с камелиями» А. Дюма, «Медея» К. Мендеса, «Самаритянка» Э. Ростана, «Лорензаччо» А. де Мюссе

Неудачное замужество поколебало и без того расшатанную психику актрисы. От любого несчастья она знала только один рецепт – работа. Сара работала день и ночь, не оставляя себе времени ни на сомнения, ни на отдых. Постоянные гастроли, спектакли, триумфы следовали один за другим. Бернар объехала всю Америку, Европу и Азию, была в Австралии и даже на Сандвичевых островах! Ее спектакли не нуждались в переводе – критики справедливо отмечали, что зрители понимали бы великую актрису, даже если б она говорила по-китайски. Она получала баснословные гонорары, которые, правда, не задерживались в ее карманах – экстравагантный образ жизни Сары Бернар и ее щедрая натура требовали больших расходов. Светские приемы, где гостей угощали самыми роскошными блюдами (сама Сара ела очень мало), подарки членам труппы и благотворительность, которой Сара занималась втихомолку, влетали ей в копеечку. К тому же сын Морис пристрастился к игре и проигрывал немалые суммы – говорят, что Бернар столько лет продержалась на сцене, потому что ей постоянно были нужны деньги.

Жак Дамала с партнершей, 1883 г.

Энергия Бернар поражала, но постоянные переезды отнимали силы и не оставляли времени на творчество. Тогда она решила остановиться – и в 1893 году купила театр «Ренессанс», став в нем директором, художественным руководителем и ведущей актрисой. В работе ей помогал сын Морис. На следующий год она, задумавшись о необходимости достойного художественного оформления своих спектаклей, заказывает афишу к премьерному спек-

таклю «Жисмонда» по пьесе Викторьена Сарду начинающему графику Альфонсу Мухе. По легенде, тот выполнил работу за одну ночь: колоннообразная фигура Сары с пальмовой ветвью венчалась надписью, изогнутой в виде нимба. Бернар пришла в восторг: «Маэстро, вы сделали меня знаменитой. Я предрекаю Вам славу!» – и заключила с ним контракт на шесть лет, согласно которому Муха делал для театра Сары Бернар все афиши и программки, ставшие у него произведениями искусства, принимал участие в оформлении спектаклей и создании костюмов. Сотрудничество было невероятно плодотворным. На афише к спектаклю «Медея» Муха нарисовал на руке Сары удивительный браслет в виде змеи, обвивающий руку и заканчивающийся кольцом. Рисунок так ей понравился, что она немедленно заказала у ювелира Жоржа Фуке браслет по этому рисунку – удивительной красоты змея из золота, эмали и опалов стала самым известным украшением эпохи модерн, породив неумирающую моду на ювелирные изделия в виде животных. Уникальные украшения для Бернар Муха и Фуке делали еще не раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.